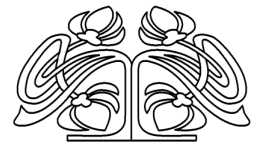

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Жиброва Т. В.** К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке 136
- Кочукова О. В.** Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х годов «Нива» и «Пчела») 141
- Угрюмова М. В.** Делопроизводственная культура государственных учреждений дореволюционной России и особенности документирования деятельности земского самоуправления 147
- Каулин К. В.** Взаимодействие Министерства иностранных дел с прессой при министре иностранных дел А. П. Извольском 152
- Мякшев А. П.** Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года 158
- Кедров Н. Г.** Несостоявшаяся революция С. И. Савельева 165

Всеобщая история

- Зайцева И. В.** Новая картина мира: «Византийское искажение» в «Христианской топографии» Космы Индикоплова 172
- Галямичев А. Н.** О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы 178
- Креленко Н. С.** Хорас Уолпол об истории и историках 183
- Ещенко А. О.** Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной? 187
- Полунин Е. С.** Основные составляющие проблемы немецких меньшинств в Восточной Европе по итогам Первой мировой войны 197

Международные отношения

- Балкылыч Е. О.** Зачем Канаде санкции? Определяющие факторы современной внешней политики Канады в отношении России 204
- Смирнова О. А.** «Многовекторная дипломатия» Ж. Ширака (1995–2007 годы) 208
- Крупин С. В.** Противостояние арабского и еврейского населения в Палестине: доминирование насилия и международный контекст (первая половина XX века) 214
- Кулуева С. Н.** Политический портрет дамасского льва. Президент Сирии Хафез Асад 219

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века 225
- Мельников П. Ю.** Одиночные крестьянские домохозяйства Саратовской губернии конца XIX века по данным земских подворных переписей 233
- Герман А. А.** Революционная деятельность Эрнста Рейтера в Саратовском Поволжье (1918 г.) 238
- Белова А. В.** Начало совхозного строительства на Нижней Волге (1917–1924 гг.): на материалах Саратовской и Царицынской губерний 247
- Амирханова М. М.** Социальное страхование населения в Дагестане в 1920 – первой половине 1930-х годов 253
- Сушко М. Ю.** Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе 259

Критика и библиография

Представляем книгу

- Степанов Ю. Г.** Прерванный дебют 265

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Певная Татьяна Константиновна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 31.05.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,34 (16,5).
Тираж 500 экз. Заказ 61-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ORCID, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Zhibrova T. V.** To the Question of Sources of Settlement of the Customs and Tavern Administrative Equipment in the Voronezh District in the 17th Century 136
- Kochukova O. V.** Poetic Images of the Liberation War of Russia in the Balkans (on the Materials of Magazines of the 1870s «Niva» and «Pchela») 141
- Ugruymova M. V.** Clerical Culture of National Institutions of Pre-revolutionary Russia and Some Features of the Document Performance in Local Autonomy 147
- Kaulin K. V.** Interaction of Ministry of Foreign Affairs with the Press under the Ministry of A. P. Izvolsky 152
- Myakshov A. P.** The Dismantling of the Single Union and the Soviet System of the International Relations in August – December 1991 158
- Kedrov N. G.** Sergey Savelyev's Unfulfilled Revolution 165

World History

- Zaytseva I. V.** A New View of the World: «Byzantine Distortion» in «the Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes 172
- Galyamichev A. N.** On the Reasons of Wide Spread of the Magdeburg City Law in the Countries of Central and Eastern Europe 178
- Krelenko N. S.** Horace Walpole about the History and Historians 183
- Eschenko A. O.** One Spain – Two Bonapartes: Different Approaches of Governance? 187
- Polunin E. S.** The Basic Components of Problem of German Minorities in Eastern Europe after the First World War 197

International Relations

- Balklych E. O.** What does Canada Need Sanctions for? Crucial Factors of Canadian Foreign Policy Towards Russia 204
- Smirnova O. A.** Multi-vector Diplomacy of J. Chirac (1995–2007) 208
- Krupin S. V.** Conflicts of the Arab and Jewish Population in the First Half of the 20th Century: the Domination of Violence and the International Context 214
- Kulueva S. N.** The Political Portrait of Damascus Lion. Syria's President Hafez Assad 219

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** The Beginning of Trade Route from Saratov to Moscow in the Third Quarter of the 17th Century 225
- Melnikov P. Yu.** Single Peasant Households of the Saratov Province of the End of the XIX Century According to Zemstvo Household Censuses 233
- German A. A.** Revolutionary Activity of Ernst Reuters in the Saratov Volga Region (1918) 238
- Belova A. V.** The Beginning of Sovkhozes Formation in the Lower Volga Region (1917–1924): on the Materials of Saratov and Tsaritsyn Provinces 247
- Amirkhanova M. M.** Social Security of the Population in Dagestan in the 1920s – the First Half of the 1930s 253
- Sushko M. Yu.** The Process of Municipalities Enlargement in Saratov Region as a Factor of Alteration of the Rural Settlement Structure at the Present Stage 259

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Stepanov Yu. G.** The Interrupted Debut 265

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

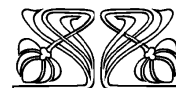
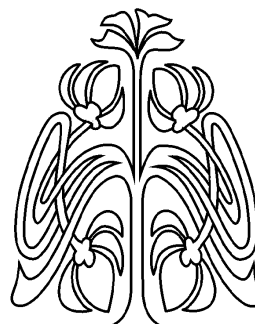
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

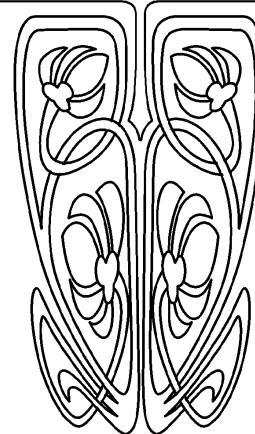
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47+57)«16»

К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке

Т. В. Жиброва

Жиброва Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, tashazhibrova@rambler.ru

Статья посвящена проблеме комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата в Воронежском уезде в XVII в. Анализируется социальное происхождение воронежских таможенных и кабацких голов, как откупщиков, так и вступивших в должность «по выбору». Предпринимается попытка проследить механизм избрания таможенных и кабацких целовальников и дьячков. Рассматривается соотношение откупного и «верного» способа сбора таможенных и питейных пошлин на протяжении столетия, составлен коллективный портрет головы Воронежской таможенной избы и кабака (кружечного двора) XVII в. по сохранившимся архивным и опубликованным документам.

Ключевые слова: административный аппарат, таможенный голова, целовальники, дьячки, Воронежский уезд.

To the Question of Sources of Settlement of the Customs and Tavern Administrative Equipment in the Voronezh District in the 17th Century

T. V. Zhibrova

Tatyana V. Zhibrova, <https://orcid.org/0000-0002-1261-4435>, Voronezh State Medical University, 10 Studencheskaya St., Voronezh 394000, Russia, tashazhibrova@rambler.ru

The article is devoted to the problem of settlement of the customs and tavern administrative apparatus in the Voronezh district in the 17th century. The author analyzes the social origin of customs and tavern heads, both as elected on faith, and tax farmers. The article concerns the mechanism of electing of customs and tavern cross-kissers and clerks. The author examines the ratio of repurchase and the «right» way of collecting customs and drinking duties, makes an attempt to compile a collective portrait of the head of the Voronezh customs hut and tavern of the 17th century based on surviving archival and published documents.

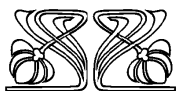
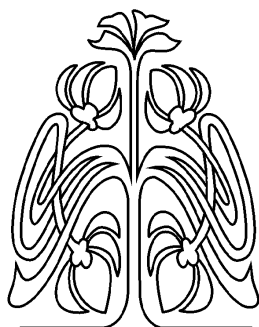
Keywords: administration, head of customs, tax-collectors, clerks, Voronezh district.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-136-140>

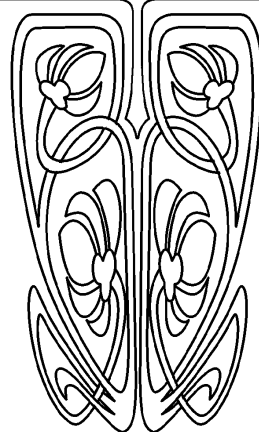
Проблема комплектования местных учреждений, в том числе таможенных изб и кабаков (кружечных дворов), находилась в сфере внимания исследователей с середины XIX в. Особого внимания заслуживает труд Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке»¹, работы В. Н. Захарова², В. Н. Булатова³, М. Б. Булгакова⁴, А. И. Раздорского⁵ и др.

По законодательным источникам XVII в. таможенные и кабацкие головы и целовальники должны были выбираться или назначаться из числа посадского населения и крестьян дворцовых сел⁶. Однако в ряде регионов России, особенно на Юге страны, где посад был немногочисленным⁷, административный аппарат таможни и кабака (кружечного двора) имел более широкие источники комплектования.

Следует различать два способа организации сбора таможенных и кабацких пошлин на местах⁸. Первый, как представляется, более

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

традиционный для населения, называется в сохранившихся документах «верным». В этом случае таможенное и питейное управление в уезде оказывалось в руках местного жителя, человека, как правило, зажиточного, честного, который избирался на должность таможенного и кабацкого головы «по выбору» или «по вере» своими соседями. В первых числах сентября он приводился к крестоцеловальной присяге в церкви и находился на своей должности, не получая никакого жалования в течение года или двух. Как видим, «верный способ» представляет собой пример государственной повинности для населения, не приносящей ему никакого дохода. Напротив, если верный голова не справлялся со своими обязанностями, убытки должны были возмещаться за счет его личного имущества, а также средствами поручителей, которыми были, как правило, все местные жители.

Таможенный и кабацкий откупщик – совсем другая фигура и по происхождению, и по статусу. Откупной способ, по всей видимости, в глазах государственной системы также имел больше преимуществ, по сравнению с «верным браньем». Не случайно в грамотах местным воеводам указывалось выставить «тамгу и кабак» сначала на аукцион, а если откупщика не найдется, выбирать таможенного и кабацкого голову обычным способом. Откупщик вносил в государственную казну заранее оговоренную сумму и все доходы сверх этих денег мог оставить себе. Отметим также, что согласно грамотам из Москвы местное население не могло пожаловаться на притеснения откупщика вплоть до окончания срока откупа.

Рассмотрим, к каким социальным группам относились верные таможенные и кабацкие головы и откупщики Воронежского уезда. Проследить их социальное происхождение позволяют документы о выборе и о назначениях откупщиков. Эти материалы отличались однообразием и содержали указания на происхождение головы. Часть сведений о социальном статусе таможенных и кабацких голов можно найти в Переписной книге 1646 г.⁹ и в десятиях XVII в., проанализированных В. Н. Сторожевым¹⁰.

Откупщики таможенных и кабацких сборов имели более пестрое социальное происхождение, по сравнению с верными головами. В первой половине XVII столетия до отмены откупов в 1652 г. таможенные и кабацкие сборы на откуп брали посадские люди и зажиточные крестьяне¹¹. Так, в Воронежском уезде в 1624–1625 гг. откупщиком таможи и кабака был крестьянин князя И. Б. Черкасского И. Офремов. В 1628–1629 гг. эту должность занимал тяглец Казенной слободы Ф. Сырешиков, а в 1634–1635 гг. откупщиком воронежской таможи и кабака вместе с товарищем И. Москвитиным был крестьянин боярина И. Н. Романова Калужского уезда села Спасское А. Григорьев.

По Воронежскому уезду мы располагаем следующими данными, характеризующими ситуацию

до 1652 г. Из числа таможенных и кабацких голов обозначенного периода 32 % были откупщиками и 68 % – находящимися на своей должности «по выбору». Среди откупщиков 50 % являлись выходцами из крестьян и 25 % – из числа посадских людей¹².

Во второй половине XVII в. после временного отказа от откупной системы, желающих стать откупщиками было меньше. Изменился и их социальный состав. Кабацкие и таможенные сборы на откуп брали теперь люди зажиточные, крупные торговцы. Процент передачи воронежской таможенной и кабацкой избы на откуп упал до 6 %, тогда как верный способ достиг 94 %¹³. Среди откупщиков второй половины столетия – люди иногородние, в основном москвичи. Так, в 1692–1695 гг. откупщиком таможенной избы и кружечного двора Остроужска, Воронежа, Коротояка и Костенска был крупный торговец, член гостинной сотни Б. Полосин¹⁴.

Проанализировав социальный состав откупщиков на протяжении XVII столетия, можно выявить основные источники их комплектования. Как правило, это крестьянство, члены привилегированной торговой корпорации (единичные случаи) и посадское население (примерно 25 %). Отметим, что после реформы 1652 г. количество откупщиков, вышедших из крестьян и посада, резко сократилось, так же как снизилось в целом количество откупа вообще. Глубинные причины этих процессов могут скрываться в общей нестабильной экономической обстановке в уезде, в подсознательно возникшем недоверии властям в пореформенный период, страхе начинать новое дело (таможенный и кабацкий откуп – это все-таки предпринимательский риск), отсутствии гарантированно высоких сборов с местного населения и т. д. В этой связи москвичи, приехавшие в Воронежский уезд за новым источником доходов, выглядели в глазах местных жителей как чужаки, заботившиеся только о собственной выгоде, о чем свидетельствуют многочисленные челобитные¹⁵.

В отличие от откупной системы, которая приносила голове личные доходы, «верная», как уже было сказано, была повинностью для населения. В XVII столетии «верным» таможенным и кабацким головой мог стать посадский человек или мелкий служилый человек – пушкарь, стрелец. Как свидетельствует анализ документов, на протяжении всего столетия основной социальной группой, из которой выбирались таможенные и кабацкие головы в южных уездах России, были служилые люди «по отечеству» – дети боярские. Из известных нам около ста голов таможи и кабака (кружечного двора) Воронежского уезда 72 % происходили из детей боярских.

Представляет также интерес практика назначения таможенных и кабацких голов в разные уезды из других городов. Так, в Курске в начале XVII столетия таможенные и кабацкие пошлины собирали по царской грамоте воронежские посадские люди

Л. Титов (голова 1628 г.) и Д. Веневитинов (голова 1629 г.). В Воронежском уезде в разные годы головами были ельчане С. Трубицын (1645–1646 гг.) и Н. С. Плеханов (1647–1648).

Попытаемся составить коллективный портрет воронежского таможенного и кабацкого головы, опираясь на некоторые известные факты их биографий. На посту руководителя воронежской таможни и кабака (кружечного двора) оказывались уважаемые жители города и уезда. Они были зажиточны, как правило, грамотны. Должность таможенного и кабацкого головы была своего рода очередной ступенькой карьерной лестницы. Воронежские таможенные и кабацкие головы в разные годы занимали посты губного старосты, осадного головы и пр. Так, например, А. Горожанкин был воронежским таможенным и кабацким головой с 1638 по 1639 г. В 1654–1658 гг. он уже занимал должность губного старосты. Однако дальнейшая его судьба складывалась не столь удачно. За должностные злоупотребления он был лишен поместья с конфискацией имущества¹⁶.

Сменивший А. Горожанкина на посту таможенного и кабацкого головы И. П. Шишкин по десятилетью 1621–1622 гг. известен как новик с окладом 300 четвертей (150 Га). Пока что он был беспоместным, но получал денежный оклад в размере 9 руб.¹⁷ Таможенный и кабацкий голова 1643–1644 гг. С. Н. Паринов также был сыном боярским, по десятилетью 1621–1622 гг. он назван помещиком с. Чертовицкое Воронежского уезда¹⁸.

Судя по всему, должность головы таможни и кружечного двора могла помочь в карьерном росте. Так, воронежский посадский человек М. Прибытков, оставив должность верного таможенного и кабацкого головы в 1654 г., за свои старания был награжден жалованьем и записан в выборные дети боярские и отпущен в Усмань стрелецким и казачьим головой¹⁹. До этого момента М. Прибытков упоминается в таможенных книгах как откупщик рек Икорец и Дон в 1641 г.²⁰ Голова 1659 г. Л. П. Шишкин служил воронежским осадным головой.

Рассмотрим источники комплектования среднего административного звена таможенной избы и кружечного двора – целовальников, дьяков и подьячих. Если таможенные и кабацкие головы могли быть жителями соседних уездов, так называемыми «сторонними» людьми, то целовальники при них всегда выбирались из местного населения. Повсеместно сигналом к началу новых выборов служила грамота из Москвы. Основным критерием для занятия должности целовальника было имущественное благосостояние и честность. Помощники головы непосредственно контактировали с населением и должны были пользоваться его доверием.

Целовальники выбирались, как правило, из числа посадского населения и из крестьян. Однако данные анализа многочисленных документов указывают на то, что в выборах принимали

участие другие категории населения. На Юге России вследствие малочисленности посадского населения целовальники могли выбираться из числа местных мелких служилых людей: пушкарей, казаков, затинщиков и пр.

Судя по всему, в Воронежском уезде каждая социальная группа выбирала из своей среды одного–двух целовальников. Так, 1 сентября 1638 г. по Государеву указу воронежские стрелецкие пятидесятники выбрали целовальником стрельца И. Ф. Кольцова и беломестного казака П. В. Толмочова²¹; пушкари и затинщики – пушкаря К. А. Чеботаря²²; жители слободы Напрасная – стрельцов С. Колесникова и Ф. Плешивого²³. Как говорилось в поручных документах, «за нашим выбором им учинить прибыль збирать денежные доходы вправду с великим раденьем и неоплошно безовсяжкие хитрости и ни с кем не сужатся и не корыстоваться»²⁴.

В 1648 г. в Воронеже проводились выборы нового головы и целовальников. Документ о выборах был составлен очень подробно, с перечислением имен выборщиков. «Воронежские полковые городовые и беломестные атаманы десятники (имена) выбрали усманского атамана Назарья Картавого, стрелецкие пятидесятники и десятники (имена) и все рядовые стрельцы 400 человек выбрали воронежского стрельца Терентья Васильева сына Швецова»²⁵. Беломестные и полковые казаки-пятидесятники и десятники и рядовые казаки 606 человек выбрали в целовальники трех человек – Константина Солодовникова, Алексея Зенина и Игната Грибанова²⁶.

Воронежские пушкари и затинщики выбрали воронежского затинщика А. С. Кузнецова. Напрасной слободы оброчные люди – оброчных людей Т. Деива сына Синельника да Л. И. Даншина; жители Успенской оброчной слободы – Т. И. Золотарева, К. Ф. Сапожника. В этом же документе указывалась мера наказания за превышение своих полномочий в должности целовальника. «Если учнут пити и воровать», то наказание должны были понести не только виновные, но и сами выборщики.

1 сентября 1678 г. жители Усманского стана выбрали в целовальники атамана из села Усмань М. Демина «таможенные и кабацкие денежные доходы сбирать в правду с великим радением неоплошно». Стрелецкие пятидесятники выдвинули в качестве своего делегата в целовальники воронежского стрельца Якова Уксусова. Беломестные и полковые казаки-пятидесятники и десятники выбрали на должность целовальников воронежских полковых казаков Юрия Сенцова, Сергея Фролова и Ивана Милованова²⁷.

Можно предположить, что количество целовальников зависело не только от размеров таможенных и кабацких сборов и, следовательно, от объемов работ в таможенной избе и на кабаке (кружечном дворе), но и от количества значимых социальных категорий местного населения, на

которых повинность предоставления выборных целовальников должна была раскладываться более или менее равномерно.

Необходимость выбирать целовальников по одному или два от каждой социальной категории можно объяснить стремлением, с одной стороны, местных жителей обезопасить себя от притеснений «чужих» целовальников, а с другой стороны, намерением центральных властей даже в случае недоборов гарантировать высокие доходы. Как говорилось в выборных документах, целовальники обязывались *«казну не красть, и своими товарами беспощинно не торговать, и по свойству и по дружбе пошлинами никому не поступаться и на зборные деньги товаров себе не покупать и кружечного двора никаких питей безденежно не пить и никого не поить и ничем не пользоваться и ни в чем казне потери не учинить иначе пеня на выборщиках»*²⁸.

Наряду с целовальниками из среды посадских людей или из мелких служителей церкви выбирали дьячков для ведения делопроизводства, которые иногда работали по найму. Основными критериями для выбора этих должностных лиц южнорусской таможенной избы и кружечного двора были их грамотность и честность. Так, в 1637 г. воронежские дворяне и дети боярские, стрельцы, посадские и торговые люди выбрали в дьячки воронежского посадского человека П. К. Харина. Обязанности дьячка прописывались в документе о выборе. Он должен был *«присылы и расходы и долговые книги писать в правду по крестному целованию и лишка ни на ком не написать»*²⁹. В сентябре 1678 г. для письма был выбран дьячок Мартын Петров, *«чтоб государевой казне приход вел и приходные книги писал в правду против евангельской заповеди»*³⁰.

Судя по всему, южнорусская таможня и кружечный двор были не самым привлекательным местом для немногочисленных подьячих. Здесь трудились в основном дьячки, многие годы оставаясь на своей должности при разных головах, верных или откупщиках. В 1661 г. в Воронежском уезде при голове С. Л. Горожанкине находился дьячок Р. Осипов. В 1692–1695 гг. подьячим воронежской таможи был И. Кислов. В Орлове несколько лет при разных головах в таможенной избе трудился дьячок Г. Кузнецов, упоминавшийся в выборных документах при головах 1674 г. Л. Болдыреве, 1679 г. Л. Курасове и 1687 г. И. Горбунове.

Итак, социальный состав административного аппарата Воронежской таможенной избы и кабака (кружечного двора) в XVII в. отличался от центральных регионов России. В начале XVII столетия в случае если руководителями таможи и кабака были откупщики, головами становились преимущественно представители посадского населения и крестьяне. Социальный состав верных таможенных и кабацких голов, в отличие от центра страны, где эти должности занимали посадские люди, был представлен в основном детьми

боярскими. На данных должностях могли также находиться посадские и служилые люди «по прибору»: стрельцы, казаки, пушкарки и т. д.

Источники комплектования целовальников легко прослеживаются по документам выбора, составленным по каждой социальной группе местного населения. Они выбирались из посадских людей, крестьян, но в большинстве из представителей служилых людей «по прибору». Работавшие в Воронежской таможенной избе и на кабаке (кружечном дворе) дьячки и подьячие выбирались из числа мелких служителей церкви или посадского населения³¹.

Структура таможенного и кабацкого аппарата Воронежского уезда в XVII в. и его социальный состав соответствовали общей картине южнорусских таможенных изб и кабаков (кружечных дворов). На Юге России посадское население было немногочисленным и поэтому не могло активно участвовать в процессе таможенного и питейного управления. Воронежская таможенная изба и кабацкая (кружечный двор) были типичными южнорусскими государственными учреждениями XVII в.

Примечания

- 1 См.: Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. 604 с.
- 2 См.: Захаров В. Н. Таможенное управление в России в XVII веке // Государственные учреждения России XVI–XVII вв. : сб. науч. тр. М., 1991. С. 49–77.
- 3 См.: Булатов В. Н., Минаева Т. С., Петров О. В., Санников Л. И. История архангельской таможи XVI–XX вв. Архангельск, 2001. 192 с.
- 4 См.: Булгаков М. Б. Посадские люди в системе государственных служб в XVII в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 228–303.
- 5 См.: Раздорский А. И. Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017. 259 с.
- 6 См.: Соборное уложение 1649 г. : Текст, комментарии / [АН СССР. Ин-т истории, авт. кол. : А. Г. Маньков (рук.) и др. ; коммент. Г. В. Абрамовича и др.]. Л., 1987. С. 287.
- 7 См.: Ляпин Д. А. От крепостей к городам : повседневные и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История : Факты и символы. 2016. № 2. С. 9–16.
- 8 См.: Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. С. 34.
- 9 См.: Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / [подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева]. Воронеж, 1998. 208 с.
- 10 См.: Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. С. 77–110.

- ¹¹ См.: Жиброва Т. В. «Они люди добрые и наперед сево за ними воровства и озорничества никакова не бывало»: конфликты вокруг таможи и кружечного двора на примере материалов Воронежского уезда XVII века // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. № 1 (14). С. 46–52.
- ¹² См.: Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке: дис. ... канд. ист. наук. С. 82.
- ¹³ См.: Жиброва Т. В. Проблема комплектования таможенного и кабацкого аппарата на юге России в XVII веке // Электронный научно-образовательный журн. История. 2012. Т. 3. Вып. 7(15). С. 19–20. URL: <http://history.jes.su> (дата обращения: 25.03.2019).
- ¹⁴ См.: Жиброва Т. В. Борис Полосин: откупщик воронежского кружечного двора и таможи конца XVII века // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2017. № 2 (12). С. 44–49.
- ¹⁵ См.: Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке: дис. ... канд. ист. наук. С. 176.
- ¹⁶ См.: Сторожев В. Н. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁷ См.: Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 353.
- ¹⁸ См.: Сторожев В. Н. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁹ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 86. Л. 35.
- ²⁰ Там же. Д. 341. Л. 33.
- ²¹ Там же. Д. 104. Л. 20–26.
- ²² Там же. Л. 27.
- ²³ Там же. Л. 28.
- ²⁴ Там же. Л. 20–26.
- ²⁵ Там же. Оп. 13. Ст. Приказн. ст. Д. 177. Л. 12–13.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ См.: Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Д. 50. Л. 10–15.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 341. Л. 82–83.
- ²⁹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 50. Л. 10–15.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
- ³¹ Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке: дис. ... канд. ист. наук. С. 91.

Образец для цитирования:

Жиброва Т. В. К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 136–140. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-136-140>

Cite this article as:

Zhibrova T. V. To the Question of Sources of Settlement of the Customs and Tavern Administrative Equipment in the Voronezh District in the 17th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History: International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-136-140>

УДК 94(47).081.4+070(470)(09)

Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х годов «Нива» и «Пчела»)

О. В. Кочукова

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена образно-художественной репрезентации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах популярных российских журналов 1870-х гг. «Нива» и «Пчела». На основе анализа текстов стихотворений, опубликованных в периодических изданиях, рассматриваются историко-культурный контекст формирования и эволюции образов освободительной войны России на Балканах, культурно-психологическая составляющая восприятия «славянского вопроса» в русском обществе в 1870-е годы.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Сербско-турецкая война 1876 г., поэтическая публицистика, журнал «Нива», журнал «Пчела».

Poetic Images of the Liberation War of Russia in the Balkans (on the Materials of Magazines of the 1870s «Niva» and «Pchela»)

O. V. Kochukova

Olga V. Kochukova, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kochukovasgu@mail.ru

The article is devoted to the figurative and artistic representation of the Russian-Turkish war of 1877–1878 on the pages of popular Russian magazines of the 1870s «Niva» and «Pchela». Analyzing the texts of poems published in periodicals, the author examines the historical and cultural context of the formation and evolution of images of the liberation war of Russia in the Balkans. The author of the article analyzes the cultural and psychological components of the perception of the «Slavic question» in Russian society in the 1870s.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, Serbo-Turkish war of 1876, poetic journalism, magazines «Niva» and «Pchela».

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-141-146>

Участие России в борьбе за освобождение балканских славян от власти Османской империи, кульминацией которой стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг., выявило роль информационной политики и общественного мнения как факторов, способных оказать самое существенное влияние на внешнюю политику и международные отношения. Русское общество, охваченное освободительным пафосом, с небывалым энтузиазмом произносило свое слово в определении национальных интересов России на международной арене. Идея освободительной миссии России на Балканах, первоначально связанная с агитацией

славянофилов и панславистов, в конечном счете обрела благодатную почву для своего развития в российском обществе в целом¹, которое активно воздействовало на власть в формировании внешнеполитического курса и создавало своего рода интеллектуальную матрицу войны, собранную из концепций, образов, мифологем и стереотипов.

Многообразие способов репрезентации войны включало в себя еще и образно-художественную составляющую, обладавшую огромным потенциалом влияния на общественное мнение. Между тем именно эта составляющая попадала в поле зрения исследователей лишь случайно и эпизодически. Поэтическая публицистика наряду с изобразительным искусством России внесла серьезный вклад в формирование общественных взглядов на войну.

Поэтическая публицистика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как исследовательская тема, скорее, еще только обозначена несколькими научными работами и изданными сборниками стихотворений². Проблему войны на Балканском полуострове в русской поэтической публицистике затронул в своей работе В. А. Золотарев³. В главе «Война 1877–1878 гг. в народном и профессиональном поэтическом творчестве» он не только справедливо заметил, что «поэзия эта многоцветна по тематике, позициям авторов и художественным достоинствам... она вписалась на злобу дня, по свежим следам событий...»⁴, но и предпринял попытку охарактеризовать конкретные произведения нескольких авторов. Значительный интерес представляет антология «Болгария в русской поэзии», в которой представлены не только поэтические тексты XIX–XX вв., но и историко-культурный очерк этапов развития болгарской темы в русской поэзии, который содержится во вступительной статье Б. Н. Романова⁵. Можно назвать также сборники, посвященные славянской тематике произведений отдельных поэтов (например, Ф. И. Тютчева)⁶.

Тексты стихотворной публицистики освободительной войны России на Балканах вполне доступны. Помимо стихотворений, опубликованных в собраниях сочинений русских поэтов, существуют специальные сборники произведений и поэтических циклов, изданные в 60–70-е гг. XIX в. отдельными книгами. Освободительная война России на Балканах нашла отражение в поэтическом творчестве целого ряда русских поэтов и прозаиков, журналистов. Среди них А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Л. Н. Трефолов, В. И. Головин,

К. К. Случевский, А. Н. Апухтин, Л. И. Пальмин, В. И. Немирович-Данченко, А. А. Голенищев-Кутузов, А. В. Круглов, В. М. Гаршин, В. К. Мюр и др. Событиям Русско-турецкой войны посвящены целые поэтические циклы («Во время войны» Алексея Апухтина, «Песни о войне» Лиодора Пальмина, «Песни о Болгарии» и «Песни о славянской борьбе и славянских героях» Александра Круглова). Сборник стихов Леонида Трефолева «Славянские отголоски» был издан в 1877 г. в Ярославле «в пользу балканских страдающих славян»⁷. В 1878 г. в Петербурге вышел сборник стихотворений Владимира Головина «За крест и свободу. Пятьдесят стихотворений из времени славяно-турецкой войны 1876–1878 гг.»⁸. Накануне войны и в самом ее начале было напечатано несколько специальных «славянских» сборников; среди них: «Славянские думы и голоса»⁹, «Славяне. Сборник стихотворений, касающихся жизни славянских народов»¹⁰, «Родное племя»¹¹, «Славянство»¹².

Но есть еще один значительный корпус поэтических текстов, созданных накануне и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., практически не известный современному читателю. Это стихотворения, опубликованные в 1876–1878 гг. на страницах периодической печати России. Большинство из них с тех пор никогда не переиздавалась.

Среди журналов 1870-х гг. по количеству и содержательности опубликованных в них поэтических текстов на тему освободительной войны России на Балканах выделяются «Нива» и «Пчела».

Популярный иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни «Нива» издавался в Петербурге с 1870 по 1917 г. в издательстве А. Ф. Маркса. Редакторами журнала в разное время являлись В. П. Ключников, Ф. Н. Берг, Д. Стахеев, М. Н. Волконский, А. А. Тихонов и др. «Нива» представляла собой издание для семейного чтения и считалась самым распространенным и популярным журналом дореволюционной России. Значительное место в издании занимали беллетристика и репродукции с картин известных художников. Регулярно печатались биографии знаменитых деятелей культуры, а также популярные очерки и статьи по археологии, краеведению, естествознанию и истории России. Журнал имел приложения «Парижские моды», «Сборник повестей и рассказов», «Сборник Нивы»¹³.

Еженедельный иллюстрированный журнал искусства и литературы, политики и общественной жизни «Пчела» выходил в Петербурге в 1875–1878 гг. Его редакторами в разное время являлись А. Ф. Базунов, А. С. Гиероглифов, М. И. Ходоровский, М. О. Микешин. В журнале публиковались, главным образом, описания музеев, картинных галерей, статьи по истории искусств и т. д. Кроме того, издание содержало в себе краткий обзор событий русской политической и зарубежной общественной жизни¹⁴.

Стихотворения на страницах «Нивы» и «Пчелы», посвященные борьбе России за свободу славян, в целом ярко характеризуют общественные настроения 1870-х гг. В поэтическом осмыслении войны России «за братьев-славян» легко выделить круг преобладавших тем. Это, прежде всего, создание образов, вокруг которых строилась концепция освободительной войны: объект освобождения (славяне); враг (Турция и поддерживающие ее европейские политики); герои-освободители (армия, общество, власть Российской империи).

В создании образа славян под турецким игом использовалось несколько приемов, таких как гендеризация (поэтизация родственных, семейных чувств русских к братским народам), возбуждение эмпатии (осознанного сопереживания гонимым, страдающим людям) и в то же время возмущения и нетерпимости к тем, кто причиняет эти страдания (то есть к туркам и в иной мере – к поддерживающим их европейским политикам). Собственно, образ славян был представлен в одно и то же время как пассивно-страдательный (гонимые, беззащитные, нуждающиеся в помощи России) и активно-героический (отчаянно и самоотверженно сражающиеся за свободу и веру). Красной нитью через поэтическую эпопею войны проходит сюжет о «турецких зверствах» и преступном европейском «невмешательстве», прикрывающем равнодушные и корыстные интересы большой политики.

Типичное поэтическое выражение общественных настроений относительно славянского вопроса, характерных для 1876 г., представляет собой напечатанное в «Ниве» стихотворение А. В. Круглова «Славянская борьба»¹⁵, где преобладает героическая сторона. Не случайно стихотворное повествование не столько рассказывает о славянах, сколько как бы предоставляет слово для высказывания им самим. Этому способствует избранная автором форма подражания сербским песням.

В создании поэтической картины освободительной войны России на Балканах использовались определенные литературно-художественные формы и изобразительные средства. Так, достаточно часто встречалась форма народнопоэтических сказаний или песен славянских народов. Форма народного сказания, составленного как бы от лица участника событий, связанных с национально-освободительной борьбой славян против турецкого ига, не только отвечала «этнографическому» взгляду на народы, «находящиеся еще в периоде эпоса», но и как нельзя лучше отвечала потребностям информационной войны на страницах российской периодической печати за правдивую версию происходящего на Балканах. Так, например, в журнале «Пчела» было опубликовано стихотворение А. К. Шеллера «Восставший». В противостоянии ряду заявлений, раздававшихся в западноевропейских газетах, о том, что «болгарская резня» и «турецкие зверства» спровоци-

рованы российской стороной, незамысловатая, искренняя и эмоционально насыщенная «речь» болгарина, оформленная в красивые и взволнованные поэтические строки, была, несомненно, сильным оружием. Стихотворение «Восставший» повествует о возмущающе несправедливой и бесчеловечной акции насилия, учиненного в болгарском селении, ставшей основным мотивом перехода от мирной патриархальной жизни крестьянина к повстанческому движению¹⁶.

А. В. Круглов в стихотворении «Славянская борьба», обращаясь к исторической памяти о длительной, упорной и трагической борьбе сербов за свободу, рисовал картину новой вспышки национально-освободительной борьбы на Балканах.

Вышли с решением твердым –
Лучше в бою умереть,
Нежели тяжесть неволи
Многие годы терпеть.

Билися дружно за волю,
Бились покуда могли,
С честью за дело святое
В битве кровавой легли.

В темных горах закипела
Снова за волю борьба...
Боже! услыши молитвы,
Стон славянина – раба!¹⁷

Стихотворение А. В. Ястребского «На восстание славян» по смыслу и способу конструирования образа славян логически связано с предыдущим. Различие состоит в преобладании пассивного начала, вызывающего сострадание и желание как можно быстрее оказать действенную помощь «бедному страдальцу». Действующие лица в балканской трагедии представлены почти театральными образами: «бедный страдалец» (славяне); «злодей» (турки); «свободный брат» (Россия, русский народ) в роли спасителя и избавителя; закулисные отрицательные персонажи, преследующие своекорыстные интересы (европейские «дипломаты-филантропы»)¹⁸.

Аллегорическая форма напечатанного в «Пчеле» стихотворения А. В. Арсеньева «Песня о славянском соколе» позволила его автору представить характерное для русского общества 1870-х гг. понимание расстановки сил в Восточном вопросе: в образе сокола – славян Османской империи, в образе налетевшей стаи ворон – турок и пособничающих им европейцев, в образе орла – спасающую славян Россию¹⁹.

Стихотворение Г. А. Лишина «На поле битвы» построено вокруг гендерных образов славянской семьи. Его автор воспевает героическую борьбу славян за свободу и в то же время предвосхищает военные подвиги отправляющихся им на помощь русских добровольцев. Среди действующих персонажей в тексте произведения фигурируют

старик-отец славянского героя и князь Сербии Милан Обренович²⁰.

Стихотворение Ф. Н. Берга «Маленькая герцеговинка»²¹ рассказывает об участии беженцев из Герцеговины и Боснии, спасавшихся от преследований турецких карателей после того, как в 1875 г. вспыхнуло восстание против власти Османской империи. Восстание получило широкое освещение в материалах прессы, а восставшие герцеговинцы стали героями многочисленных поэтических и художественно-изобразительных откликов на глубоко взволновавшие русское общество события. Восстание в Герцеговине стало своего рода катализатором Восточного кризиса 1870-х гг. Первоначально оно ничем не отличалось от локальных народных движений в Османской империи, с которыми Порты расправлялась привычно жестко и энергично. Однако вскоре ситуация вышла из-под контроля властей. Вожди восстания получали помощь от Сербского княжества и Черногории. В России прокатилась волна широкой общественной поддержки восставших герцеговинцев. В русской прессе публиковалось большое количество публицистических очерков, стихотворений, изобразительных материалов, из которых русское общество могло себе составить портрет героев-герцеговинцев.

В журнале «Пчела» было опубликовано стихотворение А. В. Круглова «Герцеговинка», в котором на первый план выходит даже не столько героический образ борцов за свободу, сколько трагически-жертвенный образ женщин и детей, разделивших незавидную судьбу беженцев. Собирательный образ герцеговинки, пережившей тяжелые потери и в конце концов нашедшей приют в пределах России (где «родной народ» сочувствует «братьям страдающим»), полон внутренней силы, решительности и человеческого достоинства²². По сюжету и эмоциональной тональности стихотворение А. В. Круглова перекликается с картиной В. Д. Поленова «Герцеговинка».

Сюжет стихотворения Ф. Н. Берга «Маленький мститель» построен вокруг отдельно взятого эпизода так называемых «турецких зверств». Ведущей темой русской прессы от восстания славян в Боснии и Герцеговине (1875 г.), в Болгарии (1876 г.) и до момента объявления войны Турции (апрель 1877 г.) были «турецкие зверства». Речь шла о массовых случаях насилия, проявленного турками во время подавления восстаний. «Турецкие зверства» (иначе – «болгарские ужасы») стали предметом всеобщего осуждения в рамках широкой общественной кампании, развернутой на страницах русской и западно-европейской прессы. Критика насилия – как организованного, так и стихийного – как отличительного свойства Османской империи 70-х гг. XIX в. звучала лейтмотивом материалов русской прессы. Следствием ярких образов «турецких зверств» стало появление в художественно-политических текстах того времени

темы мести. В этом смысле особо показательно стихотворение «Маленький мститель».

Не на праздник он спешит веселый –
Ужас, мрак царят кругом давно –
И не детской скорбию и гневом
Это сердце юное полно.

Он спешит туда, где пули свищут,
Турок злой, доспехами звеня,
Давит там родных его копытом
Своего арабского коня.

За отца, сестру отомстить он хочет.
Вспомнил он, как пламенем объят,
Пощатнулся, рухнул дом родимый...
И мрачней глаза его горят²³.

Стихотворение М. А. Чаграева «Вопль славянина» ярко характеризует культурно-психологическую составляющую восприятия «славянского вопроса» в русском обществе в 1870-е гг. Возмущение «турецкими зверствами», вершимыми при безразличных взглядах «цивилизованной Европы», было истоком того самого «вопля», призывающего к мести, который имел глубоко внутренний трагический смысл как в ретроспективе, так и в перспективе российской истории.

Дайте шашку, топор, иль ружье, иль кинжал!
Или все, что к убийству годится –
И тогда со врагами, как дикий шакал,
Как герой, как злодей, буду биться!

Я не славы хочу, я хочу отомстить –
Расплатиться хочу с палачами,
В их крови я все горе хочу потопить,
Я хочу разорвать их руками²⁴!

Ведущей темой поэтических произведений было прославление подвига отправлявшихся на Балканы русских добровольцев, сестер милосердия, солдат и офицеров русской армии. Большой интерес представляет стихотворение М. А. Чаграева «Последнее слово русским добровольцам»²⁵, смысловая конструкция которого явно восходит к произведению А. С. Пушкина «Клеветникам России». Патриотическое стихотворение-ода Пушкина было опубликовано в 1831 г. Поводом для его написания послужило Польское восстание 1830–1831 гг., в частности, выступление группы депутатов во французском парламенте с призывом к вооруженной поддержке польских повстанцев. Оно начиналось со слов: «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России?» Настаивая на извечности исторического спора внутри славянства (между «кичливым ляхом» и «верным россом»), Пушкин выражал уверенность в том, что великое будущее славянства возможно только в его единстве под эгидой России («Славянские ль ручьи сольются

в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос»).

Через 46 лет сотрудник поэтического отдела «Пчелы» счел возможным продолжить поэтическую тему А. С. Пушкина, обнаружив прямую аналогию давно минувшим событиям русско-польской войны 1830–1831 гг. в настроенном отношении к российской освободительной миссии на Балканах со стороны западноевропейского общества. В тексте М. А. Чаграева клеветниками «достойных сынов России», то есть русских добровольцев в сербской армии под командованием М. Г. Черняева, вновь выступают «пристрастные витии». Впрочем, М. А. Чаграев открыл и новый сюжет, упомянув не только «внешних», но и «внутренних» «клеветников» русских добровольцев, то есть тех представителей русского общества, которые с сомнением, а порой и с осуждением высказывались относительно их целей. Факты критического отношения к освободительной миссии русских добровольцев на Балканах, хотя и тонули в общей массе общественной воодушевленной поддержки, действительно, имели место. К примеру, графиня Е. В. Салиас де Турнемир (известная как писательница Евгения Тур и к тому же теща прославленного генерала-фельдмаршала И. В. Гурко) писала в своих воспоминаниях: «Без денег, без оружия, без союзников, без порядка в государстве идти спасать болгар, которых наши же эмиссары, эмиссары Игнатъева, взмutilили против турок, которые их порезали, ведь это совершенное безумие. А взять Константинополь? А если и возьмем, его нам Европа не оставит – да и зачем он нам? Не знаем, как сладить со своими, а хотим забирать чужих. Какое преступное безумие, – вот что говорила я близким»²⁶.

Ряд стихотворений в поэтической публицистике 1870-х гг. был посвящен генералу М. Г. Черняеву, видному военному и политическому деятелю России второй половины XIX в., главнокомандующему сербской армией во время Сербско-турецкой войны 1876 г., на которую отправлялись в массовом количестве русские добровольцы. Имя славного генерала, воевавшего в Средней Азии, покорителя Туркестана, в середине 1870-х гг. стало символом славянского единства. М. Г. Черняев по своей популярности соперничал с такими полководцами, как М. Д. Скобелев, И. В. Гурко, М. И. Драгомиров, К. П. Кауфман. Он был чрезвычайно популярен в России и славянских странах, являлся героем целого ряда поэтических и художественно-образительных произведений эпохи. В одном из стихотворений на страницах «Нивы» его имя соотносилось с образом легендарного участника первого крестового похода Танкреда Тарентского, который был сильно романтизирован и приобрел черты «идеального рыцаря». Тема крестового похода периодически возникала в образном осмыслении целей России в восточном вопросе (освобождение православных христиан от мусульманского владычества).

Весь христианский мир теперь к тебе зывает,
Черняев, наш Танкред, бессмертный наш герой;
Как крестоносца Русь тебя благословляет
И шлет своих сынов к тебе на ратный бой²⁷.

Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было встречено русской прессой как долгожданное событие. 12 апреля 1877 г. император Александр II подписал Высочайший Манифест О вступлении российских войск в пределы Турции. В большинстве изданий были напечатаны схожие по содержанию поэтические отклики на открытие военных действий России против Турции.

От Прута старого до синего Дуная
Как тучи грозные надвинулись полки –
И бьется сердце их – их движет мысль святая,
И ждут там манию лишь царственной руки.

Нет, переполнилась уже давно она,
Долготерпения подъемлемая чаша!
За дело правое, отвагою полна,
На смерть, на грозный бой, пойдешь ты,
сила наша...²⁸

Образцом военной поэзии периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. можно считать стихотворение Ф. Н. Берга «За Балканами». В нем четко и ярко, с использованием хорошо узнаваемых аллегорических образов обозначены как противостоящие силы («русский витязь» против несметных мусульманских полчищ со всех концов Османской империи), так и возвышенные цели войны «за крест и свободу»²⁹. Стихотворение Ф. Н. Берга «К войскам» отражало патриотические настроения периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и было призвано оценить роль общественной поддержки внешней политики российского самодержца и героических действий русской армии.

Войска, соотчичи родные!
Благословляем ваш поход!
Вам слышны ль возгласы живые,
Что посылает вам народ?
Вам слышны ль те сердца моленья,
Что Русь возносит к небесам,
Прося, чтоб в жаркий час сраженья
Явилась свыше помощь вам³⁰.

В период Русско-турецкой войны предпринимались попытки создания поэтических текстов от лица солдат. Так, стихотворение В. Р. Щиглева «На бивуаке»³¹ написано в форме диалога старого и молодого солдата, оно передает особенности живой разговорной речи и интересно как пример проникновения в психологию рядовых русской армии. Действительно, в роли источников информации для солдат выступали их старшие товарищи. На момент начала войны в рядах русской армии находилось большое количество военнослужащих

рядового состава, которые прошли еще Крымскую войну. Именно Османская империя рассматривалась солдатами, как обязательный противник, любой турок воспринимался как естественный враг истинного христианина. Поэтому каждое известие о готовящейся войне против Порты находило положительный отклик у рядового состава Русской армии. Вместе с тем стихотворение В. Р. Щиглева можно рассматривать и как пример направленной агитации с целью формирования осознанной позиции русских солдат. У Военного министерства имелась определенная программа. Еще в 40-х гг. XIX в. была разработана специальная программа с целью «содействовать умственному и нравственному самообразованию» нижних чинов. С 1847 г. в России стали издаваться специальные журналы для солдат: «Чтение для солдат», «Солдатский собеседник» и «Солдатские сочинения». Рядовой состав фактически рассматривался в качестве объекта пропаганды: это были в большей степени «сочинения для солдат», чем «солдатские сочинения». В поэтической публицистике, нашедшей отражение в периодической печати, также создавался положительный образ русского солдата на Балканах.

Нельзя не заметить, что поэтическая публицистика на страницах периодической печати отразила большую степень энтузиазма в ожидании войны и при подготовке к ней, чем в период тяжелых военных событий. Эскалация внутренних противоречий вследствие сложных процессов «вживания» в новую реальность, созданную «Великими реформами», совпала по времени с горячим эмоциональным откликом на известия о страданиях братских славянских народов, угнетаемых османским владычеством, об их отчаянной борьбе за свободу. Стремление освободить далеких, но «родных» славян давало возможность проявиться освободительным устремлениям, порожденным Крестьянской реформой 1861 г., но не реализованным до конца, а общий порыв и энтузиазм создавали иллюзию единства внутренне расколотого и раздираемого противоречиями общества.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Кочуков С. А. «За братьев-славян» : Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 48–64.
- 2 См.: Кочуков С. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 17–23.
- 3 См.: Золотарев В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- 4 Там же. С. 223.
- 5 Болгария в русской поэзии : Антология / сост. Б. Н. Романов. М., 2008.

- ⁶ Россия и славянский мир в творческом наследии Ф. И. Тютчева / под ред. В. Н. Аношкиной. М., 2011.
- ⁷ См.: *Трефолев Л. Н.* Славянские отголоски. Ярославль, 1877.
- ⁸ За крест и свободу. Пятьдесят стихотворений В. Головина из времени славяно-турецкой войны 1876–1878 годов. СПб., 1878.
- ⁹ См.: Славянские думы и голоса. Кострома, 1876.
- ¹⁰ Славяне. Сборник стихотворений, касающихся жизни славянских народов. СПб., 1876.
- ¹¹ Родное племя. М., 1877.
- ¹² Славянство. СПб., 1877.
- ¹³ См.: Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черпахова. М., 1959. С. 530–531.
- ¹⁴ Там же. С. 563–564.
- ¹⁵ См.: *Нива*. 1876. № 32. С. 553.
- ¹⁶ См.: *Пчела*. 1877. № 1. С. 9.
- ¹⁷ *Нива*. 1876. № 32. С. 553.
- ¹⁸ Там же. № 40. С. 680.
- ¹⁹ См.: *Пчела*. 1876. № 45. С. 6–7.
- ²⁰ См.: *Нива*. 1876. № 41. С. 696.
- ²¹ Там же. № 5. С. 77.
- ²² *Пчела*. 1876. № 29. С. 7.
- ²³ *Нива*. 1876. № 31. С. 524.
- ²⁴ *Пчела*. 1876. № 49. С. 6.
- ²⁵ Там же. № 2. С. 21.
- ²⁶ *Турнемир Е. В. Салиас де*. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. Харьков, 2012. С. 47.
- ²⁷ *Нива*. 1876. № 39. С. 652.
- ²⁸ Там же. 1877. № 17. С. 264.
- ²⁹ Там же. 1878. № 5. С. 85.
- ³⁰ Там же. 1877. № 18. С. 282.
- ³¹ Там же. № 7. С. 109.

Образец для цитирования:

Кочукова О. В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х годов «Нива» и «Пчела») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-141-146>

Cite this article as:

Kochukova O. V. Poetic Images of the Liberation War of Russia in the Balkans (on the Materials of Magazines of the 1870s «Niva» and «Pchela»). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 141–146 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-141-146>

УДК 93/94/35.077.1

Делопроизводственная культура государственных учреждений дореволюционной России и особенности документирования деятельности земского самоуправления

М. В. Угрюмова

Угрюмова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории, Нижневартковский государственный университет, mugryumova@mail.ru

На основании документальных источников в статье анализируются особенности делопроизводственной культуры земских органов самоуправления в период второй половины XIX в. – 1917 г., рассматриваются основные типы и виды документов, имевшие место в системе документирования деятельности земств и подведомственных им учреждений.

Ключевые слова: делопроизводство, делопроизводственная культура, документирование, документ(ы), самоуправление, земство, земская управа, земское собрание

Clerical Culture of National Institutions of Pre-revolutionary Russia and Some Features of the Document Performance in Local Autonomy

M. V. Ugryumova

Maria V. Ugryumova, <https://orcid.org/0000-0002-8789-2288>, Nizhnevartovsk State University, 56 Lenina St., Nizhnevartovsk 628602, Russia, mugryumova@mail.ru

Based on documentary sources, the article analyzes the peculiarities of the documentary culture of zemstvo self-government bodies starting from the second half of the 19th century till 1917. The article examines the main types and the types of documents that functioned in the system of documenting the activities of zemstvos and their subordinate institutions.

Key words: office work, clerical culture, documentation, document, self-government, zemstvo, zemstvo board, zemstvo assembly.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-147-151>

Российская делопроизводственная культура формировалась столетиями, уже во времена первых отечественных государственных учреждений складывалась единая регламентированная организация работы с документами, отличавшаяся своими особенностями и приоритетами.

Анализ единых закономерностей и тенденций развития отечественного делопроизводства второй половины XIX в. позволяет осмыслить постановку работы с документами в органах земского самоуправления и подведомственных ему учреждениях.

Делопроизводство административных учреждений, которое земцы взяли за основу, рассматривается в трудах дореволюционных

управленцев (М. М. Сперанский, Ф. А. Русанов, К. А. Зосимский, В. Н. Вельбрехт, Н. В. Варadinov), уделявших внимание методической стороне оформления и использования документов. В советский период значимыми являлись труды К. Г. Митяева, Н. П. Ерошкина, посвященные истории российского делопроизводства, где авторы детально изучили вопросы работы с документами в государственном аппарате управления. Современные научные исследования представлены отдельными работами (А. А. Лукашевич¹, Т. В. Виноградова², С. В. Русакова³, С. А. Глотова⁴, Н. Н. Подошлева⁵), где затронуты вопросы организации делопроизводства государственных учреждений дореволюционной России.

Различные вопросы истории отечественного делопроизводства освещаются в вузовской учебной литературе (пособия Я. З. Лившица⁶, М. П. Илюшенко⁷, Т. В. Кузнецовой⁸, которые, безусловно, также носят исследовательский характер и представляют ценность для понимания делопроизводственной культуры России в период зарождения и становления земств).

В рамках историографии по проблеме документирования деятельности земских учреждений дореволюционной России направления исследования только намечаются⁹.

Земское делопроизводство было связано с системой центрального и местного управления, уже в первой половине XIX в. основными нормативными актами, внесшими изменения в деятельность органов власти на местах, явились: «Общее учреждение министерств» (1811 г.); «Учреждение губернских правлений» (1845 г.) и последовавшие за ними законоположения. Безусловно, влияние на направления деятельности органов местной администрации оказали и нормативные акты, вступившие в силу в ходе либеральных реформ 60–80 гг. XIX в. («Положение о губернских и уездных земских учреждениях», 1864; «Городовое положение», 1870).

На особенности делопроизводственной культуры в период зарождения земств повлияло несколько факторов. С введением в начале XIX в. министерской системы связана организация канцелярии губернатора как органа его личных распоряжений, призванного способствовать последнему в выполнении им расширяющегося круга обязанностей на территории губернии. Канцелярии губернаторов как государственные учреждения не были законодательно оформ-

лены, но нельзя не признать, что именно они стали особым подразделением власти в системе местного управления. Н. П. Ерошкин причислил губернскую канцелярию к основным административным учреждениям губернии¹⁰. Действительно, к опыту делопроизводства данного учреждения было проявлено внимание делопроизводителей земских управ. Постоянная переписка между канцеляриями губернаторов и земскими управами только способствовала изучению такого опыта и применению знаний на практике.

В определённых вопросах органы земского самоуправления подчинялись Министерству внутренних дел, поэтому для них особое значение приобрела культура документообразования и документопотоков этого учреждения. Также земские управы унаследовали смешанную делопроизводственную культуру других учреждений – Казённой палаты, Комитета земских повинностей, Комитета народного просвещения, Строительной комиссии, Дорожной комиссии, Приказа общественного призрения и ряда других государственных ведомств, с которыми они вступали в служебную переписку. Кроме того, в земские управы пришли сотрудники с опытом работы из вышеперечисленных учреждений. Развитию документирования деятельности земского самоуправления способствовало соседство государственных учреждений на местах, которые в вопросах создания документов имели богатейший опыт. Уровень образования земских служащих в сравнении с другими группами населения, осознание «законности» как безупречного исполнения распоряжений центральных органов власти также определяли специфику земской делопроизводственной деятельности.

С середины 80-х гг. XIX в. земские делопроизводители активно пользовались материалами специализированных журналов («Вестник контор и канцелярий», «Бюллетень конторщика», «Машинопись», «Стенограф» и др.), в которых освещались актуальные вопросы делопроизводства, секретарского и конторского дела. Развитие системы земского самоуправления требовало внедрения более гибких форм документирования и оперативности, что в свою очередь обусловило появление новых приемов документирования и документационного обслуживания учреждений, подведомственных земству.

Радикальные изменения в технике и средствах телеграфной и телефонной связи, появление механического транспорта способствовали развитию делопроизводственной культуры земств. Внедрялись новые способы документирования – фотография и звукозапись, связанные с разработкой не только нового метода фиксации информации, но и новых видов документов – голограмм фотодокументов. Возможность создавать машинописную документацию в период зарождения земств стала определяющим фактором в делопроизводстве земств, в формировании

земского документального наследия. Наличие пишущих машин, множительных аппаратов (гектографа, шапирографа, ротатора) решало проблему размножения документов в системе земских органов. В этих целях земствами широко использовались литографии и типографии. Так, журналы земских собраний, отчёты и доклады земских управ стали изготавливаться типографским способом. В ряде земств типографским способом делались бланки с элементами трафаретных текстов (унифицированные отдельные фразы или части текста для документов). В передовых и богатых земствах пишущие машины позволили сразу решить многие вопросы документирования, улучшился внешний вид документа, облегчилось его прочтение.

Тем не менее многие земства бедствовали и нуждались в скорейшем введении новых технологий документирования (особенно на уездном уровне) и переписки, максимальном использовании новых средств связи. Делопроизводственная культура земства, впитавшая в себя все нормы прошлых десятилетий, также требовала совершенствования. Отдельные земства предпринимали попытки реформировать делопроизводство в рамках одной губернии. Некоторые из этих попыток заслуживают внимания.

Статьями Положений о земских учреждениях 1864 и 1890 гг. минимизировались все горизонтальные связи между земствами. В этой связи к минимуму сводилась и делопроизводственные потоки между ними. Губернские, уездные (а с 1917 г. и волостные) земства, хоть и являлись составляющими одной иерархической системы, в то же время были независимы друг от друга. Положение о разграничении полномочий земских органов самоуправления было чётко прописано в законодательстве. Самые насущные местные «пользы и нужды» находились на усмотрении уездных земских органов и не согласовывались с губернским земством. Потоки документов между горизонталями земской структуры были гораздо меньшими, нежели деловая переписка в пространстве горизонтали власти (губернская администрация во главе с губернской канцелярией – губернское земство; уездная администрация – уездное земство). По отдельным вопросам документопотоки были горизонтальными (например, местные и земские системы здравоохранения и образования).

Взаимоотношения с другими земствами строились только на частных соглашениях, исходя из конкретной ситуации, в связи с чем документопотоки то увеличивались, то прекращались вовсе.

Исследование по вопросам формирования и функционирования видов документов в органах земского самоуправления не может не учитывать особенностей территориальной организации всего земского самоуправления. Ни в коем случае не принижая заслуг губернских земств в деле повышения делопроизводственной культуры,

необходимо отметить и значимость уездных звеньев земского делопроизводства. Становление видов документов земского самоуправления неразрывно связано с самой системой управления на местах.

На делопроизводственную культуру земских учреждений повлияли способы создания документов, определившие следующие их виды и типы: рукописные письменные и печатные, изобразительные, графические (карты, схемы, графики). При внедрении фототехники земское документальное наследие обогатилось таким типом документов, как фотодокументы.

К рукописному письменному и печатному типу документов органов земского самоуправления необходимо отнести следующие: организационно-правовые (законы, положения, уставы) сметно-плановые (сметы, планы), распорядительные (постановления, распоряжения, предписания), отчётные, информационно-справочные (справки, письма, списки), статистические, договорные, бухгалтерские.

В конце XIX – начале XX в. новых видов рукописных письменных и печатных документов не появилось, в то же время были созданы их разновидности (подвиды), которые имели свою более или менее выраженную специфику. В основном эти виды представлены делопроизводственными материалами земских управ и подведомственных земству учреждений. Все текстовые документы в земствах создавались на естественном языке, на бумажном материальном носителе с помощью специальных средств документирования, начиная от простейших (перо, ручка чернильная, карандаш и т. п.) и заканчивая механическими средствами (печатная (пишущая) машинка, гектограф, литографы, хромолитографы). От используемых средств зависели способы документирования и типы создаваемых документов.

Рукописные, письменные и печатные земские документы в свою очередь представлены беловыми и черновыми подвидами документов. Беловые документы – это рукописные или машинописные документы, тексты которых переписаны (перепечатаны) с чернового документа без помарок и исправлений. Черновые документы представляли собой рукописные или машинописные документы, отражавшие работу автора или редактора над всем текстом документа либо его части.

Виды земских документов в зависимости от отношения к аппарату управления земств делились на подвиды: входящие (поступавшие в земские учреждения); исходящие (отправлявшиеся из земских учреждений); внутренние (создаваемые внутри земских структур и используемые во внутренних связях). Совокупность этих документов образовывала документооборот земств.

Виды земских документов по способу изложения текста подразделялись на индивидуальные, трафаретные и типовые подвиды. В индивидуальных документах содержание изложено в виде

связанного текста. Автор индивидуального документа, готовя оригинальный текст, посвящал его одному или нескольким вопросам. В трафаретных документах структура изложения текста была формализована, использовались заранее подготовленные стандартные фразы либо части постоянно повторявшегося текста и пропуски для заполнения переменной информации. Самыми распространёнными среди таких документов в работе земств явились анкеты или справки. Эти документы, как правило, создавались на отпечатанных бланках с постоянной информацией, а переменная вписывалась от руки. Типовые документы использовались земствами для документирования однотипных ситуаций.

К изобразительному типу земских документов относились художественные портреты земских деятелей, различные рисунки, плакаты¹¹ (в том числе рекламные) и эскизы. К изобразительному типу документов логично отнести большинство земских марок.

Графический тип документов, формировавшийся, как правило, в агрономических, дорожных, инженерных отделах земств, включал в себя карты¹², схемы (в том числе и план-схемы), графики, чертежи (деталей, сборочные чертежи)¹³.

Фотодокументы как отдельный тип земских документов был представлен различными жанровыми видами – индивидуальными и групповыми портретами, репортажными и документальными фотографиями, архитектурными и панорамными, рекламными фотоснимками. Сегодня в региональных музеях и архивах можно обнаружить сотни фотодокументов по земской деятельности, требующих к себе должного внимания историков, архивистов и документоведов.

С открытием новых учреждений появляются и новые документы, возникает необходимость в обработке увеличивающегося потока документации, усложняется структура центрального государственного аппарата и аппарата власти на местах. Нельзя не согласиться с бытующим среди исследователей мнением по поводу того, что усложнение всего аппарата власти, в свою очередь, приводит и к усложнению процесса делопроизводства, росту количества документов, обслуживающих документопотоки¹⁴. Так, с появлением земств, безусловно, вырос объем документов и в канцеляриях губернских правлений, в центральных государственных учреждениях, непосредственно курирующих отдельные направления их деятельности. Например, МВД контролировало (как и губернатор) всю работу земств; Министерство народного просвещения курировало вопросы образования, Министерство государственных имуществ вело с земствами переписку по вопросам, связанным с государственными землями и иным государственным имуществом. Большинство центральных органов государственной власти, ориентированных на внутреннюю политику, участвовало в вопросах делопроизводства с зем-

ствами и, так или иначе, влияло на становление различных видов документов

Закон 1864 г. предполагал активный контроль государственной власти над деятельностью земств через губернатора и губернское по земским и городским делам Присутствие. Последнее представляло собой межведомственную комиссию, в которую входили: губернатор, губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий Казённой палатой, прокурор Окружного суда, председатель губернской земской управы, неперенный член (так называемая «особенная должность»), городской голова губернского города, представители губернского земского собрания и городской думы губернского города. Земства были «завязаны» на документообороте с многочисленными межведомственными комиссиями губернского и уездного уровней, поскольку принимали участие в их работе. Штатным сотрудником многих комиссий (присутствий) был неперенный член, специальный чиновник министерства внутренних дел, который отвечал за ведение документации.

Изменения в системе органов государственной власти, местного самоуправления повлияли на развитие делопроизводственной культуры, увеличение документопотоков, появление видов (разновидностей) документации в губернских, уездных (с 1917 г. – в волостных) земских учреждениях. В рамках деятельности органов земского самоуправления в рассматриваемый период потребность в документировании ежегодно возрастала. Такому положению дел сопутствовал ряд причин: расширился круг авторов документов, росла грамотность населения в целом и чиновников в частности. Кроме того, с образованием органов земского самоуправления процесс создания и функционирования документов был значительно усовершенствован. В то же время рост количества разновидностей документов в делопроизводственной деятельности органов земского самоуправления позднее привёл к упрощению содержания документов, которое все чаще становилось формальным. Количественный рост документов становится и причиной увеличения их разнообразия, что в определённой степени проявлялось в делопроизводственной документации губернских и уездных органов земского самоуправления.

В XIX в. усложнилась регистрация документов – документ регистрировался на всех этапах своего движения. В процессе исполнения в крупных губернских земских управах документ проходил до 30–35 операций. Регистрации была присуща журнальная форма. В каждом структурном подразделении земского самоуправления (уровень губернии и уезда) регистрировались все входящие и исходящие документы. Для регистрации входящих документов существовали общие и частные журналы. В общий журнал вносились все поступившие документы, в частном журнале

отмечались документы, которые исполнялись в самом структурном подразделении. Частные журналы велись в отделах для регистрации документов, поступавших на исполнение конкретного отдела земской управы.

Становление видов документов органов земского самоуправления проходило в условиях развития самого земства, когда налаживались, отрабатывались и усложнялись документопотоки между губернскими и уездными земствами, земскими учреждениями и органами государственной власти на местах, губернскими земствами и центральными органами исполнительной власти. Система государственного делопроизводства, уровень образования земцев и местной власти повлияли на появление и развитие основных видов документов, имевших хождение в системе земского самоуправления.

Документы делопроизводственной земской культуры чаще являются ординарными, однородными и аналогичными, с повторяемостью содержания и однотипностью форм, тяготеющих к типизации. Отдельно взятые документы из общей части документального земского наследия содержат информацию, не выходящую за рамки бытового случая, но в своей совокупности каждая из разновидностей такого рода документов содержит информацию, пригодную для выявления закономерностей. Делопроизводственная документация земств стала и частью массовой документации, которая характеризуется разнообразием видов документов. В целом же информация каждого документа в отдельности из всей массы земского документального наследия имела свою особенность.

Многие земства применяли эффективные меры, повлиявшие на формирование делопроизводства: разграничение функций в системе земского управления, различные способы сокращения количества документов, путей их движения в подведомственные учреждения, контроль за исполнением документов, централизацию хранения документов, периодическое обновление технического оборудования делопроизводственных служб. С одной стороны, рационализация делопроизводства носила локальный характер, ограничиваясь пределами отдельных земств, с другой – делопроизводство постепенно превращалось из технического элемента земского управления в средство влияния на него. От земских канцелярий зависел срок предоставления документов, а нередко принятие решений.

Делопроизводственная культура земства формировалась вместе со становлением земского самоуправления. Складывающаяся система работы с документами определяла всю делопроизводственную культуру земского самоуправления в губернии. Активное участие земцев в этом вопросе значительно ускорило исполнение документов и облегчало их использование в управленческих и справочных целях.

Примечания

- ¹ См.: Лукашевич А. А. Развитие губернской делопроизводственной документации 70–90-х гг. XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- ² См.: Виноградова Т. В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века : на материалах Олонецкой губернии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- ³ См.: Русакова С. В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв. (по документам ГАТО) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ⁴ См.: Глотова С. А. Возникновение и развитие распорядительной документации в России в XVI – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- ⁵ См.: Подоплелова Н. Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII – начала XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- ⁶ См.: История делопроизводства в СССР / под ред. Я. З. Лившица, В. А. Цикулина. М., 1974.
- ⁷ См.: Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России. М., 1993.
- ⁸ См.: Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В. Формуляр документа. М., 1986.
- ⁹ См.: Угрюмова М. В. Документальное наследие российских земств. Нижневартовск, 2014.
- ¹⁰ См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 115.
- ¹¹ См., например: Взаимное земское от огня страхование в Костромской губернии. Плакат. М. : Товарищество Типо-Литографии В. Шушукина, 1910–1914. Хромо-литография ; 72x53 см.
- ¹² См., например: Карта Тверской губернии (С нанесением границ волостей, приходов, станов, призывных по воинской повинности участков, земских школ, почтовых и торговых путей, почтовых и земских станций) / сост. Тверской губ. земской управой. СПб. : Картогр. заведение А. Ильина, 1879.
- ¹³ См., например: Архангельский П. А. Общий обзор земского дела в Юрьевецком уезде со времени введения земских учреждений. М. : Типография «Друкарь», 1913. Приложение. С. 22–29.
- ¹⁴ См.: Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники Российской истории : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. И. Н. Данилевского, В. В. Кабанова, О. М. Медушевской, М. Ф. Румянцевой. М., 2000. С. 393.

Образец для цитирования:

Угрюмова М. В. Делопроизводственная культура государственных учреждений дореволюционной России и особенности документирования деятельности земского самоуправления // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-147-151>

Cite this article as:

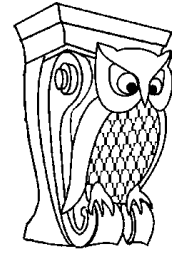
Ugryumova M. V. Clerical Culture of National Institutions of Pre-revolutionary Russia and Some Features of the Document Performance in Local Autonomy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 147–151 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-147-151>

УДК 94(47)

Взаимодействие Министерства иностранных дел с прессой при министре иностранных дел А. П. Извольском

К. В. Каулин

Каулин Кирилл Владимирович, соискатель кафедры Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, kkaulin@yandex.ru

В статье рассматривается история взаимодействия Министерства иностранных дел (МИД) с прессой при министре А. П. Извольском на основе материалов Архива внешней политики Российской империи, которая ранее не была объектом специального исторического исследования. Определяются ключевые направления работы с прессой, даются их характеристики. Особое внимание уделяется вопросу организации работы государственного телеграфного агентства – этого первичного источника информации, на материалах которого основывались публикации газет, созданного в начале XX в. при непосредственном участии МИД. Обращение к документам позволяет утверждать, что МИД вело активную работу с прессой. Кроме организации работы телеграфного агентства, необходимо упомянуть налаживание контактов с органами печати в России, издание официоза и попытки распространять объективную информацию о стране за границей. Эта деятельность дает основание считать министра иностранных дел А. П. Извольского широко мыслящим политиком, который объективно оценивал потенциал прессы и ее возможности.

Ключевые слова: МИД, пресса, печать, телеграфное агентство.

Interaction of Ministry of Foreign Affairs with the Press under the Ministry of A. P. Izvolsky

K. V. Kaulin

Kirill V. Kaulin, <https://orcid.org/0000-0003-0454-8826>, Historical Archival Institute in Russian State Humanitarian University, 6 Miussskaya Squire, Moscow 125993, Russia, kkaulin@yandex.ru

The article considers history of cooperation of Ministry of Foreign Affairs with the press under the ministry of A. P. Izvolsky, based on materials of Archive of Russian Empire Foreign Policy, which has not previously been the object of a special historical research for the specified period of time. Key directions of work with the press are determined and characterized. Special attention is given to the organization of telegraph agency work, a primary source of information that newspapers based their publication materials on. The telegraph agency was established at the beginning of the 20th century with the direct participation of the Ministry of Foreign Affairs. Studying the sources makes it possible to conclude that Ministry of Foreign Affairs worked actively with the press. Except the organization of work of telegraph agency, networking with the press in Russia, publication of semi-official newspapers and attempts to spread objective information about the country abroad should be mentioned. This activity gives reasons to consider the Minister of Foreign Affairs A. P. Izvolsky a wide-minded politician, who recognized the potential of the press.

Keywords: Ministry of Foreign Affairs, press, telegraph agency.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-152-157>

Деятельность МИДа в немалой степени зависела от профессиональных и личностных качеств министров. С именем А. П. Извольского, назначенного на должность 28 апреля (1 мая) 1906 г., связано множество изменений. Новый министр был либералом, сторонником конституционной монархии, поиска компромиссов с общественным мнением. Этому он придавал принципиальное значение. Задача А. П. Извольского состояла в выводе информационной политики на современный уровень, поэтому одним из первых его решений стало введение в практику регулярной рассылки основных внешнеполитических документов во все заграничные представительства. Большое внимание уделялось и прессе. В одной из первых телеграмм послам после вступления в должность А. П. Извольский писал: «Вступив в управление министерством, я счел необходимым, не откладывая, озаботиться той частью его деятельности, которая имеет предметом наблюдение за печатью, как русскою, так и иностранною, а равно непосредственные сношения министерства с представителями ее»¹. Министр ввел в регулярную практику обеспечение своих внешнеполитических акций кампаниями в прессе.

Главным инструментом осуществления воздействия на печать стали Отдел печати МИД (газетная экспедиция), значительно реформированный при А. П. Извольском, и Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Что касается Отдела печати, стоит заметить, что он использовался в том числе и для того, чтобы оказывать влияние на царя. Способом воздействия на царя А. П. Извольский избрал, в частности, ознакомление Николая II с отчетами о публикациях в прессе и выступлениями ораторов в Государственной Думе. Материалы для докладов царю готовила Газетная экспедиция, преобразованная в Отдел печати. Это совершенно изменило стиль работы данного подразделения, отличавшийся, как писал Ю. Я. Соловьев, «совершенно исключительной ведомственной затхлостью». Сняв прежнего, пожилого управляющего экспедицией Ниве, А. П. Извольский назначил нового, более молодого и с большим стажем работы за границей, а именно А. А. Гирса, который одновременно возглавлял С.-Петербургское телеграфное агентство. А. П. Извольский разделял точку зрения, согласно которой Министерству следует привлекать к своей работе общественных деятелей, специалистов в разных областях. Личность А. А. Гир-

са была очень важным звеном в той системе воздействия на общественное мнение, которую строил А. П. Извольский, поскольку А. А. Гирс одновременно возглавлял Санкт-Петербургское телеграфное агентство, служившее главным источником информации о происходивших в стране событиях, и Отдел печати (газетную экспедицию) МИД (на второй должности его вскоре сменил Ю. Я. Соловьев). Назначению А. А. Гирса предшествовала заграничная поездка, в ходе которой он должен был изучить опыт основных европейских держав, завязать личные контакты с издателями и редакторами основных органов печати и ознакомиться с организацией их работы. В Берлине и Вене А. А. Гирс встретился с главными редакторами официальных изданий. Более трудной была задача наладить контакт с независимыми органами европейской прессы, критически и недружественно относившимися к событиям в России и политике русского правительства. Однако при содействии Мантлера, директора агентства Вольф, и бывшего директора С. – Петербургского телеграфного агентства Миллера удалось организовать неофициальную встречу с главными редакторами и корреспондентами таких газет, как “Frankfurter Zeitung”, “Koelnische Zeitung”, венской “Neue Freie Presse” и др. Помимо посещения редакций газет, он также познакомился с работой главных европейских телеграфных агентств: Вольф, Рейтер, Гавас и Корреспондент-бюро. Этот опыт был необходим для организации работы Санкт-Петербургского телеграфного агентства. По результатам поездки был подготовлен отчет, представленный министром иностранных дел царю.

Преобразование Газетной экспедиции при Канцелярии МИД в Отдел печати было одним из немногих начинаний А. П. Извольского, которое удалось реализовать на практике. В целом итоги его деятельности по преобразованию Газетной экспедиции в Отдел печати неоднозначны. С одной стороны, действительно были достигнуты немалые успехи, и работа отдела оживилась. С другой стороны, это продлилось недолго, и большинство изменений исчезло с уходом А. П. Извольского. Как пишет Е. Г. Кострикова, «можно с уверенностью сказать, что ни одна публикация, касавшаяся деятельности дипломатического ведомства, не оставлялась без внимания в МИД... Работе Газетной экспедиции Извольский придавал большое значение. С нее в свое время он начал карьеру в МИД... Преобразование Газетной экспедиции в Отдел печати проводилось в рамках задуманной Извольским реформы МИД и затянулось, как и сама реформа, на долгие годы. Оно началось в 1906 г., но лишь в марте 1910 г. законопроект об изменении штатов МИД, который касался и Отдела печати, был поставлен на обсуждение Государственной думы...»².

Продолжая описывать взаимодействие министерства и прессы, необходимо заметить,

что, кроме традиционных методов, А. П. Извольский использовал и новые для российских государственных деятелей того времени формы. Одной из форм открытого общения с западной прессой, за которое ратовал А. А. Гирс, стали интервью корреспондентам западной прессы. А. П. Извольский раздавал их охотно, не забывая при этом налаживать личные контакты с представителями прессы. С их помощью он зондировал отношение внутри той или иной страны к предпринимаемым ею шагам. Это было настолько для него важно, что таким встречам он уделял не меньшее внимание, чем общению со своими зарубежными коллегами³.

В целом А. П. Извольский и А. А. Гирс разработали целую схему взаимодействия с прессой, оказавшуюся действенной. Они привлекали газету доверительной информацией, оказывая внимание известным журналистам и общественным деятелям. Данная идея достаточно традиционна, новшество состояло в роли, которую этому отводил лично министр. Техническим обеспечением указанных вопросов занимался Отдел печати, однако нередко А. П. Извольский лично встречался с журналистами, считая, что слово министра имеет дополнительный вес. Подобные встречи не были характерны для его предшественника или коллег по правительству. И в этом вопросе он оказался прав, получив дополнительный козырь при взаимодействии с газетами. Так, министр говорил А. А. Суворину, редактору «Нового времени»: «Меня критикуйте, без критики нельзя обойтись, но относитесь к моей политике беспристрастно. Набеги вашей газеты вредны для России»⁴. Такие слова из уст министра, конечно, производили впечатление и позволяли наладить контакт с печатью, не оказывая какого-то формального давления и не вызывая внутреннее противодействие редакторов. Обращение к патриотическим чувствам представителей прессы было не единственным из методов министра. Он также описывал цели и деятельность МИД представителям прессы в зависимости от их собственных взглядов: деятельность министерства становилась то жестко прагматичной, направленной на достижение конкретных целей, когда он понимал, что за интересами газеты в данном случае стоит капитал, то либерально-окрашенной, ведущей к укреплению конституционного строя, работе Госдумы, партий и СМИ, когда речь шла о взаимодействии с либеральными органами печати. Иногда работой МИД, по словам А. П. Извольского, руководили идеи создания и развития славянского единства, когда А. П. Извольский имел дело со славянофилами (это при том, что он относился к славянофильским идеям весьма скептически, как свидетельствуют его воспоминания).

А. П. Извольский искусно использовал прессу, убедив общественность в пользу сближения с Англией и Японией, сначала зондируя почву и организуя отдельные статьи, а во время заклю-

чительного этапа переговоров развернул более масштабную кампанию. Заключительный этап переговоров держав охватывал период с начала 1907 г. и до подписания конвенций в июне – августе того же года. Историк В. А. Емец отмечает: «Впервые во внешней политике России в таких масштабах и с такой последовательностью был реализован принцип политического компромисса, входивший в практику «новой дипломатии» с конца XIX века, – разграничение интересов, выделение сфер влияния, «уступки» и «обмен» территорий третьих держав и т. д. Все это мало соответствовало высокомерно-великодержавной формуле его предшественников, гласившей, что Россия не должна идти на разграничительные линии, поскольку она может распространить свое влияние далеко за пределы всяких сфер»⁵.

Подход А. П. Извольского к выработке условий соглашений отличался реализмом: осознавая ослабление позиций России в Средней Азии и необходимость отказа, хотя бы временного, от активной политики в этом регионе, но в то же время и защиты уже совершенных завоеваний, он согласился на предложение Англии о разделе Персии на три зоны. За уступки в Иране и Афганистане А. П. Извольский не преминул получить от британской дипломатии важную для его будущей политики на Ближнем Востоке компенсацию: обещание поддержать Россию в решении вопроса о проливах.

При определении условий политического разграничения с Японией Извольский отверг ее требования, значительно выходявшие за рамки Портсмутского договора, и в то же время во имя достижения соглашения он заплатил за него значительными уступками, главным образом в экономических вопросах. Весь этот процесс сопровождался переговорами с заинтересованными сторонами и публикацией определенных статей, что нашло отражение в том числе в документах «Секретного архива министра» в АВПРИ. Так, в разговоре британский министр Э. Грей отмечал, что немецкое общественное мнение так негативно относится к русско-английскому соглашению, поскольку немецкая общественность считала, что неприязнь между Россией и Англией будет существовать всегда. При этом он считал, что неожиданное (для Германии) заключение соглашения повлияло на формирование неприязни к России не только в печати и общественном мнении Германии, но и во власти. Поэтому они могут решиться на серьезные действия, и, значит, нужно быть особенно осторожными. Король Эдуард сказал, что если Германия будет и дальше увеличивать свою морскую силу, настанет тревожное положение. И арбитром здесь Англия видит Россию, поэтому она должна быть максимально сильной. Это он повторил несколько раз. В конце беседы А. П. Извольский и Э. Грей решили, что нужно дать указания печати об их встрече, чтобы предотвратить толки о каком-то

особом значении свидания. Они вместе написали заметку, которая вышла в виде телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства из Ревеля от 30 мая 1908 г. Это было обычной практикой не только для А. П. Извольского, но и для его иностранных коллег. Они вместе дали разъяснения о том, как относиться к их встрече и к этой заметке корреспондентам таких уважаемых изданий, как «Times» и «Matin»⁶.

Имеются документы, свидетельствующие о том, как А. П. Извольский балансировал между Англией и Германией, стремясь успокоить общественное мнение последней. Например, когда в немецкой прессе возникло беспокойство по поводу соглашения и встречи А. П. Извольского с Э. Греем, тогда в официозной газете «Россия» появилась заметка, составленная А. П. Извольским, которая вызвала положительный отклик у немецкой общественности. Ее заверили, что с Англией не будет подписано никаких новых соглашений. Россия и Англия просто обсудят македонские реформы⁷.

Когда же в печати появились толки о предстоящем свидании императоров Николая и Вильгельма, А. П. Извольский решил составить успокаивающую заметку, опубликовав ее под видом телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Итог был столь удачным, что некоторая германская печать даже критиковала императора Вильгельма, полагая, что Германия зашла слишком далеко в поддержке Австро-Венгрии⁸.

Другой интересный пример – попытка издания русскоязычной газеты в Турции, которая оставалась в центре внимания внешней политики России, ориентированной на возможность использования проливов. Иллюстрированная еженедельная газета «Стамбульские новости» издавалась в Константинополе и была первым образцом русскоязычной турецкой прессы. Газета выходила только на русском языке еженедельно по пятницам и распространялась в Турции, России, Болгарии, ряде стран Западной Европы. Она получила благожелательные отзывы в западноевропейской и российской прессе, а печаталась в первой и единственной русской типографии. В состав редакции входили известные турецкие политики и общественные деятели, представители русской и кавказской интеллигенции. Ответственным директором газеты был Ахмед Джевад, принадлежавший к младотурецким кругам, издатель ряда младотурецких газет, в том числе главного органа комитета «Единение и прогресс» – газеты «Танин». Главным редактором этого периодического издания был русский подданный Джалал Эд-Дин Коркмасов – известный общественный и политический деятель России начала XX в. Роль газеты высоко оценил императорский посол в Константинополе Н. В. Чарыков. В депеше на имя министра иностранных дел Российской империи А. П. Извольского говорилось: «На днях начала выходить в Константинополе первая русская газета – иллюстрированный еженедельник «Стам-

бульские ведомости». За время существования Турции это первая русская газета, возникшая в Константинополе. Выход её является для нас несомненным успехом. Судя по первому номеру... газета преследует не столько политические, сколько культурные цели и предполагает главным образом знакомить читателей с развитием и направлением умственной, политической и общественной эволюции в Турции... Газета возникла без всякого участия Посольства или Консульства в Константинополе, и только по выходу первого номера Коркмасов с позволения мне представился. Я считаю его частную инициативу в журнальном деле предпочтительной казенному почину и в данном случае думаю, что «Стамбульские новости» будут способствовать осуществлению нашей общей программы дружественного сближения с Турцией на почве культурных и экономических вопросов»⁹.

В следующем письме на имя министра иностранных дел Н. В. Чарыков сообщал: «Проживающий в Константинополе русско-подданный Джелал Эд-Дин Коркмасов обратился ко мне с просьбой предоставить господину министру внутренних дел свое ходатайство, при сем подлиннике прилагаемое, о разрешении свободного доступа в Россию иллюстрированной еженедельной газеты «Стамбульские новости», издаваемой им здесь на русском языке. О появлении этой газеты я счел долгом упомянуть сочувственно... и вышедшие с тех пор номера, при сем равным образом прилагаемые, лишь подтвердили мое первое благоприятное впечатление. Газета эта, как заявляет сам её издатель, умеренно-либеральная и совершенно не касается вопросов российской политики. В области политики внешней газета преследует цели, вполне согласованные с видами Императорского Министерства, стремится, главным образом, способствовать экономическому и культурному сближению Турции и России посредством ознакомления русской читающей публики с различными чертами быта современной Турции... За все время существования Турции это первая русская газета, возникшая в Константинополе, выход её является для нас несомненным культурным успехом. И потому, смею думать, заслуживает с русской стороны просимой поддержки путём подписки на неё в русских почтовых учреждениях, что имело бы большое значение для газеты»¹⁰.

Эти письма положили начало длительной переписке в российских чиновничьих кругах о предоставлении для газеты таможенной льготы на беспошлинный ввоз и открытие широкой подписки в почтовых учреждениях России. Однако несмотря на то, что А. П. Извольский лично писал П. А. Столыпину о желательности поддержки этой газеты, обусловленной, прежде всего, необходимостью культурного сближения, на котором уже можно строить более конкретные проекты, министерство внутренних дел не усмотрело явных выгод для России в финансовой поддержке газеты,

даже в вопросе беспошлинного провоза по России. То, что министерство финансов обычно скептически относилось к подобным тратам, известно. Любопытно, что в данном случае министерство иностранных дел настаивало на решении этого вопроса, написав еще одно письмо с вопросом о том, что именно означает отказ в беспошлинном ввозе и чем обусловлено данное решение. Для формулирования ответа чиновники устроили собственную проверку позиции газеты и оценили ее совсем не так, как МИД или общественность. Так, в письме на имя заместителя министра внутренних дел отмечалось: «По имеющимся в департаменте духовных дел сведениям, издаваемая... газета «Стамбульские новости», занимаясь освещением современной политической и общественной жизни Турции, дает преувеличенное понятие о могуществе Османской империи, ее культурном развитии, и, будучи предназначена исключительно для русских мусульман, имеет целью вызвать среди мусульман интерес к новому направлению в Турции тяготеющих к ней и тем самым содействовать успешности паносманской пропаганды. Ввиду такого направления газеты гос. министр внутренних дел приказал изъять названное издание из обращения»¹¹.

Таким образом, чиновники МИД оказались в ситуации, когда должны были просто объяснить эту политику газете. В данном вопросе логично предположить, что МВД опасалось не традиционных для Турции идей ислама и национализма, а как раз новых либеральных и антиклерикальных веяний и их распространения среди мусульман в России, поскольку младотурецкое движение, к которому относились деятели газеты, выступало с этих позиций. То, что они не планировали использовать газету таким образом, подтверждал тот факт, что издание, не имея особых финансовых средств и получив лишь дополнительные проблемы из-за запрещения его ввоза в Россию, прекратило свое существование. Некоторые исследователи расценивают такую политику Министерства внутренних дел как проявление реакционности отдельных ведомств.

Другим направлением деятельности по взаимодействию с общественностью стало совершенствование работы в области официозных изданий. А. П. Извольский стремился сделать больше, в том числе обеспечив своему ведомству дополнительные возможности и большую самостоятельность. В декабре 1906 г. в газете «Россия», которая курировалась и финансировалась МВД, появилась колонка о внешней политике. Редактором ее стал Д. П. Никольский, чиновник МИД, а сотрудники министерства были проинформированы о значении газеты и им рекомендовалось на нее подписаться. Это стало своеобразным взаимовыгодным соглашением для ведомств. Хотя газета в силу своей специфики не пользовалась популярностью у широкой общественности в России, с её помощью А. П. Извольский тем не менее надеялся доносить

официальный взгляд до иностранцев и вместе с тем следить, чтобы Министерство внутренних дел в силу своих стремлений к контролю и цензуре не испортило имидж России в глазах иностранцев, особенно журналистов.

Данная деятельность была достаточно активной. Так, известны случаи, когда по решению А. П. Извольского даже отменялись публикации в этой газете статей, ранее одобренных главой правительства П. А. Столыпиным. Последний сначала соглашался с этим, признавая авторитет А. П. Извольского во внешнеполитических вопросах, но со временем между ними начали возникать разногласия¹². Своего апогея этот конфликт достиг на почве работы Санкт-Петербургского телеграфного агентства.

Важнейшей сферой деятельности Министра в области взаимодействия с общественным мнением было, безусловно, реформирование телеграфного агентства. Этот вопрос имел особое значение, поскольку большинство газет того времени черпало информацию из его телеграмм и благодаря этому могло существенно повлиять на их политику. Главной заслугой А. П. Извольского стало то, что он фактически связал главную информационную службу государства с министерской, назначив управлять агентством А. А. Гирса и предприняв ряд других шагов, ослаблявших влияние других ведомств. Министр иностранных дел стремился к тому, чтобы именно его Министерство стало основным источником внешнеполитической информации.

Изначально планы правительства Российской империи состояли в создании собственного телеграфного агентства. На это повлияла русско-японская война и связи Японии с прессой, где инспирировалась мощная антироссийская кампания. Первые шаги были предприняты еще графом В. Н. Ламздорфом. А. П. Извольский, вступив в должность руководителя Министерства, уже в июле 1906 г. обратился с письмом к министру финансов В. Н. Коковцеву с просьбой присылать в МИД все телеграммы, получаемые телеграфным агентством, в том числе внутренние, и такие, что не подлежат оглашению. Министр писал, что его осведомленность в таких делах является необходимой, и не телеграфному агентству (как это было ранее) решать, какая информация должна находиться в распоряжении Министерства. Правоту этих доводов признал министр финансов. Таким образом, данное решение стало первым шагом к установлению доступа МИД к внешнеполитической информации и оказанию влияния на телеграфное агентство в частности. Рост этого влияния, как известно, закончился назначением А. А. Гирса – человека А. П. Извольского – директором агентства.

В ходе поездки по странам Европы А. А. Гирс провел несколько бесед с руководителями основных телеграфных агентств: «Рейтер», «Вольф», «Гавас». В результате он написал в своем докладе,

что иностранные телеграфные агентства «являют собой крупную публицистическую силу, с которой необходимо считаться, и которой надо противопоставить равную величину у нас»¹³. За эту работу он и взялся. Как он сам писал в одном из писем, точная передача фактов, беспристрастное отношение к ним и своевременное сообщение новостей – главный залог успеха в данном деле. Можно с уверенностью предполагать, что те же принципы он соблюдал и в отношении организации деятельности Газетной экспедиции. В рамках работы по сосредоточению в руках министерства источников информации А. А. Гирс добился того, чтобы сведения, поступающие от всех ведомств империи, которые сообщались Осведомительному бюро при МВД, занимавшемуся прессой, поступали именно к телеграфному агентству, где ведущую роль играло МИД. Таким образом, от Министерства иностранных дел теперь зависело, что и как будет передаваться получателям информации в самой России и за ее пределами¹⁴.

После того как А. А. Гирс начал руководить деятельностью Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА), все сообщения, касавшиеся внешней политики, стали проходить цензуру в МИДе. Таким образом, агентство фактически начинало работать на интересы Министерства. Благодаря этому А. П. Извольский мог доносить свои соображения напрямую до большого количества газет: он писал заметки, которые публиковались в качестве телеграммы агентства. В частности, это имело место в сентябре 1908 г., когда общественность обсуждала присоединение Австрией Боснии и Герцеговины.

Представители телеграфного агентства присутствовали при наиболее важных дипломатических мероприятиях, например, свиданиях Николая II и Вильгельма. При этом сообщения, которые они публиковали, проверялись (а иногда и составлялись) министром. Благодаря этому, в частности, А. П. Извольский надеялся избежать таких неожиданностей, как та, что произошла с графом В. Н. Ламздорфом, когда Николай II заключил с императором Вильгельмом Бьеркский договор¹⁵.

Чтобы оказывать большее влияние на общественное мнение через телеграфное агентство, необходимо было улучшить его работу, снабжая более актуальной информацией. Во времена Министерства А. П. Извольского были открыты новые пункты: в Константинополе, Тегеране, Токио, Пекине. Корреспондентам запрещалось работать в каких-либо печатных органах. Поскольку некоторые из газет (в первую очередь «Новое время», «Русское слово») имели свою сеть корреспондентов, чтобы составить им конкуренцию, налаживалось сотрудничество с зарубежными дипломатическими миссиями, которые должны были сообщать корреспондентам определенную информацию. Об этом их просил А. А. Гирс¹⁶. Это давало преимущество агентству перед кор-

респондентами. В свою очередь дипломатические ведомства стали привлекать корреспондентов для обработки корреспонденции и печати. Все это способствовало более тесному сращиванию указанных ведомств и усилению возможности МИД влиять на общественное мнение уже при донесении информации. Сведения, поступавшие от корреспондентов, делились на три разряда – от первого, полученные непосредственно от дипломатических миссий, до третьего – те сообщения, на публикацию которых дипломатические миссии не давали согласия или предпочитали умалчивать.

Благодаря этим мерам Телеграфное агентство превращалось в мощный рычаг МИД по воздействию на прессу и общество. В этом смысле наиболее показателен тот факт, что с марта 1907 г. Телеграфное агентство перестало поставлять ненапечатанные по цензурным соображениям телеграммы для председателя совета министров. Возникло интересное положение дел, когда министр иностранных дел фактически получил возможность выдавать дозированную информацию о происходящих событиях другим высшим чиновникам, в частности председателю правительства. Поэтому и о соглашении А. П. Извольского с бароном Эренталем по поводу Боснии и Герцеговины П. А. Столыпин узнал не от телеграфного агентства, а от Главного управления по делам печати при МВД. Не исключено, что это также послужило причиной его недовольства А. П. Извольским и повлияло на его убеждение в том, что тот заключил соглашение с бароном Эренталем по собственной инициативе, ни с кем не совещаясь. Во время этого кризиса пресса, которую А. П. Извольский уже считал едва ли не собственным оружием, превратилась в его критика. Определенную роль здесь сыграло недостаточное понимание характера деятельности газет, для которых политическая линия в значительной степени определялась их издателями, которые сами хотели быть на пике общественного мнения и даже формировать его, а не прокладывать путь, намеченный кем-то. Вскоре после скандала, связанного с аннексией со стороны Австрии Боснии и Герцеговины, А. П. Столыпин изменил статус Санкт-Петербургского телеграфного агентства, переподчинив его фактически

себе как председателю правительства и выведя из-под формального контроля со стороны Министерства финансов. А. П. Извольский стремился затормозить этот процесс, но все-таки 1 января 1910 г. директором агентства П. А. Столыпин назначил О. И. Лямкерта. Это стало одним из проявлений ослабления влияния Министерства, постепенной потери автономности. Одновременно с этим распалась система влияния на прессу, выстроенная А. П. Извольским и А. А. Гирсом, опиравшаяся во многом на личные контакты и лишенная серьезных административных рычагов, когда в случае реального желания прессы пойти на конфликт противопоставить этому оказалось фактически нечего. Конечно, некоторые приемы взаимодействия со СМИ сохранились и продолжали использоваться, однако целостная система не была выстроена.

Примечания

- 1 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. (Канцелярия). 1906 г. Д. 90. Л. 136–137.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Авдеев В. Е.* А. П. Извольский – глава внешнеполитического ведомства России (1906–1910) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 142.
- 4 Там же.
- 5 *Емец В. А.* А. П. Извольский : министр-неудачник или реформатор // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 53.
- 6 См.: АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив Министра). Оп. 467. Д. 275.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Д. 283.
- 9 Там же. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 073. Л. 43.
- 10 Там же. Ф. 149 (Турецкий стол). Оп. 502/2(6). Д. 6891. Л. 6.
- 11 Там же. Л. 19.
- 12 См.: *Авдеев В. Е.* Указ. соч. С. 142.
- 13 Там же. С. 151.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 152.
- 16 Там же. С. 153.

Образец для цитирования:

Каулин К. В. Взаимодействие Министерства иностранных дел с прессой при министре иностранных дел А. П. Извольском // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 152–157. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-152-157>

Cite this article as:

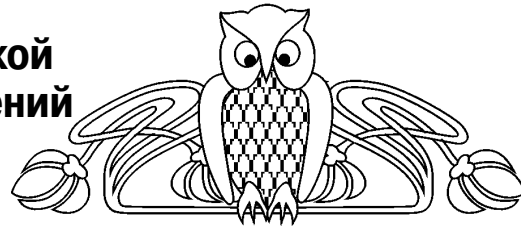
Kaulin K. V. Interaction of Ministry of Foreign Affairs with the Press under the Ministry of A. P. Izvolsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 152–157 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-152-157>

УДК [94+323.1](47+57) | 1985/1991 |

Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

В статье анализируется специфика процесса демонтажа союзной государственности и советского механизма межэтнического взаимодействия. Исследуются события, связанные с рождением новой геополитической реальности на просторах бывшего СССР. Изучаются истоки будущих конфликтов на формирующемся постсоветском пространстве. Формулируется вывод о мобилизующем значении этнонационализма как главной движущей силы в распаде единого государства.

Ключевые слова: национальные элиты, «перестройка», союзные республики, народы, этносы, власть, государство.

The Dismantling of the Single Union and the Soviet System of the International Relations in August – December 1991

A. P. Myakshev

Anatoliy P. Myakshev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, myakshev@mail.ru

The article analyzes the specifics of the process of dismantling the Union state and the Soviet mechanism of interethnic interaction. The events associated with the birth of a new geopolitical reality in the former Soviet Union are studied. The sources of future conflicts in the emerging post-Soviet space are studied. The conclusion about the mobilizing value of ethno-nationalism as the main driving force in the disintegration of a single state is made.

Keywords: national elits, «perestrojka», sovietic republics, peoples, ethnic groups, authority, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>

Советский Союз как субъект истории прекратил свое существование сразу после попыток части советского руководства ввести режим чрезвычайного положения в превратившихся в самостоятельные и независимые государства бывших союзных республиках. События 19–21 августа 1991 г., несмотря на временную отдаленность, обилие документальных и мемуарных свидетельств о внутренней сути, логике и парадоксах произошедшего в те дни, ждут своего исследователя. Ни прошедшие почти 30 лет, ни огромное количество публикаций не сблизили мнения и суждения по данной проблеме. Расхождения в оценках остаются зачастую прямо противоположными. Сразу же после так называемого «августовского путча» был

издан сборник «Коричневый путч красных. Август 1991 г.»¹, на обложке которого рисунок звезды был соединен со свастикой. Версию о «фашиствующей» советской партгосноменклатуре, попытавшейся повернуть вспять демократическое обновление страны поддержало российское руководство и М. С. Горбачев, откликнувшийся на обвинения о своей причастности к августовским событиям небольшой брошюрой², в которой рассуждал об ударе «путчистов» по «авангардным демократическим силам». Сложно согласиться с данным утверждением только потому, что российский парламент, судя по высказываниям Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева олицетворяющий собой это самое «демократическое обновление» в 1991 г., через 2 года будет расстрелян опять же за «красно-коричневый путч».

Противоположную позицию, по мнению А. С. Барсенкова, впервые высказал Г. Х. Попов, заявивший весной 1992 г. в интервью руководителю санкт-петербургского телевидения Б. А. Курковой, что «путч» совершили «демократы»³. А. В. Островский полагал, что эта концепция зародилась раньше, когда 24 августа 1991 г. народный депутат СССР из Тюмени тридцатилетний историк и политолог С. В. Васильев опубликовал свое обращение «Государственный переворот 1991 г. успешно завершён»⁴. Он заявлял, что в России утвердилось духовное течение, враждебное русскому национальному мироощущению, и пророчески предрекал, что у человечества еще будет время всмотреться в лицо российского «демократического» тоталитаризма»⁵.

Представляется, что размышления В. С. Павлова о том, что члены ГКЧП не готовили переворот, зато М. С. Горбачев, по его мнению, сначала решил расправиться с Б. Н. Ельциным руками «членов ГКЧП», «преданных делу и своей стране, народу», а осведомленный об этом Б. Н. Ельцин решил руками опять же членов ГКЧП «убрать Горбачева»⁶, вряд ли логичны и объективны. Не убеждает и версия одного из бывших руководителей советской контрразведки В. С. Широина, который считал, что М. С. Горбачев одобрил введение чрезвычайного положения, однако американские спецслужбы решили воспользоваться ситуацией и разом покончить с КПСС, для чего и переориентировались на другого лидера⁷. А. П. Шевякин в наши дни предлагает искать ответ на вопрос об «августовском путче» «не столько в Лэнгли, а больше на Лубянке»⁸: «это была провокация, подобная поджогу Рейхстага,

направленная против сил, выступающих за единое союзное государство и социалистический выбор народа»⁹. Он солидаризуется с позицией народного депутата СССР Л. И. Сухова, заявившего сразу после августа 1991 г., что «это был сговор против нашего социалистического строя, заговор Президента и кучки авантюристов»¹⁰. Канули в лету и оценки «августовского путча» как нечто комичного, опереточного акта советского руководства¹¹, «фарса»¹².

Особо следует обратить внимание на версию, высказанную сразу же после августовских событий директором Института этнологии и антропологии В. А. Тишковым: «Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русским национал-патриотическим движением и с русскими как доминирующей в государстве этнической группой»¹³. Аргументом при этом выступал «подсчет» и «сопоставление» национального состава членов ГКЧП и руководства России¹⁴. И уж совсем неожиданным был вывод В. А. Тишкова по поводу «защитников Белого дома», которых ученый охарактеризовал как «выразителей тенденции рождения российского народа»¹⁵.

С. В. Чешко, назвав точку зрения В. А. Тишкова «типичным умозрительным интерпретаторством», полагал, что «выступление ГКЧП было естественной реакцией «консервативно-патриотических» сил, которые, видимо, посчитали, что страна подошла к самому рубежу окончательного развала»¹⁶. На наш взгляд, версия историков А. С. Барсенкова и А. В. Островского, специально исследовавших эти события, наиболее достоверна. По мнению А. С. Барсенкова, «путч» начали одни, а переворот совершили другие»¹⁷, А. В. Островский не возражал: «19 августа под прикрытием так называемого путча, начался государственный переворот, возглавляемый Б. Н. Ельциным»¹⁸.

На наш взгляд, для понимания сути событий 19–21 августа 1991 г. следует сравнить публичные документы, обнародованные ГКЧП и российским руководством и демонстрирующие их истинные, впрочем, как и скрытые, цели. В «Обращении к советскому народу» членами ГКЧП было заявлено, что «политика реформ зашла в тупик», а причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», утрату доверия к власти и неуправляемость страны, высшие советские руководители связали с «возникновением экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой». Позитивная программа ГКЧП заключалась в обещаниях провести широкое обсуждение нового Союзного договора, восстановить законность и правопорядок, поддерживать действительно демократические процессы, взять под контроль социальную защиту населения, развить многоукладность экономики¹⁹.

В обращении «К гражданам России» противная ГКЧП сторона – российское руководство – заявляло, что оно «заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Совет-

ского Союза», что, по мнению подписавших обращение Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева и Р. И. Хасбулатова, вызвало «озлобление реакционных сил» (имелись в виду высшие руководители СССР), подтолкнув их к авантюре. Авторы призвали «не оказывать поддержки» заговорщикам, подчиняться впредь Законам и Указам Президента РСФСР²⁰. В Указе Президента РСФСР от 19 августа № 61 содержалась истинная цель российского руководства: объявляя действия советских руководителей «государственным преступлением», Б. Н. Ельцин переподчинил себе все органы исполнительной власти СССР, под управление России «временно» переходили и советские силовые структуры²¹.

Если иметь в виду, что распад союзного государства и гибель советской системы власти произошел не одновременно: СССР прекратил свое существование с поражением ГКЧП, а советская власть – после событий 3–4 октября и принятия новой Конституции России 12 декабря 1993 г., то и цели противоборствующих в августе 1991 г. сторон можно и важно рассмотреть с точки зрения реализованных положений процитированных документов. Если позиция высшего советского руководства, объединенного в ГКЧП, ясна и последовательна: защитить социализм и сохранить единое государство, то программа российского руководства заключалась в овладении советскими государственными структурами под прикрытием демагогического обещания «сохранить единство Советского Союза». Расстрел в октябре 1993 г. «своего» парламента, горячо поддержавшего «революционный переход власти» в августе 1991 г., превратил «сравнение уровня демократичности» ГКЧП и российского руководства в манипуляцию клише и ярлыками, к научному анализу не имевшую никакого отношения. Отсутствие у ГКЧП какого-либо сценария силового разрешения сложившейся трагической ситуации в стране обнаруживает всего лишь наивную веру части советского руководства в действенность такой демократической акции, как прямая апелляция к воле народа. Да и с юридической точки зрения действия ГКЧП были более обоснованы, нежели «правовая практика» Б. Н. Ельцина и его соратников.

После провала последней попытки, с позиций исторической логики и политической целесообразности – запоздалой, с организационной – неумелой и нерешительной, юридически был оформлен суверенитет новых государств, бывших союзных республик и начался технический демонтаж советских государственных структур, заключавшийся в их массовом переподчинении структурам государственной власти России. Р. Г. Пихоя, безусловно, был прав, когда в категоричной форме утверждал, что по-настоящему СССР «умер» в первые дни после подавления «путча», формально продолжая существовать до конца декабря 1991 г.²²

С. В. Чешко полагал, а А. С. Барсенков соглашался с мнением, согласно которому «республи-

бликанские лидеры воспользовались случаем, чтобы еще больше поднять планку своей независимости»²³. На наш взгляд, первые дни после поражения «путча» республиканским элитам уже не было смысла утаивать свои замыслы стать полностью независимыми, что, собственно, они официально продекларировали. Как позже писал сам М. С. Горбачев, «переворот до основания потряс страну. В сентябре – октябре, по сути, все республики заявили о своей независимости. Сепаратисты чувствовали себя на коне, настал их час»²⁴.

Таким образом, национальные элиты стремились как можно быстрее зафиксировать границы своих независимых государств и «свою» власть на «своих» территориях, понимая при этом, что опасность их суверенитетам представляет уже не союзный Центр, а Россия и Украина как два наиболее мощных независимых государства, стремящихся уж, если не наследовать, так поделить советское «богатство», «размещенное» в основном как раз на российских и украинских территориях. 26 августа российское руководство устами пресс-секретаря Б. Н. Ельцина П. И. Вощанова заявило, что Россия не ставит под сомнение чье-либо право на самоопределение, но в случае прекращения «закрепленных соответствующим договором союзнических отношений» «РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ»²⁵. «Если вспомним, – предположил А. С. Барсенков, – сделанное накануне «путча» заявление о том, что цены на энергоносители будет определять не Центр, а Россия, и учетом слова Вощанова, то становятся очевидными те аргументы, которые российский президент намеревался использовать для охлаждения чрезмерных устремлений к полной «свободе» новых «государств»²⁶. Представляется, что Ельцин в данном случае заботился не о сохранении единого экономического пространства, а довольно четко и недвусмысленно высказывался в пользу российских претензий на лидерство в складывающейся постсоветской реальности.

Интересно, что в «демократических» СМИ сразу же после «августовского путча» активно обсуждалась проблема пересмотра границ на складывающемся постсоветском пространстве. Е. Г. Боннер отреагировала замечанием: «А с утра Украине независимой и Казахстану сказано было: не рыпайтесь, а то мы – победители, Великая Россия – территориальные претензии вам предъявим», предупредила Б. Н. Ельцина, что не будет молчать, «если его и дальше понесет в великую Россию. Державу. От слова «держать»²⁷. Наоборот, К. Г. Мяло предупреждала, что не следует фиксировать границы союзных республик, поскольку «некоторые республики уже сегодня должны быть готовы, что демонтаж Союза вряд ли ограничится лишь верхними его этажами. Следующим этапом станет демонтаж некоторых из ленинско-сталинских республик»²⁸.

Впрочем, российская элита, опьяненная столь быстро достигнутой победой, не считала «территориальный» вопрос актуальным и единства в отношении проблемы будущих границ не проявила. Если «Гражданская инициатива» 28 августа 1991 г. решительно отвергла «территориальные и имущественные претензии» России к соседним республикам, поскольку «истинные демократы» должны приветствовать распад СССР «как существенную сторону краха коммунистического режима»²⁹, то Совет ЦК Конституционно-демократической партии, наоборот, посчитал требование России о пересмотре произвольно «нарезанных большевиками» границ между союзными республиками «конституционным», в случае если Украина, Белоруссия и Казахстан откажутся от участия в «новой демократической федерации»³⁰. Резкая реакция казахстанского и украинского руководства заставила Б. Н. Ельцина дезавуировать заявление П. А. Вощанова.

После августовского путча, в условиях фактического распада страны 2–5 сентября состоялся Внеочередной пятый съезд народных депутатов СССР. Выступая 31 августа 1991 г. на заседании комиссии по подготовке этого съезда, председатель Совета Национальностей Р. Н. Нишанов отмечал, что «подготовка Съезда идет очень плохо, непросто, противоречиво, очень много неясностей, неразберихи». Есть делегации, продолжал он, «которые заинтересованы в проведении этого съезда и принятии чрезвычайных мер, включая и вопросы обновления Верховного Совета. А есть силы, которые вообще хотели бы игнорировать Съезд и представить в обособленном свете свою республику... Есть отдельные депутаты, которые просто в этой обстановке не хотят нести обязанности депутатов. И в совокупности создается крайне тяжелая обстановка»³¹. В целом работа депутатов, признавался Нишанов, «вызывает отвращение у советских людей». «Чем мы занимаемся», восклицал Рафик Нишанович, «когда страна находится в таком состоянии, и развал фактически идет полным ходом»³².

Пятый съезд констатировал, что прежнего СССР уже нет. Председатель Комитета конституционного надзора СССР С. С. Алексеев заявил «начистоту»: «Наш Союз находился не просто на грани развала, а уже находился в состоянии развала»³³. Наиболее определенно высказался представитель украинской делегации министр охраны окружающей природной среды Ю. Н. Щербак, заявивший о несогласии Украины обсуждать «вопросы политического устройства того межгосударственного объединения, которое может возникнуть на месте бывшего Союза ССР»³⁴.

Фактически съезд приостановил деятельность Съезда народных депутатов СССР и «на время переходного периода» создал новый орган власти «формально не отмененного» Советского Союза – Государственный Совет, состоявший «из Президента СССР и высших должностных

лиц союзных республик»³⁵. Роль координатора межнациональных отношений на постсоветском пространстве перешла к Совету Республик, сформированному из депутатских групп семи республик. Председателем Совета Республик был избран казахский писатель А. Т. Алимжанов, его заместителями стали представители этих семи республик³⁶.

Стенограммы заседаний Совета республик красноречиво свидетельствуют о растерянности, нерешительности и апатии бывших депутатов бывшего высшего органа бывшей страны. Так, 1 ноября 1991 г. на «совещании у А. Т. Алимжанова» депутат А. Я. Слива констатировал, что «сегодня кончается вторая неделя, как собрался Верховный Совет», а «на сегодняшний день Верховный Совет ни одного значимого действия не совершил ни для людей, ни для республик». «Мы понимаем», говорил Слива, «что слаб Верховный Совет», «но слабый ищет поддержки»³⁷. Суть происходящего большинство членов Совета Республик понимало слабо. Правовед Г. В. Атаманчук резонно задавал вопросы: «первый вопрос – переходный период. Что это означает? Переходный период от бывшего Союза к отсутствию Союза? Или переходный период к другому Союзу? ... Куда мы идем?»³⁸ и сам же на них отвечал: «Совет Союза должен отмереть, а Совет Республик должен обязательно сохраниться... Это единственная сегодня структура, свободная структура общения народов, свободная трибуна»³⁹.

Председатель палаты А. Т. Алимжанов иллюзий не питал: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает интересы. Мы хотим выйти за рамки этих интересов и защищаем или обосновываем интересы будущего содружества. Это будет или конфедерация, или сообщество государств»⁴⁰. 26 декабря 1991 г. сессия Совета Республик, в котором остались лишь представители Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, приняла под председательством А. Т. Алимжанова декларацию о прекращении существования СССР как «государства и субъекта международного права» в связи с образованием СНГ⁴¹.

По свидетельству М. С. Горбачева, 16 сентября 1991 г. на заседании Государственного Совета представители России и Украины, а также Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении согласились сохранить Союз⁴², после чего эти же республики подписали «Договор об Экономическом сообществе»⁴³.

По воспоминаниям Г. Х. Шахназарова, «Горбачеву удалось убедить Ельцина в желательности возобновления новоогаревских встреч». Однако, указывал помощник Президента СССР, «согласие было дано только при том условии, что будет подготовлен новый проект Договора с установкой уже не на федерацию, а на конфедерацию»⁴⁴. Спустя неделю «ельцинская команда» (Г. Э. Бурбулис,

С. М. Шахрай, С. Б. Станкевич), по свидетельству Г. Х. Шахназарова, предоставила документ, «зачитав» который, Георгий Хосроевич, «понял, что никакого Союза в Белом Доме оставлять не собирались»⁴⁵. «Это было примерно то, что потом получило название «Содружество независимых государств»⁴⁶, заключал Г. Х. Шахназаров. М. С. Горбачев и сам понял, что его обманули: «Достаточно было беглого прочтения, чтобы понять, что речь идет не о федеративном и даже не о конфедеративном государстве»⁴⁷.

На наш взгляд, второго «Ново-Огаревского процесса» не было. Обсуждение проекта нового Договора о союзе служило всего лишь прикрытием развернувшегося захвата союзной собственности новыми российскими структурами. Более того, М. С. Горбачев был знаком с документами, в которых позиция российского руководства была выражена четко и последовательно: «России никакой центр не нужен»⁴⁸. Л. М. Кравчук вообще саботировал работу над Союзным договором, заявляя, что пока 1 декабря на Украине не пройдет референдум, он ничего сказать не может⁴⁹. Наиболее откровенно по поводу позиции российского руководства осенью 1991 г. высказался Г. А. Явлинский: «У Бориса Николаевича и его окружения были четкие политические установки: одномоментный «не только политический, но и экономический развал Союза, ликвидация всех мыслимых координирующих экономических органов, включая финансовую, кредитную и денежную сферу. Далее, всесторонний отрыв России от всех республик, включая и такие, которые в то время не ставили подобного вопроса, например Белоруссия, Казахстан»⁵⁰. Реанимировать Союз никто не хотел.

Представляется, что в ходе борьбы агонирующего союзного Центра и независимых республик решилась и судьба Крыма. Безусловно, после устранения Центра от «крымско-татарской проблемы» со всей очевидностью встал вопрос о восстановлении исторической несправедливости, в результате которой полуостров оказался в составе Украинской ССР. Русофобия в прессе и политической борьбе, развернувшейся на Украине в связи с одновременным проведением референдума о независимости и выборов президента независимого государства, достигла своего апогея к декабрю 1991 г. Национал-экстремисты объединились вокруг лидера западноукраинских националистов В. М. Черновола как раз на основе оголтелой русофобии. В избирательной кампании русскоязычное и русское население Украины неизбежно объединялось вокруг Л. М. Кравчука, оказываясь при этом заложником борьбы Центра и Украины и поневоле становясь союзником поборника украинской «незалежности» Кравчука в его борьбе за президентское кресло. Российское руководство однозначно поддерживало Кравчука, поскольку его победа на президентских выборах означала поддержку гражданами Украины ее су-

веренитета и независимости, что, в свою очередь, приводило к жирной финальной точке на судьбе Союза.

Как писал помощник М. С. Горбачева А. С. Грачев, Кравчуку дали понять, что сразу после 1 декабря в случае его победы это будет означать «вогум» в пользу выхода из СССР, а это, в свою очередь, позволит России окончательно заблокировать новоогаревские договоренности⁵¹. «Кравчук не мог удержаться от искушения принять это предложение», – полагал А. С. Барсенков, – «поскольку получал возможность закрепления государственной независимости Украины в тех границах, о которых не мечтали даже самые горячие «руховцы»⁵². Так, по всей видимости, и оформилась «сделка века»: «России – Кремль, Украине – Крым», или, как определял смысл этой сделки А. С. Ципко, «Крым за Кремль»⁵³.

На наш взгляд, это трагическое решение осознавалось далеко не всеми. В начале ноября 1991 г. известный публицист и журналист Г. О. Павловский предположил, что идея защиты интересов украинского государства связана с надеждой на появление «альтернативной России», категорически возражал против «единой, централизованной, однородно-национальной Украины» и предупреждал, что «бюрократическая принудительная украинизация» разрушит шанс Украины на государственность⁵⁴. Призывая к мягкости и либерализму в межнациональных отношениях на Украине, Г. О. Павловский полагал, что именно это может минимизировать угрозу переориентации русских регионов Украины на Москву⁵⁵.

Очевидно, что судьба «русского мира» руководство России, где русские составляли по переписи 1989 г. 81,5 %, не «волновала». Уж тем более Б. Н. Ельцин и его окружение равнодушно взирали на свершающуюся на их глазах этническую катастрофу русского этноса, выражавшуюся в его «геополитическом расчленении»⁵⁶: 25 млн русских, что составляло 17 % всех русских в СССР, при распаде единого государства из доминирующей советской нации превращались в национальные меньшинства независимых постсоветских государств. Согласно переписи 1989 г. русские составляли 37,8 % всех жителей Казахстана; 34 % – в Латвии; 30,3 % – в Эстонии; 22,1 % – на Украине; 21,5 % – в Киргизии; 13,2 % – в Белоруссии; 13 % – в Молдавии; 9,5 % – в Туркмении; 9,4 % – в Узбекистане; 7,6 % – в Таджикистане; 6,3 % – в Грузии; 5,6 % – в Азербайджане; 1,6 % – в Армении⁵⁷. Распад СССР сделал неизбежным обострение «русского вопроса» на всем постсоветском пространстве, поскольку русские остались «как народ безгосударственный»⁵⁸ и вступили «в острую фазу кризиса своей национально-этнической идентичности»⁵⁹.

С распадом СССР разрушилась и вся советская система межнациональных отношений, основанная на поощряемом и поддерживаемом советским государством факторе межэтнического

доверия. Финальная стадия жизни великого единого государства совпала с развернувшейся на огромной его территории межэтнической войной. Армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский конфликты имели тенденцию к разрастанию и углублению, из латентного состояния в горячую стадию плавно перетекал конфликт в Молдавии. Так и не добившиеся «исторической справедливости» советские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды отчаянно боролись за свою государственность и автономию.

Наиболее убедительным доказательством разрушения советского механизма межнационального взаимодействия является «чеченский вопрос» в Российской Федерации. Сомнений в том, что в борьбе за Кремль Б. Н. Ельцин и его так называемое «демократическое» окружение готово было жертвовать и российским единством, нет. В выступлении Г. Х. Попова на втором съезде Демроссии содержалось предложение предоставить возможность «выйти из России» «всем автономиям, которые на референдуме за это выскажутся»⁶⁰. А. Н. Яковлев после «беловежского соглашения» заявил, что «за распадом Союза начнется распад РСФСР. Он неизбежен и по той же самой схеме. Он уже начался. И никакая сила тут не поможет, ибо сила – это кровь»⁶¹.

«Чеченский» фактор стал определять внутриреспубликанскую политику российского руководства осенью 1991 г. Впрочем, А. С. Барсенков относит рождение «чеченской проблемы» к ноябрю 1990 г., когда была принята «Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики»⁶², а сам конфликт «помещает» в контекст «противостояния союзного и российского центров власти в 1990–1991 гг.»⁶³. Между тем анализ принятой 27 ноября 1990 г. внеочередной сессией Верховного Совета республики «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» позволяет сделать вывод о том, что на российском Северном Кавказе было провозглашено независимое суверенное государство с соответствующими атрибутами (гражданство, герб, флаг, гимн, столица), верховенством республиканских конституции и законов⁶⁴. Представляется, что, декларируя «территориальные» претензии соседям, лидеры республики демонстрировали с самого начала свою агрессивность и экспансионизм.

Ситуация в Чечне радикальным образом поменялась весной 1991 г., когда избранный в ноябре 1990 г. председателем Исполкома Чеченского национального съезда генерал Д. М. Дудаев объявил о «нелигитимности» Верховного Совета ЧИР и переходе власти к Исполкому Чеченского национального съезда. Тогда же и была провозглашена Чеченская республика Нохчи-чо. С. В. Чешко прямо указывал, что «режим Джохара Дудаева возник ... в результате не многолетнего и осознанного движения чеченцев за независимость, а по-

ощрения, поддержки и прямого попустительства российских властей»⁶⁵.

На наш взгляд, российское руководство, стремясь полностью овладеть Союзным центром, в «чеченских» событиях невольно оказывалось заложником своего же политического курса: если можно «самоопределяться» народу России, то почему нельзя делать это чеченскому народу? 24 октября 1991 г. Д. М. Дудаев был избран президентом Чечни, после чего все органы власти и жизненно важные объекты на территории бывшей ЧИ АССР перешли под контроль ОКЧН. Российскому руководству Дудаев продемонстрировал эффективность их «собственной, демократической технологии»: «декларация независимости – всенародный референдум – выборы президента – провозглашение независимости».

«Чеченский кризис» имел и позитивное значение для судьбы единого Российского государства. Под влиянием этих событий российское руководство начинало отказываться в отношениях с российскими автономиями от формулы «берите столько суверенитета, сколько переварите». В декабре 1991 г. продолжавшийся процесс укрепления ранее провозглашенных суверенитетов в форме избрания президентов «независимых государств» (именно тогда прозвучала знаменитая фраза М. Ш. Шаймиева: «Нет президентов больших и малых, есть президенты равные»⁶⁶), был упорядочен обязательностью согласования этой акции с Верховным Советом РСФСР. В связи с этим, к примеру, Верховный Совет настоял на переносе выборов президента Кабардино-Балкарии⁶⁷.

Такая позиция не помешала, правда, Татарстану 26 декабря 1991 г. принять декларацию о вхождении в СНГ на правах соучредителя⁶⁸, однако в действиях российского руководства по вопросу федеративных отношений появились несвойственная ранее твердость и уверенность. Ноябрьское заявление председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова о несоответствии Конституции Татарстана российскому законодательству, о российских автономиях как «частях одного единого государства», о президентах автономий как «лишь главах исполнительной власти, подчиненной непосредственно президенту России», заканчивалось грозным предостережением: «Вы несамостоятельны и быть ими не можете»⁶⁹. События в Чечне заставили российское руководство активизировать свои усилия по подготовке Федеративного договора.

«Чеченский» кризис, а также проведение 1 декабря 1991 г. референдума и выборов президента на Украине, на наш взгляд, стали причинами прекращения формальных попыток реанимировать подписание некоего Союзного договора. Элиты, овладев властью в «своих» республиках, воочию сумели убедиться в реальной угрозе дальнейшего распада некогда единого советского государства и поспешили юридически оформить «развод», дабы сосредоточиться на «удержании»

уже достигнутых границ «суверенитета». Все, что произошло в белорусских Вискулях 8 декабря 1991 г. после подписания днем ранее Договора о дружбе и сотрудничестве между РСФСР и БССР, продолжает оставаться предметом всего лишь «бытовых зарисовок из жизни вождей»⁷⁰. Исходя из строгого научного анализа, никакого серьезного влияния на последующие события «сакральный» акт юридического оформления «свидетельства о смерти» Союзного государства события в Беловежской пуще не оказали. Советский Союз к тому времени уже более трех месяцев не существовал...

Примечания

- ¹ Коричневый путч красных. Август 1991 г. Хроника, фотодокументы, пресса / подг. текста Н. Войскунская, А. Гаврилов, В. Гопман. М., 1991.
- ² См.: Горбачев М. С. Августовский путч (причины и следствие). М., 1991.
- ³ Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.: курс лекций. М., 2002. С. 213.
- ⁴ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 616.
- ⁵ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентский дневник 1990–1991. М., 1996. С. 358–359.
- ⁶ Павлов В. С. Горбачев – путч. Август изнутри. М., 1993. С. 107–117.
- ⁷ См.: Широкин В. С. Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М., 2010. С. 180.
- ⁸ Шевякин А. П. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. М., 2018. С. 393.
- ⁹ Там же. С. 395.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Кеворков В. Е. Кремлевская оперетка. М., 1997.
- ¹² Малия М. Конец утопии // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 594.
- ¹³ Тишков В. А. Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 5–6.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 232.
- ¹⁸ Островский А. В. Указ. соч. С. 626.
- ¹⁹ Обращение к советскому народу Государственного Комитета по чрезвычайному положению 18 августа 1991 года // Советская Россия. 1991. 20 августа.
- ²⁰ Красное или белое? (Драма августа 1991: факты, гипотезы, столкновение мнений) / под ред. Л. Н. Доброхотова. М., 1992. С. 72.
- ²¹ Коричневый путч красных. Август 1991 г. Хроника, фотодокументы, пресса. С. 45–46.
- ²² См.: Пихоя Г. Р. Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 606.
- ²³ Чешко С. В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 2000. С. 361.

- ²⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 кн. М., 1995. Кн. 2. С. 118.
- ²⁵ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999) : в 2 т. Т. 1 : Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 130.
- ²⁶ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 245.
- ²⁷ Цит. по: Кувалдин С. А. Прощай, нерушимый. Анализ освещения развала СССР на страницах газет в 1991 г. // Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. 3-е изд. М., 2017. С. 73.
- ²⁸ Там же. С. 76.
- ²⁹ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999) : в 2 т. Т. 1 : Хроника и аналитика. С. 131.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Внеочередной Пятый съезд народных депутатов СССР (2–5 сентября 1991 г.). Стенографический отчет. М., 2018. С. 11.
- ³⁴ Там же. С. 13, 14.
- ³⁵ Там же. С. 299–302.
- ³⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 312. Л. 70.
- ³⁷ Там же. Л. 54.
- ³⁸ Там же. Л. 64.
- ³⁹ Там же. Л. 66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 68.
- ⁴¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 52. Ст. 2058.
- ⁴² Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 кн. Кн. 2. С. 588.
- ⁴³ Договор об Экономическом сообществе. 18 сентября 1991 г. // Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. М., 2007. С. 334–351.
- ⁴⁴ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 462.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 588.
- ⁴⁸ Там же. С. 591.
- ⁴⁹ См.: Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 997.
- ⁵⁰ Пограничная ситуация (беседа с Г. А. Явлинским) // Литературная газета. 1992. 28 окт. С. 11.
- ⁵¹ См.: Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 319.
- ⁵² Барсенков А. С. Указ. соч. С. 257.
- ⁵³ Грачев А. С. Указ. соч. С. 319.
- ⁵⁴ Павловский Г. О. СССР умер, не оставив завещания // Московские новости. 1991. 3 нояб.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М., 1993. С. 126.
- ⁵⁷ См.: Этнополис. 1992. № 1. Приложение.
- ⁵⁸ Мяло К. Распад СССР и русский вопрос // Литературная Россия. 1992. 14 февр.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Попов Г. Х. Новые задачи нашей демократии (из выступления на Втором съезде Демократической России) // Комсомольская правда. 1991. 12 нояб.
- ⁶¹ Яковлев А. Н. Драма демократов – нет оппозиции // Куранты. 1991. 11 дек. С. 4–5.
- ⁶² Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 7–10.
- ⁶³ Барсенков А. С. Указ. соч. С. 303.
- ⁶⁴ См.: Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. С. 7–10.
- ⁶⁵ Чешко С. В. Указ. соч. С. 12–13.
- ⁶⁶ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России : в 3 кн. М., 1993. Кн. 3, ч. 1. С. 244.
- ⁶⁷ Там же. С. 208.
- ⁶⁸ Там же. С. 244.
- ⁶⁹ Руслан Хасбулатов : «Переделываться я не хочу» // Независимая газета. 1991. 27 нояб.
- ⁷⁰ См., напр. : Островский А. В. Указ. соч. С. 648–656.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 158–164. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>

Cite this article as:

Myakshov A. P. The Dismantling of the Single Union and the Soviet System of the International Relations in August – December 1991. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 158–164 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-158-164>

УДК 930.1(470).084.6

Несостоявшаяся революция С. И. Савельева

Н. Г. Кедров

Кедров Николай Геннадьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Устюжна Вологодской обл., nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу работ С. И. Савельева в контексте эволюции российской историографии коллективизации. Отмечается, что Савельев начинал свой творческий путь как последовательный сторонник идей историографической революции рубежа 1980–1990-х гг. Однако впоследствии им была предложена ревизия этих подходов и оценок. Эволюция взглядов историка рассматривается как пример изменений, произошедших в 1990–2000-е гг. в аграрной историографии.

Ключевые слова: аграрная историография, коллективизация, новая экономическая политика, российская историческая наука, С. И. Савельев.

Sergey Savelyev's Unfulfilled Revolution

N. G. Kedrov

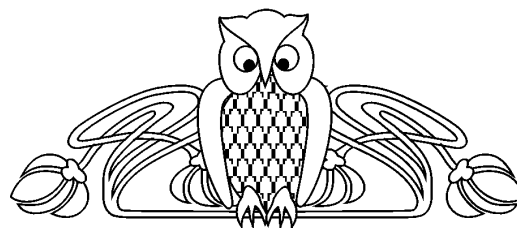
Nickolay G. Kedrov, <https://orcid.org/0000-0002-5047-8112>, 30 Proletarskay St., Ustyzhna, Vologda region 162849, Russia, nk149@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of S. I. Savelyev's works in the context of evolution of Russian historiography of the collectivization. The author notices that Savelyev began his career as the consecutive supporter of ideas of historiographic revolution during 1980-1990s. However, subsequently he offered revision of these approaches and estimates. The author considers the evolution of the views of the historian as an example of changes of events in 1990-2000s in an agrarian historiography.

Keywords: agrarian historiography, collectivization, new economic policy, Russian historical science, S. I. Savelyev.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>

По вполне понятным причинам главную роль в изучении аграрной истории сегодня занимают В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, И. Е. Зеленин. Вместе с тем не менее интересно взглянуть и на творческий путь тех ученых, которые стали основными референтами их идей. К представителям этого поколения исследователей, вне всякого сомнения, относился и Сергей Иванович Савельев. Казалось бы, в его научной биографии нет ничего особенно примечательного. Выпускник Саратовского государственного университета, свою профессиональную деятельность он связал с Саратовским государственным аграрным университетом им. Н. И. Вавилова, где прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой. В 1994 г. Савельев стал кандидатом исторических наук, а в

2005 г. защитил докторскую диссертацию. Главной темой обеих работ была социальная политика советского государства в деревне. Тем не менее за этими скупыми фактами биографии скрывается интересный и яркий ученый.

Школа историков-аграрников сложилась в Саратове еще в советский период. Ее основателем по праву считается В. Б. Островский. Будучи разносторонне эрудированным человеком, он интересовался самыми различными вопросами жизни деревни от выяснения региональных историко-этнографических традиций до дискуссий экономистов о судьбах личного подсобного хозяйства¹. Однако все же главной темой научных работ ученого стало историко-социологическое исследование колхозной деревни на современном ему этапе². Этой теме была посвящена докторская диссертация В. Б. Островского и наиболее известные из его монографий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после смерти ученого в 1990 г. его многочисленные ученики с истории переключились на исследования в области других гуманитарных наук (прежде всего социологии и политологии). Между тем историко-аграрное направление в Саратове сохранилось. Этой тематикой, в частности, активно продолжил заниматься В. М. Долгов, учеником которого и был С. И. Савельев.

Его кандидатская диссертация и монография «Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае» (Саратов, 1994) дают представление о раннем этапе творчества историка. Эти работы однозначно свидетельствуют о том, что Сергей Иванович в полной мере принял теоретические установки исследовательской программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг. Сама коллективизация трактовалась им как гражданская война режима с крестьянством³. При этом в отличие от советской историографии в состав последнего автор включал и кулаков⁴. В этом вопросе Савельев следовал, разумеется, трактовке кулачества как слоя внутри крестьянства, предложенной В. П. Даниловым. Еще один тезис даниловской программы изучения «великого перелома», также нашедший отражение в работах саратовского историка – это представление об альтернативности возможного развития СССР. Савельев тогда утверждал, что вплоть до 1928 г. существовала реальная альтернатива насильственной коллективизации⁵. Сама государственная политика рассматривалась им как исключительно дискриминационная и носящая репрессивный характер в отношении крестьянства. По этой причи-

не она естественно вызывала защитную реакцию со стороны жителей деревни, описанию которой в книге и диссертации также было отведено немало места. Характерной была и сама риторика этих работ. Среди историков того времени шло своеобразное соревнование в использовании наиболее уничтожающих эпитетов для характеристики политики советского государства. Работы Савельева не стали исключением. В них можно прочесть об «открытом терроре» «беззаконии» и даже «геноциде» власти по отношению к крестьянству.

Вместе с тем они демонстрируют иное, нежели в трудах В. П. Данилова и ученых-аграрников его поколения, движение исследовательской мысли. Большинство занимавшихся проблемой коллективизации советских историков неплохо знали социально-экономическое развитие нэповской деревни и в своем анализе предпосылки «великого перелома» отталкивались именно от него. С. И. Савельев таким бэкграундом, разумеется, не обладал. Теоретической основой его собственных концептуальных конструкций стали идеи тоталитарного направления историографии. Не случайно в одной из своих книг он ссылался на широко известные работы Дж. Оруэлла и А. И. Солженицына. Там же содержится и мысль о всесии советской бюрократии, почерпнутая автором, вероятно, из теоретического наследия Л. Д. Троцкого. Данное обстоятельство наложило отпечаток на дальнейшее осмысление Савельевым предмета его исследований. Так, курс на коллективизацию историк объяснял не попытками власть предержащих решить проблемы народнохозяйственного развития, а стремлением режима подчинить своей воле деревню⁶. Причем в «экономических успехах нэпа» и наличии «крепкого зажиточного крестьянства», по словам исследователя, руководство СССР видело прямую угрозу существованию советского государства⁷. Таким образом, в предложенном С. И. Савельевым подходе изначально акцент делался на анализ политической составляющей рассматриваемых им процессов. Кроме того, историк взял на вооружение тезис о дезинтеграции общества как основе тоталитарного господства. В своих работах он постоянно говорил о мерах, предпринимаемых властью с целью «раскола деревни». Поддержка коллективизации со стороны бедняков стала, по мнению Савельева, одной из причин победы режима⁸. Следует заметить, что эти наблюдения в целом не противоречили основным интенциям программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг. Напротив некоторая вариативность в восприятии идей В. П. Данилова и других основоположников исследовательской программы в целом свидетельствует о том, что они соответствовали умонастроениям и ожиданиям, царившим на тот момент в среде российских историков. Для самого С. И. Савельева эти нюансы в трактовках, однако, имели решающее значение. Они открыли перед ним возможность собственного прочтения темы коллективизации.

После защиты диссертации С. И. Савельев активно занялся организационной работой. Немногим ранее при Саратовской сельхозакадемии был создан Межвузовский центр аграрно-гуманитарных исследований. Сергей Иванович стал исполнять при нем обязанности ученого секретаря. Одной из главных задач этого центра была координация усилий региональных исследователей-аграрников. С этой целью в сентябре 1994 г. была проведена всероссийская научная конференция «Аграрные реформы в России: опыт, проблемы, перспективы». Создатели Центра задумались также о подготовке периодического издания, в котором бы были представлены работы по аграрной тематике. Предполагалось, что таковым должен был стать ежегодник «Вопросы крестьяноведения» (Вып. 1. Саратов, 1994; Вып. 2. Саратов, 1996; Вып. 3. Саратов, 1996; Вып. 4. Саратов, 1998). На страницах этих сборников публиковались историки, экономисты, этнографы, специалисты в области сельского хозяйства. Конечно, все эти организационные проекты в определенной мере купировали усилия В. П. Данилова и Т. Шанина по институализации крестьяноведения в России. Тем не менее они, несомненно, стали значимой вехой в научной жизни региона. Во многом благодаря усилиям С. И. Савельева заложенная В. Б. Островским традиция историко-аграрных исследований в Саратове получила продолжение, а организационный центр этого направления в 1990-е гг. переместился в Саратовскую сельскохозяйственную академию⁹.

Одновременно с этой работой Сергей Иванович занимался концептуализацией полученных ранее наблюдений и выводов. Так, первый выпуск «Вопросов крестьяноведения» содержал его статью «Коллективизация и раскулачивание в судьбах российского крестьянства». Этот небольшой, но концептуально насыщенный текст уже вскоре был замечен В. П. Даниловым. Критический упрек в его адрес со стороны мэтра прозвучал во время обсуждения книги Ш. Мерля на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития». Тогда, полемизируя с немецким историком, Данилов высказал следующее замечание: «Мне представляется также несколько чрезмерным вывод о том, что источником кризиса хлебозаготовок зимой 1927/28 г., его непосредственной причиной являлось освобождение от сельхозналога 35 % бедняцких крестьянских хозяйств ... К сожалению, этот взгляд в крайне упрощенной форме начинает повторяться в новейших российских публикациях»¹⁰. Далее следовала ссылка на названную статью Савельева.

Вспомним предположить, что оценка саратовским историком причин хлебозаготовительного кризиса служила лишь поводом для недовольства мэтра. В действительности статья Савельева содержала массу тезисов, совершенно противоречивших даниловской концепции коллективизации начала 1990-х гг. Как известно, одной из важней-

ших интенций творчества В. П. Данилова на тот момент было обличение сталинизма. В соответствии с этим намерением историк подчеркнуто отделял период нэпа от последующего развития СССР. В одной из дискуссий эпохи «перестройки» он декларировал следующее положение: «Процесс кооперирования крестьянских хозяйств, перехода крестьян к социализму через кооперацию – как он намечался ленинским кооперативным планом и как его понимали современники, люди 20-х гг. – находился в непримиримом противоречии с тем, что было сделано в 30-х гг.»¹¹. С. И. Савельев, напротив, утверждал обратное: «Целесообразно весь период 20–30-х годов отнести к периоду единого и непрерывного процесса ликвидации не просто кулачества, а индивидуального крестьянского хозяйства как такового»¹².

Разумеется, В. П. Данилов не видел в нэповской экономической модели панацеи от всех бед советского народнохозяйственного развития, но сам период нэпа представлялся ему временем плодотворных экспериментов, когда перед государством и обществом была открыта реальная возможность построения «социализма с человеческим лицом». С. И. Савельев, напротив, писал о том, что нэп изначально «шел вразрез с самой сутью большевистской революции». По мнению историка, он воспринимался партийными «верхами» и «низами» как отступление от заданного курса на построение коммунистического общества. Исходя из анализа советской фискальной, кредитной и технической политики в отношении деревни ученый пришел к заключению о том, что «всей системой социально-экономических мероприятий государства широкий спектр альтернатив возможного аграрного развития искусственно сводился к одному горизонту – сплошной коллективизации»¹³. Эти наблюдения саратовского историка были прямо противоположны выводу В. П. Данилова о том, что «крутой поворот в аграрной политике был абсолютно неожиданным для всей системы политического и хозяйственного руководства сверху донизу»¹⁴.

Попытка С. И. Савельева определить свою исследовательскую нишу заметна и в его докладе «Власть и крестьянство в 20–30-е гг. (историко-политический подход)», представленном на конференции «Аграрные реформы в России: опыт, проблемы, перспективы». В нем особый акцент был сделан на рассмотрении различных способов осуществления властью политики, направленной на «раскол крестьянства», которую автор назвал «важнейшим вектором аграрного курса» советского государства. Историк выделил несколько направлений в его реализации. В экономической сфере он выражался в покровительстве бедноте и прогрессивном налогообложении, в политической – в лишении кулачества избирательных прав, а в социокультурной был связан с пропагандой культурного равенства. В результате, по мнению исследователя, власти удалось добиться «нужных сдвигов

в общественно-психологических настроениях большинства крестьянства»¹⁵. Само по себе такое объяснение существовавших в крестьянской среде антагонизмов было характерно для сложившейся к тому времени историографической парадигмы коллективизации. Однако здесь важно подчеркнуть, что избранный Савельевым вектор был направлен на высвечивание, а не ретуширование социальных противоречий в нэповской деревне.

Сказанное убеждает, что уже в середине 1990-х гг. у Сергея Ивановича возникло понимание недостаточности сложившегося в научной литературе того времени механизма объяснения процессов, происходивших в деревне. Дальнейший творческий путь историка по большому счету развивал сформировавшиеся тогда же оценки и концептуальные подходы. Во второй половине 1990 – первой половине 2000-х гг. С. И. Савельев подготовил ряд статей по частным аспектам темы, но наиболее полно последующая редакция его взглядов на коллективизацию была представлена им в книге «Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья)» (Саратов, 2004) и докторской диссертации. Очевидно, что данные работы рассматривались автором как своего рода ревизия уже сложившихся к этому времени в историографии оценок. Характеризуя постсоветскую литературу по истории коллективизации, Савельев отмечал наличие в ней двух подходов. В рамках первого основной акцент делался на критике советской аграрной политики. Согласно второму процессы, происходившие в деревне, рассматривались в контексте социальной эволюции. Этой модели отдавал предпочтение и сам Савельев¹⁶. Историк критиковал мнение Н. А. Ивницкого, согласно которому коллективизация и раскулачивание не были обусловлены какими-либо процессами в социально-экономической и социально-политической жизни общества. По мысли Савельева, предпосылкой коллективизации служил тот факт, что «дальнейшее успешное развитие страны на основе нэпа» представляло угрозу для существовавшего режима¹⁷. Но ведь, казалось бы, то же самое и имел в виду Ивницкий, утверждая, что политика шла вразрез экономической целесообразности. В чем же здесь отличие? И есть ли оно вообще? На самом деле речь шла опять же о разнице в построении историками иерархии детерминант аграрной политики советского государства. Ивницкий, обращаясь к вопросу о предпосылках «революции сверху», в соответствии со сложившейся еще в советские времена традицией исходил из анализа конъюнктурных проблем экономического развития СССР, тогда как Савельев полагал, что советская партийная элита была ориентирована не столько на решение конкретных задач, сколько на реализацию умозрительных представлений о строительстве социализма. Мысль о доктринальном факторе как предпосылке коллективизации стала важ-

нейшей составляющей собственной концепции историка. Подробному разбору этого аспекта была посвящена первая глава докторской диссертации Савельева. В ней автор рассмотрел суть марксистской доктрины в отношении крестьянства. С. И. Савельев указывал на то, что еще К. Маркс и Ф. Энгельс связывали социальную природу крестьянства с институтом частной собственности. В силу этого они, по мнению историка, не видели места крестьянства в грядущем коммунистическом обществе. В. И. Ленин, попытавшийся применить эти догматы на практике, вынужден был считаться с конкретными условиями политической обстановки. Его попытка сходу построить социализм привела к экономическому кризису начала 1920-х гг., упадку крестьянского хозяйства и колоссальным демографическим потерям. В связи с этим, продолжая заочную полемику с В. П. Даниловым, С. И. Савельев пересматривал основные вехи советского аграрного курса начала 1920-х гг. Так, Данилов введению нэпа и ленинской статье «О кооперации» (1923 г.) придавал значение нового стратегического курса партии – «пути к социализму через кооперацию»¹⁸, тогда как Савельев видел в них лишь тактические маневры, обусловленные ситуацией экономического и социального кризиса¹⁹. Сталина Савельев также представлял ортодоксальным марксистом. Он, по мнению историка, оценив результаты нэпа как преодоление кризиса и «овладение ситуацией в деревне», вернулся к заложенной в марксистской доктрине программе построения нового общества. «Очевидно, что сталинизм воплощал в себе гипертрофированные, экстремальные черты означенных сторон большевизма»²⁰, – утверждал ученый. Однако следует признать, что мысль о коллективизации как обусловленной идеологией марксизма-ленинизма политике, направленной на адресное уничтожение крестьянства, автором эмпирически не была подтверждена, это положение красной нитью проходило сквозь все содержание книги Савельева²¹.

Нацеленная на раскрестьянивание политическая линия нашла выражение в практических мероприятиях власти. «Социально-экономическая политика выстраивалась как инструмент соответствующих направленных социальных изменений»²², – писал Савельев. Этот курс выражался в экономическом и правовом ограничении кулачества, государственной поддержке коллективных форм хозяйствования, протекционизме по отношению к бедноте и плановом воздействии на крестьянское хозяйство. В связи с этим историк обратился к перестроечной дискуссии о месте XV съезда ВКП (б) в формировании курса на коллективизацию. Напомним, что тогда сформировались две основные исследовательские позиции. В. М. Селунская²³ и И. И. Климин²⁴ видели в решениях съезда своего рода веху эволюции между ленинскими подходами и последующими событиями в деревне. В то же время Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов²⁵,

В. П. Данилов²⁶ настаивали на вопиющем разрыве между подходами к решению аграрного вопроса, обозначенными съездом, и сталинским курсом на коллективизацию. Хотя формально С. И. Савельев декларировал примирительную позицию (дескать «справедливы обе оценки»), его собственная логика рассмотрения темы была все же ближе к первой из указанных версий ответа на этот вопрос. По его мнению, съезд подтвердил уже осуществляемую на практике политическую линию, направленную на «переход мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» и «дальнейшее наступление на кулачество». Согласно точке зрения саратовского исследователя события 1929–1930 гг. полужили толчком к развитию двух «изначально заданных сторон одного общего вектора большевистского аграрного курса», а правящий режим еще задолго до этого «подготовил теоретическую базу, явившуюся основой политического переворота»²⁷.

Еще одна идея, прозвучавшая в теоретическом разделе докторской диссертации С. И. Савельева, заключалась в том, что чрезвычайная ситуация, в которой формировалась советская политическая система, наложила свой отпечаток на управленческие практики и карьерные стратегии служащих аппарата власти. «Строжайшая государственная дисциплина, неукоснительное выполнение решений, указаний вышестоящих органов, усиление единоличной ответственности должностных лиц» – вот, по мнению историка, те специфические черты, которые определяли функционирование партийно-советских административных институтов. Принуждение стало для советских управленцев легитимным инструментом решения проблем²⁸. Эта поведенческая матрица, как считал исследователь, накладывалась на все уровни партийно-советской системы. В связи с этим историк несколько иначе, чем в мейнстримной версии парадигмы, решал вопрос об ответственности за насилие «революции сверху». Как известно, В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, И. Е. Зеленин в 1990-е гг. практически единогласно называли главными виновниками постигших крестьянство бедствий партийную верхушку. Не оспаривая это мнение, С. И. Савельев все же иначе расставил акценты. Весьма показательна в этом отношении трактовка деятельности Б. П. Шеболдаева на посту секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП (б). Здесь Сергей Иванович скрыто оспаривал образ этого исторического деятеля, созданный Е. Н. Осколковым²⁹.

Может показаться, что такие параллели невозможны, поскольку в работах Осколкова и Савельева описывалась деятельность Шеболдаева на различных должностях и в разных исторических условиях. Однако ранее С. И. Савельев в соавторстве с В. М. Долговым опубликовал рецензию на книгу Осколкова, в которой неверная трактовка деятельности Шеболдаева значилась в качестве одного из замечаний³⁰. В своей книге Савельев дал уже более подробную характеристику роли кра-

евого лидера в процессе коллективизации. Если в книге Осколкова Шеболдаев был представлен чуть ли не радетеlem крестьянства, изо всех сил сопротивлявшимся осуществлению предписаний сталинского руководства, то у Савельева он назван едва ли не главным застрельщиком форсирования темпов коллективизации в Нижне-Волжском крае. Согласно данным историка именно он выступил на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. с инициативой создания особой комиссии при Политбюро по проведению сплошной коллективизации и предложил сделать Нижне-Волжский край образцово-показательным районом (своего рода полигоном этого процесса). Он же в письмах региональным партийным организациям фактически санкционировал наступление на кулака и всячески подгонял темпы раскулачивания³¹. Савельев отмечал два мотива этих инициатив краевого руководителя: 1) рост кадровых перспектив; 2) привлечение в край дополнительных ресурсов. Разумеется, Шеболдаев был отнюдь не единственным поборником форсирования темпов коллективизации как в стране, так и в крае. С. И. Савельев указывал на широкое распространение подобного рода настроений в среде партаппарата.

Совокупность всех вышеперечисленных С. И. Савельевым факторов фактически не оставляла место какой-либо вариативности общественного развития. В этом аспекте историк отчасти был вынужден пересмотреть свои прежние взгляды. В докторской диссертации он писал: «Политический выбор в альтернативной ситуации ... во многом определяется доктриной». Но и Л. Д. Троцкий, и Н. И. Бухарин (и «левые», и «правые») были, по его мнению, ортодоксальными марксистами и соответственно разделяли установки учения, связанные с неприятием частной собственности и «мелкобуржуазной стихии». Их расхождения, по словам Савельева, касались лишь тактики, тогда как главная цель – осуществление социалистических преобразований общества – была у них общей³². Что касается поиска альтернатив в непосредственно экономической жизни общества, один из выводов диссертации С. И. Савельева гласил: «Классово-дифференцированный подход в социально-экономической сфере лишил крестьянские хозяйства естественных основ для подъема производительных сил и каких-либо альтернатив, кроме перехода к тотальному огосударствлению индивидуальных крестьянских хозяйств»³³.

Новую трактовку в книге и диссертации Савельева получила и тема крестьянской реакции на государственное воздействие. Говоря об этом, прежде всего, следует отметить, что саму социальную политику автор теперь рассматривал как широкий комплекс мер, не сводимый исключительно к дискриминации и репрессиям крестьянства. Большевицкий проект переустройства деревни предполагал не только борьбу с кулачеством, но и мероприятия, нацеленные на рост стандартов повседневной жизни селян, их

культурное просвещение и в целом, по мнению историка, соответствовал социальному идеалу своего времени³⁴. В связи с этим Савельев подробно описывал советские кампании по борьбе с неграмотностью, распространению научных знаний и антирелигиозной пропаганде, расширению сети школ и изб-читален, улучшению медицинского обслуживания населения. Далеко не все из этих мер встречали отторжение крестьянского социума. Рассмотренные исследователем материалы демонстрировали скорее дифференцированный характер этой реакции³⁵.

Говоря непосредственно о событиях коллективизации и раскулачивания, Сергей Иванович признавал, что они вызвали сопротивление большей части крестьянства. Однако крестьянский протест в изложении Савельева был отнюдь не моветоном крестьянской реакции. Исследователь писал о том, что «многие будучи по существу против мероприятий власти, молчаливо соглашались из-за опасения быть репрессированными», а представители локального уровня аппарата власти и батрацко-бедняцкий актив явились «проводниками заданного курса и нередко проявляли местную инициативу»³⁶. По красочности описания примеры последней в книге Савельева явно не уступали изложению историком различных форм крестьянского протеста.

Таким образом, из приведенного анализа становится ясно, что негативную реакцию крестьянского социума вызывала не столько социальная политика советского государства как таковая, сколько отдельные эксцессы, те или иные кампании, направленные на разрушение основ крестьянского быта и мировоззрения. Все это позволило С. И. Савельеву сделать вывод о том, что социальная политика и была главным фактором, позволившем большевистскому режиму поддерживать свою устойчивость. В диссертации историк писал: «В советский период удалось реализовать ряд крупных социальных программ, достичь относительно высокого уровня развития социокультурной сферы и установить гарантии социального обеспечения. Все это позволило советскому режиму сохранить реальную политическую легитимность»³⁷. Конечно же, далее исследователь говорил о неразрешимых противоречиях системы, но само по себе осмысление им природы советского политического режима коренным образом отличалось от того, которое немногим ранее дал В. П. Данилов, утверждавший, что в основе сталинского правления лежали демагогия и насилие³⁸.

Еще в 2000 г. С. И. Савельев стал заведующим кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета. Эта работа требовала от него немало организационных усилий, но будучи деятельным человеком и настоящим лидером своего коллектива, он хорошо с ней справлялся³⁹. Активное участие историк принимал в написании и редактировании

учебных пособий по истории, политологии, истории аграрных отношений, истории Саратовского края. Плодотворно Савельев продолжал заниматься и исследовательской работой. Уже после защиты докторской диссертации он совместно с Н. И. Кузнецовым и В. И. Федосеевой написал интересную, но совершенно апологетическую книгу о Н. И. Вавилове⁴⁰. В мае 2010 г., буквально только отпраздновав свое 50-летие, С. И. Савельев неожиданно для всех ушел из жизни, вероятно, так до конца и не реализовав свой исследовательский потенциал.

Творческий путь С. И. Савельева высвечивает две черты развития аграрной историографии. Во-первых, он представил некоторую вариативность в формировании постсоветской парадигмы коллективизации в отечественной исторической науке, не пошел по пути, проложенному В. П. Даниловым, хотя хорошо знал и ценил работы последнего. Он, как подобает настоящему ученому, сам выстраивал свой маршрут, порою интуитивно, не без ошибок и заблуждений вырабатывал свое видение ключевых проблем истории российской деревни в XX столетии. К этому следует добавить, что многие из его трактовок и решений важных вопросов, если и не стали общепризнанными, то вполне прижились в аграрной историографии и нередко встречаются в современных работах. Во-вторых, научная биография Савельева свидетельствует о том, что уже к началу 2000-х гг. у части российских историков-аграрников возникло понимание необходимости ревизии подходов и оценок сложившейся к тому времени парадигмы изучения коллективизации. Однако революцией эта попытка так и не стала. Ревизионистские интенции, направленные на пересмотр парадигмы в творчестве С. И. Савельева, парадоксальным образом сливались с ее отдельными положениями. В конечном итоге Сергею Ивановичу удалось преодолеть нигилистический рефрен и догматику перестроечных споров о коллективизации с их неизменным поиском некоего утопического нереализованного варианта построения социализма. Но дальше этого мысль ученого, увы, не пошла. Как и основоположники научной программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг., в своих трудах историк ставил задачу поиска позитивных и негативных сторон этого исторического события. Его собственная трактовка «великого перелома» по сути дела не оставляла места социальным процессам ибо все основные исходные последних, по мнению историка, были детерминированы доктриной большевистской партии, а не эволюцией самого социума. Впрочем, кто знает, что бы еще смог предложить ученый, отведи ему судьба чуть больше времени.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Примечания

- 1 См. об этом: Долгов В. М. Выдающийся ученый-аграрник (к 70-летию В. Б. Островского). 1924–1990 // Вопросы крестьяноведения : в 4 вып. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 79–84.
- 2 См.: Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.
- 3 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 13.
- 4 См.: Савельев С. И. Социально-классовая политика ВКП (б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С. 14.
- 5 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. С. 139.
- 6 См.: Савельев С. И. Социально-классовая политика ВКП (б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья). С. 3.
- 7 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. С. 72, 139.
- 8 Там же. С. 129.
- 9 См.: Долгов В. М. Полвека саратовской школе историков-аграрников // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Саратов, 2010. С. 10.
- 10 Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / ред., сост. В. Бабашкин. М., 2015. С. 367.
- 11 Коллективизация : истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 10.
- 12 Савельев С. И. Коллективизация и раскулачивание в судьбах российского крестьянства // Вопросы крестьяноведения. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 52.
- 13 Там же. С. 55.
- 14 Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 828.
- 15 Савельев С. И. Власть и крестьянство в 20–30-е гг. (историко-политический подход) // Аграрные реформы в России : опыт, проблемы, перспективы. Саратов, 1994. С. 26.
- 16 См.: Савельев С. И. Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 2004. С. 15–16.
- 17 Там же. С. 19.
- 18 См.: Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1. С. 816.
- 19 См.: Савельев С. И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. начало 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. С. 77–80.
- 20 Там же. С. 80.
- 21 См.: Савельев С. И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. начало 1930-х гг. (на ма-

- териалах Нижнего Поволжья). С. 65–67, 138, 140–141, 181–183, 245.
- ²² Там же. С. 67.
- ²³ См.: *Селунская В. М.* Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства СССР // Вопросы истории КПСС. 1987. № 9. С. 32–53.
- ²⁴ См.: *Климин И. И.* XV съезд ВКП(б) : проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 56–67.
- ²⁵ См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 15–33.
- ²⁶ См.: *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. С. 821–833.
- ²⁷ См.: *Савельев С. И.* Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). С. 142–145.
- ²⁸ Там же. С. 85–87.
- ²⁹ См.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991.
- ³⁰ См.: *Долгов В. М., Савельев С. И.* Научный взгляд на судьбы крестьянства начала тридцатых годов // Вопросы крестьяноведения. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 135.
- ³¹ См.: *Савельев С. И.* Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). С. 159, 171, 215.
- ³² Там же. С. 70, 86–87.
- ³³ Там же. С. 27.
- ³⁴ Там же. С. 31.
- ³⁵ Там же. С. 126–127.
- ³⁶ Там же. С. 209.
- ³⁷ Там же. С. 92.
- ³⁸ См.: *Данилов В. П.* Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции : смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 162.
- ³⁹ См.: *Романченко В. Я.* По профессии историк он сам стал частью истории нашего вуза // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Саратов, 2010. С. 3.
- ⁴⁰ См.: *Кузнецов Н. И., Федосеева В. И., Савельев С. И.* Николай Иванович Вавилов : феномен ученого, человека, гуманиста. К 120-летию со дня рождения. Саратов, 2007.

Образец для цитирования:

Кедров Н. Г. Несостоявшаяся революция С. И. Савельева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 165–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>

Cite this article as:

Kedrov N. G. Sergey Savelyev's Unfulfilled Revolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 165–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(495)

Новая картина мира: «Византийское искажение» в «Христианской топографии» Космы Индикоплова

И. В. Зайцева

Зайцева Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, zajcevil@mail.ru

В статье анализируются космографические представления Космы Индикоплова, нашедшие отражение в его труде «Христианская топография». В контексте рассмотрения новой картины мира Космы Индикоплова дан обзор его взглядов на строение Вселенной и на проблемы устройства флоры и фауны тех стран, которые он посещал до принятия монашеского сана. Научный анализ, предпринятый в данной статье, выстроен на основе дошедшего до наших дней перевода рукописей «Христианская топография», а также с опорой на труды российских и зарубежных исследователей по заявленной проблематике.

Ключевые слова: Косма Индикоплов, «Христианская топография», Александрия, Патрикий (Мар-Аба), Феодор Мопсуестийский.

A New View of the World: «Byzantine Distortion» in «the Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes

I. V. Zaytseva

Irina V. Zaytseva, <https://orcid.org/0000-0001-5374-0510>, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I. D. Putilin, 71 Gorky St., Belgorod 308071, Russia, zajcevil@mail.ru

The article gives a detailed analysis of cosmological visions of Cosmas Indicopleustes, as reflected in his work «The Christian topography». In the context of the analysis of a new view of the world of Cosmas Indicopleustes the article reviews his visions about the shape of the Universe and the nature of flora and fauna of the countries that he had visited before he became a priest. The academic analysis of this article is based on the interpretation of «The Christian topography» that was carried over and also on the works of national and international researchers of the issue.

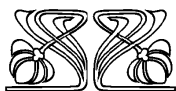
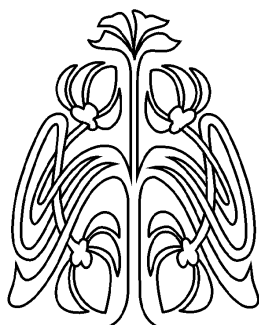
Keywords: Cosmas Indicopleustes, «The Christian topography», Alexandria, Patrikius (Mar Abba The Great), Theodore The Interpreter.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-172-177>

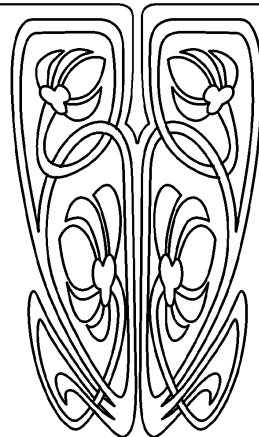
Козьма (Косьма) Индикоплов (Κόσμος Ἰνδικοπλεύστης, то есть Косьма, плававший в Индию) родился в Александрии Египетской на рубеже V–VI вв. О его жизни современному исследователю известно крайне мало, что во многом актуализирует необходимость обращения к анализу его личности и особенностей интеллектуальной традиции, положившей начало формированию новой картины мира византийского человека.

Отечественная историография практически не обращалась к исследованию личности Космы Индикоплова. Раздел о нем представлен в работе З. В. Удальцовой «Культура Византии»¹, а также в трудах Н. В. Пигулевской² и Е. К. Пиотровской³. В 2015 г. в Белгороде вышло отдельное издание, специально посвященное главному произведению Космы Индикоплова «Христианская топография» (далее – «Топография»), ответственным редактором которого стал доктор исторических наук, профессор Н. Н. Болгов⁴.

© Зайцева И. В., 2019

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Несколько шире рассматриваются взгляды византийского автора в зарубежной литературе. Так, отдельные переводы «Христианской топографии» были сделаны Дж. У. Мак Криндлом⁵, В. Вольском⁶. Последние работы зарубежных авторов посвящены анализу процесса формирования христианской картины мира Косьмой Индикопловым, а также его взглядов на устройство Вселенной⁷.

Обращаясь к личности Косьмы Индикоплова, следует отметить, что по некоторым сведениям, он являлся купцом, посетившим во время своих путешествий Аравию, Восточную Африку, Цейлон (Ланку)⁸.

Предположительно в середине 520-х гг. Косьма Индикоплов принимает крещение, а в конце 540-х гг. – постриг в одном из синайских монастырей⁹. Вероятно, широкого гуманитарного образования Косьма не имел, поскольку сам он в своем труде указывает, что не обладает техникой риторической речи и не может «цветисто и изящно говорить»¹⁰. Систему своих взглядов он изложил в труде «Христианская топография» (Χριστιανική Τοπογραφία)¹¹, который был написан ориентировочно между 545 и 547 гг.¹² Это произведение стало одним из самых популярных в Византии и Древней Руси¹³. Следует отметить, что Косьме Индикоплову авторство работы стали приписывать лишь с XI в., поскольку в самом тексте рукописи не было прямого указания на то, кто написал книгу¹⁴.

Н. В. Пигулевская обращает внимание на то, что, поскольку лишь один из трех сохранившихся вариантов рукописи «Христианской топографии» во флорентийской библиотеке Лауренциана содержит упоминание об авторстве работы Косьмы Индикоплова, некоторые исследователи высказывали предположение, что имя «Косьма» (κόσμος) является прозвищем, которое дано было автору из-за того, что основным предметом его работы стал космос (космография мира). Н. В. Пигулевская отмечает, что в таком случае имя автора было бы *Cosmicus*¹⁵. Исходя из этого, традиционно авторство «Христианской топографии» приписывают Косьме Индикоплову.

Относительно места и времени создания данной работы стоит сказать, что в начале XVIII в. выдающийся знаток византийской истории Бернар де Монфон, который подготовил первое издание «Христианской топографии», выдвинул гипотезу о том, что работа была написана Косьмой в Египте. Эта версия не вызвала возражений у исследователей¹⁶ вплоть до конца XIX в., пока в 1883 г. Х. Гельцер не высказал идею, согласно которой в последние годы своей жизни Косьма жил в монастыре Райфы на Синайском полуострове¹⁷, где и были написаны его произведения, в том числе и «Христианская топография». В последующем эта теория была поддержана К. Крумбахом и Й. Стржиговским¹⁸.

Сохранившиеся тексты рукописей указывают на необычную структуру работы. Она включала в

себя 12 книг¹⁹: Ватиканская рукопись – 10, Синайская и Лавретианская – 12. Труд неоднороден по своему составу. Объяснение этому обстоятельству, вероятно, следует искать в том, что первоначально «Христианская топография» состояла из пяти книг, в которых излагалась точка зрения автора на устройство Вселенной, а шестая–восьмая книги были написаны им для того, чтобы уточнить и прокомментировать неясные положения первых пяти. Девятая книга посвящена описанию острова Цейлон, а двенадцатая является переписанным изданием другой утерянной книги Косьмы Индикоплова, в которой он отразил свидетельства языческих писателей о древности и ценности Библии. Кроме трех указанных рукописей, существуют и другие, которые по сути представляют собой либо копии основных, либо содержат незначительные фрагменты, отсутствующие в главных рукописях²⁰.

В какой плоскости лежали истоки интеллектуализма Косьмы Индикоплова, сказать сложно. Одни исследователи относили его к сирийской школе экзегетов и связанной с ним антиохийской традиции. Другие называли его продолжателем александрийской интеллектуальной традиции, имея в виду его склонность к употреблению аллегорического толкования, широко распространенного в Александрийской богословской школе, в части, касающейся проводимой им аналогии Вселенной с библейской скинией.

Г. С. Баранкова и В. В. Мильков в своей работе «Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского» указывают на то, что Косьма Индикоплов «вырос» из антифилософской антиохийской традиции, поскольку в своём труде он воспроизводил антиохийскую систему мироздания²¹. Кроме того, авторы замечают, что изначально он занял крайне непримиримую позицию по отношению к наследию античности, исключая любую возможность компромисса с античной философией, что также указывает на его склонность к «антиохийскому восприятию мира»²².

Тяготение Косьмы к несторианам отмечает и Н. Н. Болгов²³, который считает, что на взгляды Косьмы оказали значительное влияние Феодор Мопсуэстийский и Патрикий (Мар-Аба), основы учения которых о двуединой природе Христа вошли в отдельные фрагменты его «Христианской топографии» (имеется в виду: *Cosmas Ind.*, *Top. Chr.*, II, 2, 35; III, 16, 51–55; V, 20, 22, 27, 33, 112; VII, 11, 71, 82, 86)²⁴.

По нашему мнению, симпатии Косьмы к учению несториан несомненны. Особенно ярко они проявляются в его экзегетических произведениях, в частности, в толковании псалмов, в которых он отвергает символическое объяснение и ищет буквальный смысл, что роднит его с антиохийской интеллектуальной традицией.

Обращаясь к анализу текста «Христианской топографии», следует сказать, что основной целью своей работы автор видел формирование нового

христианского устройства Вселенной, которое бы противопоставлялось античной классической космологии. Сам Косьма в предисловии к «Топографии» писал: «... На основании приложенной схемы и системы мироздания и самой природы вещей доказывается истинность Священного Писания и христианского вероучения» (Cosmas Ind., Top. Chr. Prologue, 1). Следовательно, автор в своем целеполагании исходил не из противопоставления христианской и античной космологий, а, скорее, из необходимости подтверждения истинности Священного Писания конкретными примерами из окружающего мира.

Определяя космографию Косьмы Индикоплова, следует согласиться с мнением В. В. Милькова и С. М. Полянского, которые называют его концепцию мироустройства «плоскостно-комарной» и отмечают, что в своем трактате он придерживался принципа полярной онтологии²⁵.

Пытаясь отмежеваться от античной птолемеевской системы сферической формы земли, которая была распространена в античности, Косьма представляет новую Вселенную в виде продолговатого сводчатого строения, стоящего на плоской поверхности и разделенного небом на две части, располагавшиеся друг над другом²⁶. Нижняя часть, по его мнению, представляла собой сферу человеческой жизни (природная сфера), несовершенную и имевшую природу смертности, а верхняя – совершенную бессмертную природу (так называемую ноуменальную ангельскую сферу)²⁷.

Две сферы разделялись между собой твердью, которая, по мнению Косьмы, являлась верхней границей материального мира. Выше мира материального «располагалось ноуменальное надприродное пространство, или первое небо, сотворенное вместе с землей»²⁸. Выше «первого неба» находилось сверхпространство, в котором существует Бог. Твердь же, напротив, имеет материальную природу, ввиду чего она доступна для визуального восприятия. Автор полагал, что на поверхности тверди находятся водные ресурсы, которые не позволяют ей расплавиться от жара небесных тел, зеркально отражая световые лучи.

С точки зрения автора «Топографии», небо и твердь соприкасаются друг с другом и вместе опираются на края земли, которые также имеют сакральное значение. Часть суши, которая была обитаемой, располагалась в центре океана, окруженного другой сушей. Океан имел четыре залива, которые Косьма называл морями (Cosmas Ind., Top. Chr., II, 29). Реки, по его мнению, начинались в раю, впадали в океан и через него протекали в другую часть суши. Пространство, которое населялось людьми, по представлению мыслителя, имело прямоугольную форму, а его длина в 2 раза превышала ширину.

Особое внимание в «Топографии» уделялось системе рая, располагавшегося в восточной части суши. Земной рай представлялся ему таким же

недостижимым, как небесная комара для простых смертных²⁹. Косьма полагал, что представление о рае как о невещественной субстанции, распространённое в христианстве, может привести к отрицанию существования Адама и Евы и, как следствие, повлечь за собой сомнения в обоснованности положений Священного Писания. Реальность земного рая подтверждается Косьмой словами Дионисия Александрийского (руководителя Александрийской церкви и школы), который говорил, что нельзя место существования прародителей людей указывать на небе. Таким образом, автор «Топографии» использует принцип удвоения бытия. Во-первых, он противопоставляет мир несовершенный физический и мир совершенный природный, в котором пребывает Бог, а во-вторых, противопоставляет друг другу два рая.

А. В. Григорьев полагает, что, несмотря на явное отрицание элементов космогонии Античного мира, Косьма Индикоплов все же берет отдельные представления эллинов и вносит их в свое учение о четырех стихиях³⁰, а также использует античные космологические архетипы о прямоугольном земном пространстве, идее мирового океана и горы в северной части суши³¹.

Н. Н. Болгов отмечает, что подобная картина мира, описанная Косьмой, опиралась на древнееврейскую традицию изображения мира в виде четырехугольного ковчега и на учение александрийских учителей Климента и Оригена³².

Определенный интерес к «Топографии» Косьмы возникает у исследователя в связи с тем, что этот труд по сути представляет собой, с одной стороны, «красивую сказку», с другой – перемежается фрагментами реальных описаний увиденного автором мира. В отличие от Птолемеевской картины мира, карт Кастория (Певтингерова карта) и «Подорожных» Косьма Индикоплов рассматривает границы земли гораздо шире³³: «философы-индусы, называемые брахманами, говорят, что если протянуть веревку из Тсинисты³⁴, пройдя через Персиду до Романии, то по правилам это есть середина мира, и они, пожалуй, правы» (Cosmas Ind., Top. Chr., X, 12). Грузинский текст «Подорожных», который, вероятно, использовал Косьма Индикоплов для подтверждения собственных расчетов расстояния Земли, указывает размер Земли посередине, равный 1425 переходам³⁵, что соответствует расчетам автора «Топографии». При этом, как замечает Н. Н. Болгов, в отличие от «Подорожных», которые в центр внимания ставили Индию, Косьма расширяет границы своего познания относительно земли до Тсинисты (Синостана) и дальше на Восток, где находится океан³⁶: «Между Тсинистой и Персией находятся Унния, Индия и Бактрия, расстояние это покрывается 150 перегонами. Вся Персия составляет 80 перегонов. От Нисибина, пограничного пункта между Византией и Ираном, до Селевкии в приморской Сирии – 13 мансио. Из Селевкии в Рим, Галлию и Иверию, ныне называемую Испанией, до Гадейра,

вдающегося в океан, перегонов 150 или более, что и составляет всего около 400 перегонов» (Cosmas Ind., Top. Chr., X, 12). Таким образом, Косьма прямо указывает на путь из Китая до Средиземного моря и дальше по нему до Гадейры. Также «Топография» ссылается на западные города Насибин и Селевкию, что, по мнению Н. Н. Болгова, говорит о том, что Косьма описывал реальные посещаемые им места³⁷. «Поперечное» описание земли Козьмой выглядит следующим образом: Константинополь – Александрия – катаракты – Аксум – граница Эфиопии (Ладоносная земля)³⁸.

«Христианская топография», помимо космогонического описания Вселенной, содержит многочисленные описания флоры и фауны посещаемых им мест. При этом следует заметить, что эти описания включены в общий контекст рассматриваемой Косьмой торговых путей, через призму которых он, по всей видимости, определял строение земного шара.

Особое внимание автор «Топографии» уделил описанию Эфиопии, которую он посетил в 522 или 525 гг.³⁹ Александрийский торговец отмечал, что «...зима там тогда, когда у нас лето, начиная с египетского месяца Эпифи (июля) и до конца Тота (сентября). Весьма сильные ливни длятся в течение трех месяцев, так что образуют множество рек, которые впадают в Нил» (Cosmas Ind., Top. Chr., XII, 12). Косьма указывал на тот факт, что эфиопы торговали слонами и зубами гиппопотамов. Особенно ценилась слоновая кость, которая поставлялась «в Индию, Персию, Химьяр и Романию» (Cosmas Ind., Top. Chr., II, 49-65, 78-79; XI, 7). Эфиопы не приручали слонов, как это было в Индии, а занимались исключительно охотой на них⁴⁰. Особое внимание он уделял эфиопским носорогам, которых, по его замечанию, местные жители называют «аруэ хариси (произнося вторую альфу с придыханием и добавляя к ней риси). Слово «аруэ» в этом названии означает «животное, зверь», а слово «хариси», «пашущий», из-за внешнего вида того, что расположено вокруг его ноздрей, а также соответственно и вида его кожи» (Cosmas Ind., Top. Chr., XI, 318, 14-21). В фауне Эфиопии, по его словам, он наблюдал и оленебыка, который также водится в Индии (Cosmas Ind., Top. Chr., XI, 318, 22-28), камелопарда (верблюдо-барса) и гиппопотамов: «...Камелопарды встречаются только в Эфиопии. Они тоже неприрученные и дикие твари. Во дворце одна или две из них, пойманные молодыми по царскому приказу, выдрессированы, чтобы увеселять царя представлениями... Гиппопотамов же самого я не видел, зато у меня были его зубы такие большие, что весили тринадцать литр. Я их здесь продал. И я видел много таких же и в Эфиопии, и в Египте...» (Cosmas Ind., Top. Chr., XI, 319, 1-10; 320, 15-18).

Очевидно, Косьма доходил и до мыса Гвардафуй, который являлся концом Барбарии. Этот мыс указан как Ароматный, поскольку отсюда

вывозилось большое количество пряностей, среди которых присутствовали ладан, кассия (корица – кора дерева *Cinnamomum iners*) и тростник (имеется в виду именно сахарный тростник)⁴¹. Также он упоминает, что из Бабарабии вывозились эбеновое дерево и обезьяны.

Относительно посещения Косьмой Индии следует сказать, что многие исследователи подвергают его сомнению. Однако с некоторой долей вероятности можно утверждать, что ему были знакомы эти места, поскольку в «Топографии» он пишет: «Одно я узнал по опыту, растолковал и написал, другое узнал точно, будучи вблизи тех мест»⁴².

Для начала VI в. сведения об Индии представляли огромную ценность, поскольку в предшествующие периоды об этой стране писали лишь Плиний Старший и Птолемей в своей «Географии», однако, эта информация была изложена кратко. Началом Индии Косьма называет Синд, откуда вывозились мускус, касторка, валериана, сезамовое масло (кунжут, *Sesamum Indicum*). В Малабаре, который находился южнее Мумбаи, в большом количестве рос перец, за что этот регион прозвали «землей перца». Косьма даже изобразил дерево перца на миниатюре в своей работе. Он описывает индийских слонов, лошадей и даже указывает на любовь местных жителей к слоновьим боям. Рукописи «Топографии» содержат изображения буйволов, о которых Косьма пишет: «В Индии они ручные, и на них в двойных седельных мешках перевозят перец и другие товары»⁴³.

Описывая Цейлон (называемый в «Топографии» Тапрована), он указывает, что в середине VI в. остров был центром торговли между Восточной Африкой и Китаем (Cosmas Ind., Top. Chr., XI, 13). На его территории добывался драгоценный камень иакинф, активно велась торговля. Косьма сообщает, что остров находился под контролем двух царей. Один из них контролировал горную часть, где добывался ианкиф, а второй – равнинную часть, на которой проходила активная торговая жизнь. Кроме государственной структуры, Косьма описывал и фауну Цейлона, наиболее ярко и художественно изображая риноцера (возможно, носорог), указывая, что его кожа настолько толста, что в сушеном виде она используется для изготовления плугов вместо железа (Cosmas Ind., Top. Chr., XI, 1-6).

При описании Китая Косьма отметил два основных пути (по суше и по морю)⁴⁴, которые ведут в страну, хотя ранее был известен только сухопутный. Н. Н. Болгов отмечает, что «еще одной заслугой Косьмы было то, что он указал на два европейских названия для китайцев: одно – для представителей северного, а другое – для представителей южного Китая»⁴⁵. Косьма уверял, что восточнее Тсинисты нет других областей. Описания флоры и фауны Китая мы практически не встречаем. В «Топографии» отмечается лишь, что Тсиниста был центром вывоза шелка-сырца

(метаксы)⁴⁶. Н. Н. Болгов указывает, что Косьма правильно определил местоположение Китая как лежащего за Ланкой и омываемого с востока океаном⁴⁷. Сведения, содержащиеся в «Христианской Топографии» о Китае и других восточных странах, долгое время оставались главным источником для византийской и европейской научной мысли⁴⁸.

Необходимо отметить, что новая картина мира в «Христианской топографии» органично была дополнена художественными образами (небольшими миниатюрами, которые содержатся в оригиналах рукописей). М. В. Сиднева считает, что «Христианская топография» является практически единственным литературным памятником рассматриваемого периода, который содержит карты, причем они присутствуют во всех трех списках произведения, сохранившихся до наших дней. Как отмечает автор, признаки научности в этих картах отсутствуют, однако теоретическая система описания земли продумана достаточно обстоятельно⁴⁹. По мнению Н. Н. Болгова, «в рисунках Косьмы (или другого художника) чувствуется влияние лучших образцов изобразительного искусства ранневизантийской Александрии... Мотивы и характер иллюстраций «Христианской топографии», манера, в которой они выполнены в древнейшей рукописи, сближают труд Косьмы с культурной средой Александрии»⁵⁰.

Подводя итоги, следует констатировать:

космографические представления автора «Христианской топографии» значительно отличались от античной системы взглядов на строение Вселенной, которую Косьма Индикоплов рассматривал как продолговатый свод, стоящий на плоской поверхности и разделенный на две части. При этом нельзя отрицать влияние космологии античности на интеллектуализм Косьмы;

описания флоры и фауны посещаемых Косьмой стран представляют собой сочетание поверхностных теоретических положений с реальными практическими сведениями, полученными из личных наблюдений автора «Христианской топографии». В этой связи можно утверждать, что по сравнению с античными авторами, положения «Топографии» – это своеобразный «шаг назад» в развитии научной мысли, что впоследствии подтверждали многие византийские ученые, в частности, константинопольский патриарх Фотий. При этом несомненная заслуга Косьмы состоит в том, что он сумел объединить богословскую и научную (хотя и несколько примитивную) мысль, органично соединив их с собственными практическими наблюдениями;

«Византийское искажение» картины мира в «Христианской топографии» проявило себя в том, что здесь мы встречаем первое наиболее развернутое описание Индии и Китая, что значительно расширило представление ранних византийцев о границах земли. Кроме того, «Топография» по сути стала первым географическим описанием Вселенной, в котором в качестве наглядного

материала использовались иллюстрированные миниатюры. В дальнейшем практика использования иллюстраций стала широко применяться в византийской и древнерусской литературе;

содержание «Христианской топографии» способствовало расширению представлений о мире у сельских и городских обывателей, что во многом определило его популярность не только в Византийской империи, но и в Древней Руси. Очевидно, такая популярность при значительной доле скепсиса со стороны образованной элиты и современников Косьмы и его последователей была возможна именно благодаря тому, что «Христианская топография» стала одним из первых произведений, которое отражало сущность христианских воззрений на самом доступном, обывательском уровне, но в то же время позволяло глазами автора увидеть мир за пределами своей привычной жизни.

Примечания

- 1 См.: *Удальцова З. В.* Косьма Индикоплов и его «Христианская топография» // *Культура Византии. IV – I пол. VII вв. М., 1984. С. 467–477.*
- 2 См.: *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л., 1951.
- 3 См.: *Пиотровская Е. К.* Христианская Топография Косьмы Индикоплова в древнерусской традиции. СПб., 2004.
- 4 См.: Косьма Индикоплов и его «Христианская топография» / отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2015 (далее – Косьма Индикоплов...).
- 5 *Cosmas Indicopleustes* / ed. J. W. Mc Crindle. L., 1897.
- 6 *Cosmas Indicopleustes. Topographie chrétienne* / Transl. Wanda Wolska-Conus. 3 vols. Paris, 1968–1973.
- 7 *Russell Jeffrey Burton.* Inventing the Flat Earth. N. Y., 1997; *Clark Travis Lee.* Imaging the cosmos. The Christian Topography by Kosmas Indikopleustes. Philadelphia: Diss. Temple University, 2008.
- 8 См.: Косьма Индикоплов... С. 11.
- 9 *Clark L. T.* Imaging the Cosmos. The Christian Topography by Kosmas Indikopleustes. Philadelphia: Temple University, 2008. P. 10.
- 10 Косьма Индикоплов... С. 10.; см. также: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1. Период II: От Юстиниана до Ираклия (518–610). С. 547–560.
- 11 См.: *Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Ч. II. Тексты плоскостнокомарной и других космологических традиций* / изд. подг. В. В. Мильков, С. М. Полянский. СПб., 2008. С. 7 (далее – Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. II).
- 12 Данная датировка в современной науке стала общепризнанной, поскольку опирается на отдельный фрагмент «Христианской топографии», в котором идет речь о том, что книга была написана примерно 25 лет после того, как автор был свидетелем приготовлений царя Аксума

- Элесбоа к походу против химьяритов, что произошло, по разным прочим источникам, либо в 522, либо в 525 г. Кроме того, в начале VI книги автор говорит о двух затмениях, которые отождествлялись с событиями 6 февраля 547 г. и 17 августа 547 г. См.: Косьма Индикоплов... С. 12.
- ¹³ В Византии «Христианская топография» получила распространение в VI–VII вв. Отечественными исследователями неоднократно отмечалось, что «Топография» была известна на Руси с домонгольского периода, однако наибольшую популярность приобрела в XVI–XVII вв.
- ¹⁴ Автор «Христианской топографии» в тексте называет себя «Христианином», не указывая собственного имени. См.: Косьма Индикоплов... С. 9.
- ¹⁵ См.: *Пугулевская Н. В.* Указ. соч. С. 129–130.
- ¹⁶ *Milton V. Anastos.* The Alexandrian Origin of the «Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes. Published by : Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1946. Vol. 3. P. 73–80.
- ¹⁷ См.: Косьма Индикоплов... С. 11.
- ¹⁸ Там же. С. 12.
- ¹⁹ См.: *Cosmas.* The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian monk. McCrindle J. W. London : The Hakluyt Society, 1897. 398 p.
- ²⁰ См.: Косьма Индикоплов... С. 12.
- ²¹ См.: *Баранкова Г. С., Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского // Памятники древнерусской мысли : исследования и тексты. Вып. II. СПб. : Алетей, 2001. С. 38.
- ²² Там же.
- ²³ См.: Косьма Индикоплов... С. 50.
- ²⁴ *Cosmas Indicopleustès.* Topographie chrétienne / introd., texte critique, illustration, trad. et notes par Wanda Wolska-Conus ; préface de Paul Lemerle. Paris : éd. du Cerf, 1968–1973. Vol. 1–3 (Sources chrétiennes, vol. 141, 159, 197).
- ²⁵ См.: Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. С. 7.
- ²⁶ См.: Косьма Индикоплов... С. 17.
- ²⁷ См.: Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. С. 7.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: *Мильков В. В.* Концепт земного рая в переводной и оригинальной книжности Древней Руси : специфика интерпретации // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4. С. 112.
- ³⁰ См.: *Григорьев А. В.* Христианская топография Косьмы Индикоплова. Космологические и онтологические фрагменты / пер. с древнерусского языка // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 309–325 ; *Он же.* Космологические и онтологические идеи в «Христианской топографии Косьмы Индикоплова» как отражение взглядов антиохийской богословской школы // *Громов М. Н., Мильков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 904–905.
- ³¹ См.: Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. С. 27.
- ³² См.: Косьма Индикоплов... С. 18.
- ³³ Там же. С. 19.
- ³⁴ См.: Тсиниста (Синастан (Китай)).
- ³⁵ Дневной переход не имел в тот период точного расстояния. Термин «mansio» соответствует представлению о временной остановке для ночевки, в противоположность дому, месту постоянного жительства – «domicilium». Сам Косьма устанавливает длину дневного перехода в 30 миль. См.: Косьма Индикоплов... С. 19.
- ³⁶ Там же. С. 20.
- ³⁷ Там же. С. 21.
- ³⁸ Там же. С. 22.
- ³⁹ Правление царя Эла Ашбеха (Элесбоа).
- ⁴⁰ См.: Косьма Индикоплов... С. 33.
- ⁴¹ Там же. С. 35.
- ⁴² Там же. С. 37.
- ⁴³ Цитата взята не из оригинала. См.: Косьма Индикоплов... С. 46.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ «Серами» называл китайцев, передвигающихся по суше, а «синами» тех, кто передвигался морскими торговыми путями.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 47.
- ⁴⁹ См.: *Сиднева М. В.* Море в «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 65.
- ⁵⁰ См.: Косьма Индикоплов... С. 23–24.

Образец для цитирования:

Зайцева И. В. Новая картина мира: «Византийское искажение» в «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 172–177. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-172-177>

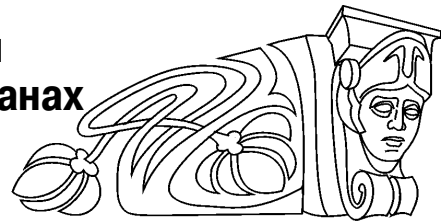
Cite this article as:

Zaytseva I. V. A New View of the World: «Byzantine Distortion» in «the Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 172–177 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-172-177>

УДК 94(4)

О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы¹

А. Н. Галямичев

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о причинах распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы в XII–XVIII вв. Обосновывается вывод о том, что на разных этапах исторического развития отдельных стран и регионов действовали различные факторы, обусловленные особенностями их социально-экономического и политического строя.

Ключевые слова: средневековое городское право, немецкая восточная колонизация, западные и восточные славяне.

On the Reasons of Wide Spread of the Magdeburg City Law in the Countries of Central and Eastern Europe

A. N. Galyamichev

Alexandr N. Galyamichev, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, galyamichev57@mail.ru

The article discusses the causes of the spread of the Magdeburg city law in the countries of Central and Eastern Europe in the 12th-18th centuries. It is concluded that at different stages of the historical development of some countries and regions different factors which were determined by the peculiarities of their socio-economic and political systems were operating.

Keywords: medieval city law, German Eastern colonization, Western and Eastern Slavs.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-178-182>

Распространение права того или иного города за его собственные пределы, пожалование его установлений другой городской общине – не редкость для Средних веков. Хорошо известны примеры Лорисской и Бомоннской хартий, получивших широкое распространение во Франции, «Руанских установлений» Генриха II Плантагенета, которые легли в основу самоуправления многих городов Нормандии и Аквитании². Далеко за пределы Чехии и Германии вышли правовые установления Йиглавы³ и Любека⁴.

Подобного рода явления неувидительны. Прецедент – важная составляющая права во все времена, в том числе в наши дни. Что же касается Средневековья, то для людей этой эпохи древность права имела особое значение. Как отмечал А. Я. Гуревич, «неотъемлемым признаком права была его старина. Право не может быть ново-

введением – оно существует от века, так же, как существует вечная справедливость. Это не значит, что право целиком кодифицировано в уложениях и не нуждается ни в какой дальнейшей работе людей. В своей полноте, как идея, право запечатлено в моральном сознании, и из него черпаются те или иные правовые нормы, по каким-то причинам ещё неизвестные людям. Право не вырабатывают вновь, его «ищут» и «находят». Но старина права – не столько указание на время его возникновения, сколько показатель его неоспоримости, добротности. Старое право значило – доброе, справедливое право»⁵.

Из всех систем средневекового городского права, вышедших за рамки одной городской общины, и получивших распространение не только в собственной стране, но и за её пределами, безоговорочное лидерство принадлежит магдебургскому праву. Если говорить о территории, которую охватил процесс его распространения, то она включала в себя собственно Германию (в том числе владения Тевтонского ордена), Чехию, земли Венгерского королевства, включая территории современных Словакии, Хорватии и Румынии, полностью охватывала земли Польши, Литвы, Украины, Белоруссии. В 1611 г. магдебургское право шагнуло ещё дальше на Восток и было предоставлено польским королём Сигизмундом III только что захваченному им Смоленску.

Пожалование магдебургского права Смоленску – одно из наиболее ярких свидетельств не только огромной географической широты, но и необычайно длительной хронологической протяжённости процесса утверждения магдебургского права в городах Центральной и Восточной Европы.

В связи с этим закономерен вопрос: каковы же были причины столь широкого распространения магдебургского права в странах Европы?

Те факторы, которые объясняют широкое распространение йиглавского или любекского права (первое содержало свод горного права – правовых установлений, регулирующих отношения в горнодобывающем производстве, второе – комплекс правовых норм, выработанных в процессе развития международной морской торговли на Балтике), здесь не действуют: если йиглавское и любекское право применялось в центрах горной добычи и портах Северной Европы, то сфера действия магдебургского права распространялась на города и страны с разными судьбами и социально-экономическими укладами жизни.

Проблема определения причин распространения магдебургского права далеко не нова. Она была, например, поставлена в качестве одной из главных исследовательских задач в докторской диссертации О. Б. Келлер⁶. Видный специалист, опубликовавший большое количество работ по различным аспектам проблемы распространения немецкого городского права в странах Центральной и Восточной Европы, формулирует свои выводы следующим образом: «Важнейшими причинами трансферта немецкого средневекового права на земли Центральной и Восточной Европы в периоды Средневековья и Нового времени послужили:

во-первых, общеевропейские миграции XI–XIII вв.;

во-вторых, общеевропейский колониационный процесс этого же периода, в ходе которого был выработан ряд приёмов, облегчавших процесс переселения, освоения новых угодий и создания новых деревень и городов, а также сформировался юридический механизм колонизации: 1) локация и 2) предоставление колонистам немецкого права;

в-третьих, распространению права средневековой Германии способствовала заинтересованность принимающей стороны в переселенцах с целью восстановления разрушенных после монголо-татарского нашествия на Центральную Европу городов, для работы в шахтах и на рудниках и т. д., а также стремление привлечь колонистов комфортными условиями. В XIV в. распространению немецкого права объективно способствовали эпидемия чумы XIV в., приведшая к обезлюдению многих территорий, и миграции евреев, являвшихся носителями немецкого права (Польша)»⁷.

Подводя итог второй главе диссертации («Причины распространения немецкого права к востоку от Германии»), О. Б. Келлер формулирует тот же вывод с небольшими вариациями: «Приведённый в главе материал позволяет сделать вывод о наиболее значимых причинах распространения немецкого средневекового права к востоку от Германии: миграционные процессы; колонизация земель к востоку от Германии, нашедшая своё выражение в виде освоения новых земель и урбанизации новых территорий; заинтересованность принимающей стороны в переселенцах, стремление привлечь их комфортными условиями проживания, в том числе и привычным для них немецким правом. Призывы к колонизации, с одной стороны, могли исходить от немецких королей-императоров, маркграфов, церковнослужителей; с другой стороны, земли своих королевств, герцогств и княжеств призывали заселять и носители власти Силезии, Богемии, Моравии, Венгрии и других регионов. Немаловажную роль сыграли эпидемия чумы середины XIV в., приведшая к опустошению земель, а также миграция еврейского населения в разные регионы из-за религиозных преследований»⁸.

Интересующий нас вопрос ранее был поставлен в исследованиях А. Л. Рогачевского, который давал ему следующую трактовку: «В чём же заключались причины столь широкого распространения Магдебургского права в Восточной Европе? Первое и главное из них – сходное в общих чертах развитие городов региона: усиление самостоятельности городских общин, становление торговли и ремёсел и связанный с ними развитый гражданский оборот, что и закрепило Магдебургским правом, поскольку оно хорошо отвечало их повседневному практическим потребностям. Вторая причина – господство так называемого личного правового принципа, согласно которому статус лица определялся не местом его обитания, а областью происхождения. Поскольку немецкое население очень многих городов составляли переселенцы из саксонских земель, то они принесли с собою саксонские городские обычаи. Следует к этому добавить, что Магдебургское право первоначально распространило влияние на все заэльбские земли, поэтому главный и старейший город Саксонии служил общепринятым образцом городского устройства. Существует и третья причина относительно лёгкого введения Магдебургского права в восточноевропейских, в частности, славянских землях. Она заключается в том, что германское и славянское право имели много общих черт, как убедительно показал ещё в начале XX в. известный русский исследователь Н. П. Павлов-Сильванский. Поэтому и магдебургское право не воспринималось в славянских землях как что-то принципиально чуждое местным обычаям, хотя их различие осознавалось достаточно хорошо»⁹.

Названные О. Б. Келлер и А. Л. Рогачевским причины широкого распространения немецкого (в первую очередь – магдебургского) городского права, несомненно, имели место. Однако нарисованная видными исследователями, в трудах которых были обобщены достижения современной (отечественной и зарубежной) историографии, картина может, на наш взгляд, быть дополнена некоторыми соображениями, прежде всего – в плане конкретизации факторов, способствовавших расширению области действия права города Магдебурга в отдельных регионах и на разных этапах исторического развития стран Центральной и Восточной Европы в Средние века и Раннее Новое время.

Говоря об изначальных причинах распространения магдебургского права, нельзя, как представляется, оставить без внимания тот факт, что Магдебург, основанный в 805 г. Карлом Великим на краю славянского мира (первые упоминания о Магдебурге в письменных источниках относятся к 805 г. и содержатся в «Хронике Муассака» («Chronicon Moissiacense») и Диденгофенском капитулярии Карла Великого¹⁰), с момента своего основания рассматривался как форпост христианизации языческих областей к востоку от Эльбы.

Магдебург являлся резиденцией Оттона I. По словам хрониста Видукинда Корвейского, Оттон «сам пышно построил, с великолепом воздвиг» «город под названием Магдебург»¹¹. Годы его правления были отмечены активизацией восточной политики Германии (с 962 г. – Священной Римской империи). Это отразилось на судьбах магдебургской епархии, которая в 968 г. приобрела статус архиепископства, власть которого простиралась на Восток¹².

Уже применительно к концу X в. можно говорить о влиянии Магдебурга на правовое устройство городов Восточной Германии: в 994 г. привилегии магдебургских купцов были предоставлены Кведлинбургу¹³. Важным рубежом в расширении сферы влияния Магдебурга стала середина XII в., когда после крестового похода 1147 г. началось решительное наступление немецких феодалов на заэльбские земли и их интенсивная немецкая колонизация: в 1156–1170 гг. право Магдебурга было пожаловано Лейпцигу, в 1160 г. – Стендалю, а затем и другим вновь основанным городам¹⁴.

В 1188 г. архиепископ Магдебурга Вихманн издал первую грамоту городских привилегий, которая положила начало процессу формирования писаного магдебургского городского права.

Обустроиваясь в завоёванных у славян землях, основывая в них новые города, немецкие колонисты с согласия своих сеньоров принимали в качестве основы городского самоуправления нормы права, сложившиеся в Магдебурге – церковной столице заэльбских территорий и важнейшем центре торговли. При этом жители Магдебурга охотно принимали их под своё покровительство, выступая в качестве высшей судебной инстанции при разрешении спорных вопросов.

Таким образом, в начальный период продвижения магдебургского права на восток важную роль играли личный правовой принцип (выходцы из Саксонии составляли большинство колонистов, переселившихся в заэльбские земли), а также особая миссия Магдебурга в немецкой колонизации областей между Эльбой и Одером.

С начала XIII в. средневековая немецкая восточная колонизация приобретает гораздо более широкие масштабы: поток немецких колонистов выходит за рамки германских княжеств и направляется в Чехию, Польшу и Венгрию. Предоставление немецкого права было основополагающим условием переселения колонистов из Германии в названные страны Центральной Европы. Почин в приглашении колонистов принадлежал правителям, которые в лице последних приобретали новых подданных, находившихся под непосредственным управлением и покровительством короны, и потому служивших для неё надёжным источником доходов и политической опорой (последнее относится, прежде всего, к городским общинам). С течением времени, особенно после опустошительного монголо-татарского нашествия 1241–1242 гг., к немецкой колонизации актив-

но подключаются монастыри и представители светской знати, заинтересованные в скорейшем заселении обезлюдивших земель.

Магдебургское право не было единственной из систем немецкого городского права, принесённых немецкими колонистами в страны Центральной Европы, но являлось при этом наиболее распространённой, а в Польше – безраздельно господствующей. Важную роль при этом сыграли, как нам представляется, следующие его особенности: во-первых, утверждая принцип городского самоуправления, оно оставляло широкую свободу в определении характера взаимоотношений городской общины с их феодальными сеньорами, что зависело от местных условий. Предоставление тому или иному городу магдебургского права подразумевало, прежде всего, пожалование ему прав городского самоуправления по магдебургскому образцу, как это было, например, в орденском Кульме в 1233 г.¹⁵, польском Кракове в 1257 г.¹⁶, чешском Литомержице в 1262 г.¹⁷ Во-вторых, магдебургское городское право представляло собой не свод раз и навсегда зафиксированных правовых установлений, а находилось в процессе постоянного совершенствования и обновления, оставляло за каждым городом возможность поиска самостоятельных решений в судебно-административной практике.

Магдебургское право фиксировалось и систематизировалось либо в виде сводов, составленных его знатоками и снабжённых комментариями («Саксонский вайхбильд» 60-х гг. XIII в.¹⁸, «Магдебургские вопросы»¹⁹), либо в виде записей, передававшихся дочерним городам по их просьбе – Гёрлицу²⁰, Свиднице²¹, Литомержице²², Познани²³ и др. При этом в различных областях складывались его региональные варианты, наиболее известным из которых является так называемое кульмское городское право, действовавшее в землях Тевтонского ордена²⁴.

Отмеченные факторы начинают играть в XIII в. определяющую роль в расширении сферы действия магдебургского права, а личный правовой принцип постепенно уходит в прошлое, определив при этом главное направление его дальнейшего продвижения за пределы Германии. Ключевую роль сыграли при этом города Силезии, в особенности Бреслау (современный Вроцлав). Силезия приняла в XIII в. (и до, и особенно после монголо-татарского нашествия) мощный поток немецких колонистов, главным образом из саксонских областей, и, располагаясь на оживлённом перекрёстке торговых путей, была своего рода перевалочным пунктом их дальнейшего движения на север, восток и юг и вместе с тем – посредником в распространении магдебургского права, пустившего в её городах глубокие корни. Поскольку в Чехию и Венгрию в XIII в. устремились потоки колонистов из южнонемецких областей, то и магдебургское право получило здесь частичное распространение²⁵. В

польских же землях безоговорочно преобладали колонисты из северной Германии.

Уже в XIII в. магдебургское право стало утрачивать неразрывную связь с немецкими колонистами как его исконными носителями, поскольку обосновывавшиеся в странах Центральной Европы городские общины стали принимать в свои ряды представителей местного населения (чехов, поляков, венгров), приток которых с течением времени постоянно усиливался. Однако это не привело к ослаблению его позиций, поскольку в силу своих особенностей оно обеспечивало оптимальные условия развития городской жизни в постоянно изменявшихся условиях.

В XIV в. к факторам, способствовавшим распространению магдебургского права в предшествующий период, присоединяются принципиально новые и его движение на Восток получает новый импульс. При этом главным районом расширения сферы действия магдебургского права стала Польша, где с первых десятилетий XIV в. всё более набирал силу процесс образования единого государства. В годы правления короля Казимира III Великого (1333–1370), с именем которого связаны решающие успехи в деле возрождения единого польского государства, магдебургское право обрело новые функции, превратившись в один из важнейших инструментов укрепления королевской власти.

Магдебургское право было объявлено Казимиром Великим единственной правовой основой городского самоуправления в пределах Польского королевства, при этом в 1365 г. был учреждён Высший Краковский суд как высшая судебная инстанция для польских городов (обращаться за поучениями в Магдебург было запрещено)²⁶. Важно отметить, что тот же самый процесс укрепления королевской власти в Чехии и Венгрии в годы правления великих правителей Карла IV и Людовика I не сопровождался приобретением магдебургским правом подобного рода исключительного положения.

Следующим важным шагом на пути распространения магдебургского права на восток стала Кревская уния 1385 г., положившая начало созданию Польско-Литовского государства и вместе с тем – расширению сферы его действия. После заключения унии магдебургское право приобрело тот же статус и те же функции, что и в Польше, в обширных землях Великого княжества Литовского, выступая при этом не только в качестве инструмента укрепления великокняжеской власти (что было характерно для Польши), но и в качестве фактора, способствовавшего интеграции развивавшихся прежде самобытным путём земель княжества в рамки западноевропейской модели общественного и государственного строя, формирования в Великом княжестве единого законодательства²⁷.

Когда в конце XIV в. магдебургское городское право распространилось на земли Литвы²⁸,

Белоруссии²⁹ и Правобережной Украины³⁰, оно окончательно утратило связь не только с городом на Эльбе и Магдебургским архиепископством, но и со своими исконными носителями – немецкими колонистами. Тем не менее его уникальные качества гибкой и развивающейся правовой системы оказались источником мощной жизненной силы в принципиально новых условиях³¹. Возникновение в 1569 г. Речи Посполитой и переход украинских земель под непосредственную власть польской короны усилили процесс распространения магдебургского права на Восток. С началом XVII в. оно стало утверждаться в городах Левобережной Украины, а во времена Смуты и ближайшие десятилетия после него – в оказавшихся под властью Польши городах России: вслед за Смоленском Сигизмунд III даровал магдебургское право в 1623 г. Невелю и Себежу, а в 1625 г. – Дорогобужу³².

Пожалование магдебургского права вновь присоединённым городам России было мерой, призванной обеспечить поддержку их жителями власти польского короля. Этот расчёт основывался на опыте управления восточнославянскими землями, где магдебургское городское право, обновляясь и развиваясь, стало прочной основой городской жизни. Характерно, что при заключении в 1654 г. Переяславского договора о воссоединении Украины с Россией в качестве одного из важнейших его условий выступал пункт о сохранении магдебургского права в городах Украины, что свидетельствовало о его действительности и признании особой ценности в глазах горожан. Так, 25 апреля 1654 г. Богдан Хмельницкий обращался к царю Алексею Михайловичу с просьбой подтвердить жителям Киева их права и привилегии («і права, і привилея, і вольности їх древние, з віков ім от благочестивих княжат і панов російських і от королев по [льских] дание утвердить і при всех тіх судах і волностях права майдебургского оставить») ³³. Права и вольности украинских городов в целом подтверждались в других документах³⁴, а относительно прав и вольностей города Переяслава была издана отдельная грамота³⁵.

Завершающим аккордом истории продвижения норм магдебургского права на восток в известном смысле можно считать Жалованную грамоту городам 1785 г. Екатерины II. Введение последней формально упразднило действие магдебургского права на территории Российской империи, однако при этом оно парадоксальным образом знаменовало собой его дальнейшее, хотя на этот раз и скрытое и частичное, продвижение на восток: как было установлено в ходе специальных исследований, многие положения грамоты имели в качестве своих непосредственных прообразов нормы магдебургского права³⁶.

Таким образом, беспрецедентное по географическим и хронологическим рамкам распространение магдебургского права на новые города и территории стран Центральной и Восточной

Европы было обусловлено, с одной стороны, природой самого этого памятника правовой мысли, с другой – комплексом социально-экономических и политических причин, уходящих в прошлое и возникавших в разных странах вновь в течение столетий.

Примечания

- ¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на семинаре «Коммуникативное поле европейской истории», состоявшемся 7 апреля 2018 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского университета.
- ² См.: Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 129.
- ³ Hoffmann F. České město ve středověku : Život a dědictví. Praha, 1992. S. 208.
- ⁴ Engel E. Die deutsche Stadt im Mittelalter. Düsseldorf, 2005. S. 85–86.
- ⁵ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 178.
- ⁶ Келлер О. Б. Распространение средневекового немецкого права на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 2015. С. 2.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 19–20.
- ⁹ Рогачевский А. Л. Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII – XVIII вв. СПб., 1996. С. 21–22.
- ¹⁰ См.: Wolker F. A. Geschichte der Stadt Magdeburg von ihrem Ursprung bis auf Gegenwart. Magdeburg, 1890. S. 1–2.
- ¹¹ Корвейский В. Деяния саксов / вступит. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1975. С. 197.
- ¹² Wolker F. A. Op. cit. S. 6.
- ¹³ См.: Келлер О. Б. Из истории Магдебургского права // Вышэйшая школа : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2013. № 4. С. 39.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Рогачевский А. Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 109.
- ¹⁶ Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa. 1257 – 1506. Krakow, 1879. T. I / ed. F. Piekosiński. № 1. S. 1–4.
- ¹⁷ Codex juris municipalis regni Bohemiae / ed. J. Čelakovský. Praga, 1895. T. II. P. 37
- ¹⁸ Das sächsische Weichbild / hrsg. von A. Daniels, Fr. Gruben. Berlin, 1858.
- ¹⁹ Behrend J. F. Die Magdeburger Fragen. Berlin, 1865.
- ²⁰ Gaupp E. T. Das alte Magdeburgische und Hallische Recht. Breslau, 1826. S. 269–320.
- ²¹ Ganzler P. Magdeburger Schöffensprüche und Rechtsmitteilungen für Schweidnitz. Stuttgart ; Berlin, 1940.
- ²² Weizsäcker W. Magdeburger Schöffensprüche und Rechtsmitteilungen für Oberhof Leitmeritz. Stuttgart-Berlin, 1943.
- ²³ Goerlitz T., Ganzler P. Magdeburger Schöffensprüche für Posen und andere Städte des Warthelandes. Stuttgart ; Berlin, 1944.
- ²⁴ См.: Рогачевский А. Л. Указ. соч.
- ²⁵ Kejíř J. Městské zřízení v českém státě ve 13. století // Československý časopis historický. 1979. Roč. 27. S. 244–250.
- ²⁶ См.: Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 121–122.
- ²⁷ См.: Арлоўская А. І. Граматы на Магдэбургскае права як крыніца агульназемскага права Беларусі XVI ст. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму : да 480 – годдзя прыняцця : сб. науч. тр. Минск, 2009. С. 84–87.
- ²⁸ Юргинис Ю. М. Судьба магдебургского права в литовских городах // История СССР. 1975. № 4. С. 145–155.
- ²⁹ См.: Копыцкий З. Ю. Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV – первая половина XVII в.) // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 26–41.
- ³⁰ См.: Сас П. М. Феодалные города Украины в конце XV – 60-х годах XVI в. Киев, 1989. С. 173–187.
- ³¹ См.: Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 186–187.
- ³² Rogatschewski A. Das Magdeburger Recht auf dem heutigen Territorium Rußlands : Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa : Sachsenspiegel und Magdeburger Recht / Hrsg. E. Eichler, H. Lück. Berlin, 2008. S. 207–287.
- ³³ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы : в 3 т. М., 1954. Т.3. № 252. С. 573
- ³⁴ Там же. № 245, 247, 248, 251. С. 560–565, 566–567, 568, 572.
- ³⁵ Там же. № 239. С. 553
- ³⁶ См.: Зайцев М. В. Изучение жалованной грамоты городам 1785 г. в дореволюционной отечественной историографии // История и историческая память. Саратов, 2015. Вып. 11. С. 220.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 178–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-178-182>

Cite this article as:

Galyamichev A. N. On the Reasons of Wide Spread of the Magdeburg City Law in the Countries of Central and Eastern Europe. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 178–182 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-178-182>

УДК 303.446.4(410)+929

Хорас Уолпол об истории и историках

Н. С. Креленко

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkon@mail.ru

На примере анализа исторических взглядов Х. Уолпола, английского интеллектуала XVIII в., в статье предпринята попытка осмысления своеобразия того варианта Просвещения, который сложился в Англии. Хорас Уолпол был человеком разносторонних интересов, типичным дилетантом. Сложившиеся у него взгляды на историю и историков, а также его исторические сочинения демонстрируют многие особенности просветительского подхода к истории.

Ключевые слова: Англия, история. Просвещение, Хорас Уолпол, дилетант.

Horace Walpole about the History and Historians

N. S. Krelenko

Natalia S. Krelenko, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

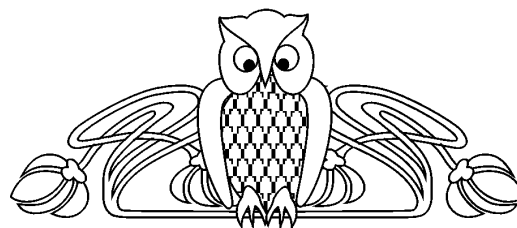
The article is an attempt to analyze the English type of Enlightenment, using the historical views of H. Walpole, an 18th century English intellectual. Horace Walpole was a typical dilettante with wide interests. His views on history and historians, as well as his own historical works demonstrate many peculiarities of the "enlightenmental" approach to history.

Keywords: England, history, Enlightenment, Horace Walpole, dilettante.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-183-186>

Имя Хораса Уолпола (1717–1797) прочно связано с духовной жизнью эпохи английского Просвещения, хотя он не принадлежал к числу прославленных и признанных теоретиков эпохи. Его правильнее назвать блестящим дилетантом, любителем всего, что связано с новыми веяниями и настроениями в науке, литературе и искусстве.

Особенность английского Просвещения объясняется в первую очередь той историко-культурной обстановкой, в которой оно возникло. Идеи, заложившие теоретическую основу Просвещения, зарождались в ходе военного противостояния середины XVI в., сопровождавшегося так называемой «памфлетной войной». В английском варианте идеология Просвещения может рассматриваться как интеллектуальный итог революции, система взглядов, идей, настроений, которые должны были способствовать тому, чтобы люди

учились жить в условиях обновленного общества. Поэтому английское Просвещение почти лишено ниспровергательных тенденций.

Ключевым для английского варианта Просвещения стал культ прав личности (Свободы), признания права свободной личности на самореализацию, на то, чтобы жить так, как этот индивид хочет (конечно, насколько это позволяют ей материальные возможности). Говоря об английском Просвещении, необходимо четко сознавать, что «...за его плечами имелись не только республиканская культура и традиция, но и небезуспешная попытка конституционного равновесия – Славная революция 1689 г.»¹. Ведь английское Просвещение формировалось под знаком социально-политического энтузиазма, связанного с успехом Славной революции. Атмосфера, проникнутая сбалансированной умеренностью идей «золотой середины», создавала «культурный климат, мир, в котором философы действовали»². В данном случае слово «философ» объединяет всех, кто имел отношение к интеллектуальной жизни общества.

Рассматриваемый период отличался политической заостренностью взглядов авторов, писавших на любые, особенно исторические темы³. Собственно политика делалась в очень узком кругу истеблишмента, но интерес к политическим проблемам существовал в самых разных кругах общества, особенно среди горожан. Во всяком случае один из известнейших публицистов «века Августа» (или «Августинского века», как современники называли период, охвативший последние десятилетия XVII в. и первую половину XVIII в.) Д. Аддисон считал своих соотечественников «нацией политиков». При этом отчетливо прослеживалась тенденция на признание складывающегося порядка вещей, который следовало принять и к которому необходимо было приспособиться, ведь «разумно все, как есть»⁴.

Другими словами, главной задачей английского Просвещения было научить людей жить в послереволюционном, обновленном обществе, подчиненном новой системе ценностных ориентиров, а стержнем этой системы была мысль о личной свободе. В то же время из этого, в частности, вытекала «возможность сознательно выбирать существование частного человека, безусловно, во многом способствует развитию изучаемого нами феномена»⁵. Непременные условия появления дилетанта как человеческого типа – материальный достаток, социальная коммуникабельность, некоторый образовательный багаж. Применительно

к Хорасу Уолполу все эти качества имелись в наличии.

Как сын одного из самых известных политических деятелей Великобритании XVIII в. он имел прочное материальное положение. Правда, наследство, полученное им, было не слишком велико. Сэр Роберт Уолпол оставил после себя много долгов, но сумел обеспечить всех своих сыновей (а их было трое, из которых Хорас – младший) многочисленными доходными, но не обременительными должностями, позволявшими им спокойно и комфортно существовать, ведь младшее поколение Уолполов не отличалось не отцовской энергией, ни отцовским честолюбием. Кроме того, каждый из сыновей числился членом парламента, доходов, правда, этот статус не приносил, но придавал общественную значимость.

Учился Хорас Уолпол в Кембридже. Правда, по завершении обучения ученого звания он не получил, поскольку не стремился к этому. Священником или преподавателем он быть не собирался. Некоторые премудрости юриспруденции он освоил, поработав в одной из лондонских юридических корпораций. По предложению отца по окончании университета он совершил традиционное «большое путешествие» на континент для знакомства с людьми и нравами соседних стран (Франции, Швейцарии), а главное для изучения античной культуры в Италии, которая считалась в европейском обществе «стандартом достижений, образцов и предостережений»⁶.

Полученное Уолполом образование было направлено на расширение кругозора, а не на углубленное освоение какой-то определенной отрасли знаний. Этот подход был им избран еще в юном возрасте, когда он отказался от рекомендованного отцом углубленного изучения юриспруденции. В результате Уолпол стал типичным дилетантом. «Дилетант не стремится, подобно виртуозу, к всеобщему охвату различных областей науки и культуры... его знания могут быть сколь угодно односторонними и экстравагантными, но они, непременно, будут страстными»⁷. Правда, применительно к XVIII в. понятие «дилетант» в привычном для нас значении не совсем подходит, ведь тогда грань между профессионализмом и любительством была более расплывчата, и исходя из современных критериев дилетантом-любителем можно назвать практически всех историков этого периода, ведь специального исторического образования не существовало. Т. Смоллетт получил в университете медицинское образование, написал «Историю Англии», а прославился романами.

Разница между Х. Уолполом и, например, историком Гиббоном состоит в том, что последний сосредоточился на написании своего объемного труда о падении Римской империи, а первый обращался к историческим темам наряду с другими увлечениями. Стоит отметить, что некоторые книги, посвященные Х. Уолполу, концентрируют внимание на той или другой стороне его интересов⁸.

Много времени, сил и средств отняло у него строительство загородной резиденции Струберри Хилл (Земляничный холм). Что касается сочинительства, то о чем он только не писал. Не принимая во внимание юношеские упражнения в стихотворных подражаниях античным поэтам, следует назвать готический роман «Замок Отранто» (1764), драму ужасов «Таинственная мать» (1768), предвосхищающие сюрреализм «Алисы в стране чудес» так называемые «Иероглифические сказки» (1785), путеводители по отцовскому поместью Хоутон Холл (1747) и собственному Струберри Хилл (1774), эссе о современном садоводстве, несколько политических памфлетов («Письма из Ксо Хотто» (1757), «Отчет об обнаруженных недавно великанах», (1766), в которых отстаиваются идеи вигизма.

Однако значительную часть его литературного наследия составляют собственно исторические сочинения. Следует назвать несколько работ, написанных в резное время: четырехтомник «Анекдоты об английской живописи» (1762–1771), «Последние десять лет правления Георга II», «История правления Георга III», «Исторические сомнения относительно жизни и правления Ричарда III» (1768).

Сам Уолпол объяснял свои подходы к историческому сочинению так: «Никогда не имел намерения писать серьезную историю, но только через отдельные анекдоты и характеристики, которые могут пролить свет на время, в которое я жил...»⁹. В этом его позиция перекликается с утверждением Болингброка, согласно которому «всякая история, которая достаточно подробно изображает поступки и характеры, полезна для того, чтобы познакомить нас с нашим родом, то есть с нами самими»¹⁰.

Для обоснования своего пристрастия к эпизодам частной жизни, к ситуациям, которые называют казусом, уникальным случаем, Уолпол в соответствии с традицией своего времени, апеллирует к авторитету античных классиков: «...Саллюстий один сохранил краткий эпизод с Катилиной от забвения...»¹¹ Свою задачу он видел в том, чтобы фиксировать приметы времени, сохранить для потомков описание интересных эпизодов и характеристики самых примечательных или оказавшихся вынесенными на авансцену истории персонажей.

О том, как из личных впечатлений складывались «картинки» истории, рассказывает следующий эпизод. В конце весны 1727 г. перед отправкой в Итон десятилетний Хорас упросил мать получить аудиенцию у короля. Однажды вечером леди Уолпол в сопровождении сына по договоренности с всемогущей королевской фавориткой Мелузиной фон дер Шуленбург посетила дворец. Мальчика провели в комнату, где король, одетый по-домашнему, коротал время с дамой своего сердца. Маленький Хорас поклонился, поцеловал королевскую руку и услышал несколько слов из уст монарха. Собственно все

впечатление от этой встречи сводилось к тому, что мальчик запомнил, как был одет король, как просто он держался. Позднее, записывая данный эпизод, Хорас отмечал, что ему хотелось ухватить и запечатлеть исторический факт, текущее время. Через несколько дней Георг отправился в очередной «отпуск» в родной Ганновер, где и умер¹².

Личные впечатления, дополненные рассказами современников, сведениями, почерпнутыми из переписки, – вот основные источники, на которые опирался Х. Уолпол. Он видел смысл своей деятельности в собирательстве древностей: «... Я не историк: я пишу непринужденные мемуары, я набрасываю анекдоты, которые солидные историки Британии могут включить в свои анналы...»¹³. Такая традиция существовала в английской культуре давно. Более того, английские собиратели-антиквари уже на рубеже XVI–XVII вв. объединились в общество, за которым закрепилось название Кэмпдоновское общество.

Люди двора и люди парламента – вот основные персонажи произведений Х. Уолпола о временах первых Ганноверов. Он писал о том и о тех, кого хорошо знал. Это действительно живые наброски личных впечатлений. Так, в своей работе о Ричарде III он нарушает собственную установку писать «без оценок», давать материал для будущих исследователей и предлагает свои, весьма отличные от сложившихся («чудовище злодейства») характеристику и оценку этого монарха.

Из современных ему британских историков наибольшее уважение вызывают шотландцы Д. Юм, представивший «превосходную модель истории»¹⁴, и У. Робертсон. Первый в «Истории Стюартов» (в 1754 г. были изданы два тома «Истории Стюартов»), в 1759 г. появились тома «Истории Тюдоров», а в 1761 г. – история средневековой Англии; затем все тома были объединены под заглавием «История Великобритании»; впервые целиком работа была издана в 1763 г.¹⁵) сумел избежать как политизированности, так и формального перечисления событий при подаче исторического материала, а второй отметил в предисловии к своей работе о правлении императора Карла V революционность тех перемен, которые пережило европейское общество в середине I тыс. н. э.¹⁶ Х. Уолпол с одобрением сравнивает их подход с тем, что был характерен для почитаемого им Тацита.

Некоторое внимание Уолпол уделил весьма популярной, несмотря на свой объем (8 томов большого формата), «Истории Англии от восшествия на престол Иакова I до воцарения Ганноверской династии»¹⁷, написанной женщиной-историком Кэтрин Маколей. Уолпол вполне справедливо усмотрел в К. Маколей, прежде всего, политического пропагандиста и наделил ее прозвищем «леди Фукидид». Стоит отметить, что упоминая о появлении в Англии начала 60-х гг. кружка республиканцев («республиканской партии») Уолпол, перечисляя современных английских республиканцев, первой называет К. Маколей¹⁸.

Борьба за республику, понимаемая как торжество дела Свободы, стала лейтмотивом в историческом сочинении миссис Маколей. Первый том «Истории» К. Маколей предварила многозначительным «Посвящается Свободе».

Острое недоброжелательство высказывает Уолпол, характеризуя Т. Смоллетта, называя его «никчемным человеком»¹⁹. Главное подтверждение этой оценки Уолпол видит в том, как поспешно и небрежно была написана «История Англии от Славной революции до воцарения Георга II». Ведь Т. Смоллетт подготовил четыре тома этой «Истории» за два года. Вместе с тем критик вынужден признать, что это издание пользовалось большим успехом у читателей и основательно поправило финансовые дела автора, а позднее переиздавалось. Далее Уолпол указывает на то, что более всего не нравится ему в «Истории» Т. Смоллетта: откровенная простюартовская (по терминологии Уолпола «якобитская») позиция автора. Напомним, что якобитами называли сторонников изгнанной династии Стюартов. Учитывая, что вплоть до середины XVIII в. Стюарты не оставляли попыток вернуть власть над Великобританией, такая позиция представляла собой угрозу существовавшему в стране режиму.

Стоит отметить, что оценки, данные Х. Уолполом самым известным из современных ему историков, практически совпадают с теми, что доминируют и в настоящее время.

Примечания

- 1 Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 16.
- 2 *Gay P.* The Enlightenment : An Interpretation. L., 1967. P. X.
- 3 *Clark G.* The Augustan Age // The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age A. D. 1650–1750. L., 1928. P. 12.
- 4 *Поун А.* Эссе о человеке // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М., 1987. С. 454.
- 5 *Соколова М.* Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство : XVIII–XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. М., 2010. С. 49.
- 6 *Johnson J. W.* The formation of English neo-classical thought. Princeton, 1967. P. 68.
- 7 *Соколова М.* Указ. соч. С. 51.
- 8 См., например: *Dobson A.* Horace Walpole, a memoir. Oxford, 1927 и др.
- 9 *Walpole H.* Memoirs and portraits / ed. by M. Hodgart. N. Y., 1963. P. 47.
- 10 *Боллингброк Г. С. Дж.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 62.
- 11 *Walpole H.* Op. cit. P. 48.
- 12 Описание этой ситуации см.: *Ketton-Cremer R. W.* Horace Walpole. L., 1946. P. 37.
- 13 *Walpole H.* Op. cit. P. 48.

- ¹⁴ *Walpole H.* Op. cit. P. 189.
- ¹⁵ *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Ciesar to the revolution in 1688 : in 6 vols. L., 1802. Рус. перевод : Юм Д. Англия под властью дома Стюартов : в 2 т. Т. 1. СПб., 2001 ; Т. 2. СПб., 2002.
- ¹⁶ *Robertson W.* History of the reign of the emperor Charles V. L., 1769 (рус. перевод : Робертсон У. История государственного императора Карла V с описанием устройства гражданских обществ в Европе от разрушения Римской империи до начала шестнадцатого столетия : в 4 т. М., 1889. Т. 1).
- ¹⁷ *Macaulay C.* The history of England from James I to the elevation of the Hause of Hanover : in 8 vols. L., 1764–1783.
- ¹⁸ *Walpole H.* Op. cit. P. 209.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 93.

Образец для цитирования:

Креленко Н. С. Хорас Уолпол об истории и историках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 183–186. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-183-186>

Cite this article as:

Krelenko N. S. Horace Walpole about the History and Historians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 183–186 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-183-186>

УДК 94(41/99)

Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной?

А. О. Ещенко

Ещенко Анастасия Олеговна, аспирант кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, eshencko.anastasya@yandex.ru

На основе широкого круга опубликованных и неопубликованных источников: мемуаров, корреспонденции, дипломатической документации в статье анализируется характер взаимоотношений и политические проекты Наполеона и его брата Жозефа в отношении Испании. Констатируется, что коррективы в план Наполеона, целью которого было присоединение Испании к федеративной системе, вносил рост народного движения, помощь этому движению со стороны Англии, а также разочарование императора в политическом курсе испанского короля. Обращение к ряду синхронных источников позволяет сделать вывод, согласно которому четкое разделение подходов братьев по линии: реформы и силовые методы управления страной является ловушкой. В широком смысле политика Наполеона в Испании вписывалась в принятую им по отношению к Европе и Франции концепцию «спасителя».

Ключевые слова: Наполеон, Жозеф Бонапарт, Пиренейские войны, федеративная система, «офранцузенные».

One Spain – Two Bonapartes: Different Approaches of Governance?

А. О. Eschenko

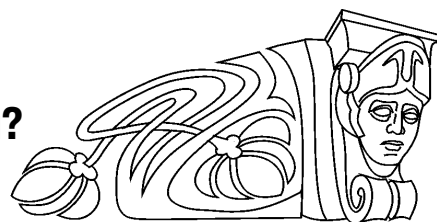
Anastasiya O. Eschenko, <https://orcid.org/0000-0002-0977-0891>, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Nab., St. Petersburg 199034, Russia, eshencko.anastasya@yandex.ru

The author explores the problem of interaction between Napoleon and King Joseph in Spain on the basis of a wide range of published and unpublished sources such as memoirs, correspondence, reports. The article shows that Napoleon's plan, whose goal was joining Spain to the Federal system was influenced by the growth of people's movement that England helped and disappointment in the political course of the Spanish king. The studied sources allow to conclude that a clear division of brothers' approaches on the line: reform and force is incorrect. Also Napoleon's policy generally represented the concept of «Savior», which he adopted in relation to Spain, France and Europe as a whole.

Keywords: Napoleon, Joseph Bonaparte, the Pyrenean wars, the Federal system, «аfrancesados».

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-187-196>

Европейский проект Наполеона являлся попыткой «воссоединения наций, которые были разъединены и разделены на части революцией или политикой»¹. В федеративной системе Наполеона Испании, где правила французская династия Бурбонов, отводилась важная роль братского государства, которое должно было следовать в фарватере французского внешнеполитического

курса. Однако, как справедливо отметил Т. Ленц, если Наполеон и был движим «благородными» мотивами создания равноправного объединения «обновленных» стран, он предпочитал не сообщать о них народам, чьи государства должны были стать частью его системы².

«Собирание наций» обернулось затяжной и кровавой войной. В ходе этих событий, ставших «могильщиком» наполеоновской империи, Испания оказалась не только ареной борьбы Франции и Англии, поддержавшей народное сопротивление, но также двух братьев Наполеона и Жозефа Бонапартов. Каковы были цели императора: возрождение Испании и приобщение ее к «большой семье европейских государств» или насильственное покорение посредством политического переворота и смены династии (*régénération ou revolution*)³? В чем заключалась роль нового короля Испании Жозефа и где находились пределы власти Бонапартов? Целью данной статьи является поиск ответов на эти вопросы.

В отечественной историографии, равно как и в зарубежной, король Жозеф (1808–1813) долгое время не рассматривался как самостоятельный политический деятель. Так, советский историк Е. В. Тарле писал: «Жозеф Бонапарт под пышной мантией испанского короля являлся простым наместником Наполеона, его приказчиком по осуществлению на Пиренейском полуострове континентальной блокады и по планомерному превращению Испании в предмет всесторонней эксплуатации...»⁴. В зарубежной историографии король Жозеф часто упоминался с эпитетом «непрощенный», «незванный», «незаконно вторгшийся» (*el rey intruso, le roi intrus*), который появился уже в годы войны 1808–1814 гг. и прочно закрепился главным образом в испанской историографии. В качестве примера можно привести исследование К. Камбронеро⁵. В монографиях французских историков Бернара Нарбонна⁶, Габриеля Жиро де Лэ⁷ была предпринята попытка пересмотреть сложившуюся точку зрения. Жерар Дюфур в статье «Le projet politique de Joseph I» (Политический проект Жозефа I) одним из первых показал Жозефа как политического деятеля, реализовавшего свой реформаторский проект вначале в Неаполе, а затем в Испании⁸. Вышедшее в 2016 г. исследование Т. Ленца «Жозеф Бонапарт» обобщило широкий пласт материалов и во многом было направлено на реабилитацию старшего Бонапарта⁹.

В историографии, таким образом, утвердилась тенденция разделять политику Бонапартов

по линии: реформы и тактика мягкой силы, воплощением которой стал Жозеф, и военные методы усмирения страны, активно применявшиеся Наполеоном. Однако способы осуществления проекта императора, который стремился, прежде всего, нейтрализовать Англию путем присоединения Пиренейского полуострова к континентальной блокаде, менялись: от намерения провести комплекс реформ при сохранении правления Бурбонов¹⁰, до смены династии и отторжения ряда областей этой страны. Важным фактором, влияющим на ужесточение политики Наполеона, был рост народного сопротивления, помощь ему со стороны Англии, а также стремление завершить военные действия в максимально короткие сроки.

Правление в Испании Карла IV (1788–1808) резко контрастировало с просвещенным правлением его отца Карла III. Руководство делами сосредоточено в своих руках фаворит королевы Марии-Луизы Мануэль Годой, «Князь мира», аккумулировавший на себе народное недовольство. Поведение Дона Годоя и политика Испании во время войны IV коалиции не могли быть приняты Францией. После заключения Тильзитского мира в 1807 г. и начала франко-испанского похода против союзной Англии Португалии, перспектива вмешательства во внутренние дела Испании обозначилась для Наполеона довольно ясно.

В результате народного мятежа в Аранхуэсе 17–19 марта 1808 г., организованного принцем Астурийским (Фердинандом. – *Е. А.*), Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына. Дон Годой был отстранен от власти. 23 марта И. Мюрат, командующий французской армией в Испании, вступил в Мадрид, а на следующий день к нему присоединился новый король Фердинанд VII. Вплоть до 2 мая корреспонденция Мюрата не позволяет отметить рост народного возмущения в Мадриде или на территории этой страны. Объяснение этому будет приведено ниже.

Тем не менее 29 марта в письме Мюрату Наполеон якобы писал: «Я опасаясь, как бы вы не обманули меня относительно ситуации в Испании, и также не обманулись сами. События 20 марта значительно усложнили ситуацию. Я остаюсь в сильной нерешительности... Революция... доказала, что у испанцев много энергии»¹¹. Говоря об испанских Бурбонах, Наполеон считал немислимым возвращение власти непопулярному в народе Карлу IV, который опротестовал свое отречение. Невозможным он считал также связывать свою династию узами с испанской в лице принца Астурийского, «врага Франции», который выступил с намерением жениться на родственнице Наполеона. Упомянутое письмо, характер которого словно реабилитирует императора, переоценившего кризис Испанской монархии, имеет интересную судьбу. Оно было впервые опубликовано в Мемориале Святой Елены Лас Казом, его подлинность подтвердил ряд деятелей того времени: Ш. Монтон, А. Ж. Савари и Л. де Боссе. Затем данный

текст был приведен в корреспонденции Наполеона, однако утерянный подлинник позволяет сомневаться в достоверности письма¹². Очевидно лишь то, что Наполеон стремился максимально воспользоваться обстоятельствами, используя их с наибольшей для себя выгодой.

А. Ж. Савари, отправленный в Испанию с особой миссией в 1808 г., в своих поздних мемуарах приводит следующую фразу императора: «... Если я не договорюсь ни с отцом, ни с сыном я установлю новую династию, я созову Кортесы, и повторю, тем самым, проект Людовика XIV»¹³. Эта фраза, лишь один из многочисленных примеров, которые отражают опору Наполеона на конкретный исторический опыт, оказавшийся вполне успешным. В 1700 г. внук Людовика XIV Филипп занял испанский престол и стал основателем династии Испанских Бурбонов. Политика Людовика XIV и Филиппа V в Испании станет важной частью французской пропаганды и одним из ключевых объектов исторической памяти Франции этого периода.

В апреле 1808 г. в Байонне, французском городе на границе с Испанией, Наполеон, выступивший посредником в семейном споре, принял у себя Фердинанда, а затем его родителей. Если у императора и были сомнения относительно дальнейшего развития испанских дел, первая встреча с новым королем их полностью развеяла. Он решил не признавать Фердинанда в этом качестве, а отречение Карла IV считать вынужденным. 22 апреля 1808 г. Наполеон писал И. Мюрату: «Нужно, чтобы стало ясно, что я ничего не хочу от Испании, что королевство сохранит свою независимость и целостность, что я лишь хочу поставить династию, которая еще больше сблизит две нации»¹⁴. 25 апреля в письме Ш. Талейрану по поводу встречи с принцем Астурийским Наполеон заявил: «Он не сказал мне ни слова; он безразличен ко всему, он очень меркантильный, ест четыре раза в день и не имеет никакой идеи»¹⁵. «Слишком глупый, слишком злой, слишком враждебен Франции»¹⁶.

2 мая 1808 г. в Мадриде вспыхнуло восстание. Оно было вызвано попыткой увезти в Байонну инфанту Марию-Луизу и инфанта Франсиско де Паула. Хосе де Молина, сподвижник Фердинанда, стал одним из подстрекателей мятежа. На следующий день восстание было жестоко подавлено Мюратом. За 2–3 мая, по данным историка Ж. Гранмэзона, погибли порядка 200 жителей Мадрида, 100 крестьян из окрестных деревень, 145 французов¹⁷. В ряде современных испанских работ показано, что el Dos de mayo, ставшее позже национальной легендой, не было спонтанным восстанием и не стало началом народной войны¹⁸. Массовые мятежи на территории Испании вспыхнули лишь в конце мая 1808 г., когда в «Gazeta de Madrid» были опубликованы тексты отречений испанской королевской семьи. Это обстоятельство объясняет решимость Наполеона заменить правящую династию в Испании.

Узнав о событиях 2 мая, по данным Савари, император сказал Фердинанду: «Кровь пролилась в Мадриде и прервала мои колебания. Эта резня (*massacre – так у Савари.* – Е. А.) может быть делом рук той партии, с которой вы не решились порвать, я никогда не признаю королем Испании того, кто первым разорвал союз, который так долго связывал его с Францией»¹⁹. Здесь важно отметить, что Наполеон воспринимал (или хотел воспринимать) эти события как очередной заговор принца Астурийского, проводя параллель с событиями 19 марта. Подобная оценка, оказавшаяся в итоге справедливой, определила характер его дальнейших действий, а донесения французского посла в Испании Антуана де Лафорэ убеждали Наполеона в правильности его политики. 4 мая Лафорэ писал, что последствия восстания таковы, какие «можно было ожидать от самой значительной победы. Партия Фердинанда полностью разбита... Все ожидают смены династии»²⁰. В соответствии с соглашениями 5 и 10 мая власть Бурбонов в Испании пала.

Утвердившийся на испанском престоле Жозеф Бонапарт (1768–1844), был старшим братом Наполеона (1769–1821). Закончив университет в Пизе, он работал адвокатом в Бастии, в течение первых лет Революции показал себя демократом. В 1793 г. Бонапарты покинули Корсику, а в 1796 г. после ее завоевания французами Жозеф был направлен туда для реорганизации администрации. Назначенный 15 мая 1797 г. послом в Рим, он вернулся в Париж после мятежа при дворе и убийства генерала Дюфо, чтобы занять место в Совете пятисот. После переворота 18 брюмера Наполеон назначил Жозефа в законодательный корпус, затем в Государственный совет. Между 1800 и 1802 г. он вел переговоры о мире с Соединенными штатами, о Люневильском мире – с Австрией и Амьенском мире – с Англией. После провозглашения Франции империей в 1804 г. Жозеф стал сенатором и принцем французского императорского дома. 24 февраля 1806 г. старший из Бонапартов вступил в Неаполь и до 7 июля 1808 г. был неаполитанским королем²¹.

В Неаполе с помощью французских и неаполитанских министров Жозеф положил начало серии реформ. Среди них отмена остатков феодализма, приведение в порядок финансов, преодоление государственного долга. Он также осуществил административную реформу и реформу судебной системы, армии и флота, монашеских орденов. Проект, реализованный в Испании, во многом дублировал названные реформы с опорой на опыт испанского просвещения Карла III.

Когда мы говорим о планах Наполеона в отношении Испании, важно иметь в виду, что Наполеон сделал королем этой страны не Мюрата, подавившего восстание 2 мая в Мадриде, а именно Жозефа, имевшего реформаторский опыт и соответствующую репутацию реформатора. Это является лишним доказательством первоначаль-

ного желания императора действовать в Испании мягкой силой и внешне придать смене династии максимально легитимный характер. 2 мая, в день восстания в Мадриде, Наполеон писал Мюрату: «Если вы сможете привести жителей Мадрида к тому, чтобы они сами попросили неаполитанского короля, вы доставите мне удовольствие, это позволит нам сохранить расположение этих людей. Возможно, Хунта также сможет принять в этом участие и оказать нам честь, высказавшись за нового короля (Жозефа.– Е. А.)»²².

В то же время во Франции имелся, по меньшей мере, один проект отделения от Испании пограничной области между Пиренеями и р. Эбро. Его автором являлся граф Доминик Жозеф Гара («Garat-Cadet») (1749–1833), разработавший в 90-е гг. XVIII в. план создания буферного Баскского княжества и включения его в состав Франции под названием Новая Финикия²³. Территория этого «государства» должна была охватить Наварру и области проживания французских басков. В годы революционных войн также неоднократно говорилось о расположении Каталонии к Франции и ее намерении бороться с «деспотичным» Мадридом²⁴. Декрет Наполеона от 8 февраля 1810 г. о создании в областях на север от р. Эбро особых военных губернаторств, подчиненных лично императору, в некотором роде стал предварительной стадией отделения этих территорий.

23 мая 1808 г. Жозеф покинул Неаполь, взяв с собой несколько человек: Жирардена, личного секретаря, генералов Матье, Салинья, Мерлена, Франчески, а также графа Мио де Мелито, министра внутренних дел Неаполя, графа Сен-Анастаса и Ферри-Пизани, корсиканца по происхождению. Они стали единственными французами, которые находились в официальном контакте с испанским правительством и Государственным советом.

В воззвании к испанцам 25 мая 1808 г. Наполеон говорил о возрождении Испании и назвал Жозефа «своим вторым я» («autre moi-même»). Французский историк Т. Ленц считает эту фразу крайне неудачной, так как она свидетельствовала о полной несамостоятельности короля: «Он не будет царствовать, но станет осуществлять управление под контролем (императора.– Е. А.)»²⁵. Эта мысль прочно утвердилась как в историографии, так и среди испанцев в 1808–1814 гг., которые сделали Жозефа объектом многочисленных прозвищ: *el rey tuerto* (король кривой), *Pepe Botellas* (Пепе бутылка), *el rey plazuelas* (король площадей).

7 июня 1808 г. Жозеф прибыл в Байонну, где был провозглашен королем Байоннскими кортесами. Через месяц 7 июля в Испании была принята первая конституция, Байоннская, ставшая основой легитимной власти Жозефа. Католицизм как ключевой компонент испанской монархии был провозглашен «религией короля и нации» (ст. 1), но ряд церковных учреждений, таких как Инквизиция, был постепенно упразднен. Все министры (в числе 9), чьи посты были предусмотрены кон-

ституцией, были испанцами и в прошлом служили Бурбонам. Главным мотивом их поддержки короля Жозефа являлось противостояние анархии и сохранение монархии в Испании. Именно их принято в первую очередь считать так называемыми «офранцуженными» – «afrancesados»²⁶.

Накануне вступления в Мадрид 19 июля 1808 г. Наполеон писал Жозефу: «Вы не должны находить ничего необычного в завоевании вашего королевства. Филипп V (основатель испанской династии Бурбонов. – *Е. А.*) и Генрих IV (основатель французской династии Бурбонов, положивший конец религиозным войнам. – *Е. А.*) также были обязаны завоевать свое. Будьте веселы, не огорчайтесь, не сомневайтесь ни на мгновение, что все закончится, как можно лучше и быстрее, чем вы думаете»²⁷. Это завоевание оправдывалось «благородной» целью приведения Испании к «блестящему процветанию».

20 июля 1808 г. Жозеф вступил в Мадрид, где был принят довольно холодно. Используя старинные обычаи испанской монархии, и, направляясь во дворец, он пересек город по самому большому диаметру. Очевидец писал: «В 6 часов выстрел из пушки провозгласил прибытие короля, блистательный штаб следовал за экипажем, в котором король пребывал в одиночестве, великолепная кавалерия эскортировала его, несколько французов прокричало: «Да здравствует король!», и только один испанец: «Viva el rey»²⁸. Подойдя к большой лестнице дворца, он был принят дворянством, которое затем провело и сопроводило его в апартаменты»²⁹.

Жозеф не скрывал своего дурного предчувствия. В письме, отправленном в тот же вечер Наполеону, он писал: «Сир, сегодня я вступил в Мадрид. Я не был принят жителями этого города так, как я был принят в Неаполе, ни как я был принят французскими войсками...»³⁰. В следующем письме Жозеф жаловался брату: «Этой ночью у нас все еще много дезертиров, настроение очень плохое... Я не перестану повторять Вашему Величеству, что нужно применить значительные средства, чтобы завершить испанские дела»³¹. 25 июля, в день Св. Якова, небесного патрона Испании, Жозеф был провозглашен испанским королем.

Абстрагируясь от силовых методов, применение которых король перепоручил своему брату, Жозеф старался повернуть общественное настроение в свою пользу другим способом. «Он работал каждый день по 8 часов со своими министрами и отправлялся затем в небольшой кампаний в экипаже или верхом, чтобы посетить публичные учреждения, госпитали, бульвары и окрестности Мадрида; каждый день толпа вокруг него росла...»³². 27 июля он организовал большой бой быков на арене у ворот Алькала. «Мадрид был лишен в течение двух лет этого варварского зрелища, которое является одним из самых больших развлечений для испанцев»³³, – писал адъютант короля Г. Клермон-Тоннер.

После капитуляции французского корпуса Дюпона под Байленом в июле 1808 г. Жозеф принял решение покинуть Мадрид и двинуться на север Испании в Виторию. Испанцы говорили «Жозеф положил корону в карман, но не смог надеть ее на голову»³⁴. Возросло количество дезертиров как в армии, так и в окружении короля, за которым последовали лишь пять министров из его правительства.

2 августа 1808 г. министры-«хосефинос» (josefinos – буквально сторонники короля Жозефа), находясь в Буитраго, составили рапорт, в котором представили свою программу действий. Они предлагали принять один из трех вариантов: «renoncer, conquérir, ou négocier» («отказаться от власти, завоевать страну или вести переговоры»), подчеркивая необходимость переговоров с лидерами лагеря патриотов, которые были «или наши друзья, или наши родственники»³⁵. Программа министров-«хосефинос» (невозможность насильственного покорения Испании, заключение сепаратного мира с Англией и переговоры с мятежниками) категорически не могла устроить Наполеона, что препятствовало налаживанию продуктивной деятельности испанского правительства и ставило Жозефа в неловкое положение.

В письме из Бургоса 9 августа 1808 г. Жозеф писал брату: «...Я не думаю, что мы сможем договориться с лидерами мятежников... Я не могу выдерживать мысли, что кто-либо другой, кроме вас, может командовать в Испании французскими армиями. Став завоевателем в этой стране, в которой принимают участие все испанцы, я превращусь, и долго буду оставаться объектом страха и проклятий, чему способствуют ужасы войны»³⁶. Иными словами, Жозеф предлагал разделить военную и гражданскую власть и тем самым снять с себя ответственность от последствий покорения Испании силой. В то же время он не противился данному методу, считая его оправданным.

Разочаровавшись в своем новом королевстве, Жозеф заявлял: «Я не чувствую в себе силы царствовать над людьми, ... не переставая их мучить... В нынешнем состоянии дел нужно перестроить управление территорией страны, даровать ей новые блага, и сделать тем самым так, чтобы народ не мог причинять вред»³⁷. Король продолжал: «...Еще имея выбор между народом Неаполя, который ценит мое правительство и отдает должное моему характеру, и народом Испании, я отдаю предпочтение людям, которые меня знают, и возвращаюсь в Неаполь... все это может быть исполнено в октябрь месяце»³⁸. Правительство Жозеф планировал оставить маршалу Нею. Он повторял, что соглашение с мятежниками невозможно, как невозможно убедить доводами рассудка народ, решивший сражаться. Однако Наполеон также не мог согласиться на отречение Жозефа и тем самым признать свое поражение.

13 октября 1808 г. император писал своему брату из Эрфурта, где был подтвержден русско-

французский союз: «Война может завершиться одним ударом умело проведенного маневра. Для этого нужно, чтобы я был там»³⁹. 4 ноября Наполеон прибыл в Толосу, 5 ноября поздно ночью в Виторию, а 6 ноября принял верховное командование над войсками в Испании.

Ближайший соратник Жозефа граф Мио де Мелито вспоминал: «Разговоры между двумя братьями были не очень примирительны. Наполеон больше не считал себя связанным обязательствами, взятыми в Байонне. И хотя, казалось, он не сомневался в том, чтобы сохранить корону за Жозефом, которую он ему передал, он считал, что обладает правом завоевания, как полный хозяин создания будущей системы управления Испании...»⁴⁰.

22 ноября генеральный штаб был переведен в Лерму, а 23 ноября – в Аранду. 28 ноября 1808 г. из Бургоса в Лерму, в направлении Мадрида, отправился король Жозеф. Несмотря на упадническое настроение короля, его усилия не были напрасны и давали надежду на стабилизацию ситуации. Адъютант Жозефа Гаспар де Клермон-Тоннер вспоминал в своих записках, составленных на основе синхронных записей 1808–1810 гг.: «Жители городов, которых пощадила война, и которые не убежали в горы, собирались со всех сторон на протяжении всего пути следования и приветствовали его возгласами: «Да здравствует король!», казалось, они были продиктованы настоящей радостью видеть его. Лерма была разграблена и частью сожжена. Примерно 50 жителей, которые вернулись после того, как первый страх прошел, ждали короля во дворе дворца и падали на колени, чтобы поцеловать ему руки по испанской традиции. Он принял их доброжелательно, со своим обычным доверием»⁴¹.

В результате серии побед и взятия ущелья Сомосьерра 30 ноября 1808 г., путь на Мадрид был открыт. 4 декабря 1808 г. столица Испании капитулировала. Клермон-Тоннер писал: «Я видел, находясь на поле боя, эту атаку и атаку со стороны ворот Алькала, ими император хотел сохранить Мадрид. Если бы он бросил немного больше войск, Мадрид был бы разрушен...»⁴². На следующий день после сдачи Мадрида был образован полк короля Жозефа⁴³. Отметим также, что в эти дни широко отмечалась годовщина коронации Наполеона и его победы в битве при Аустерлице в 1805 г.

Эти две даты всегда играли большую роль в исторической памяти Франции. В эпоху второй империи празднование коронации и победы при Аустерлице получило в военной школе Сен-Сир, основанной Наполеоном в 1802 г., название праздника 2S (2 декабря). Каждый месяц учебного года в этом учреждении (с октября) получал название по буквам слова AUSTERLITZ, S, таким образом, выпадала на декабрь. Данная традиция сохраняется по сей день. Взятие Мадрида Наполеоном в это время поднимало его авторитет и делало власть

монарха практически безграничной. По случаю взятия столицы император получил ключи от города и провел большой смотр армии на бульваре Пасео дель Прадо.

Не имея никакого способа осуществления власти в Мадриде, Жозеф решил не вступать в него снова, и предпочел разместиться во дворце в Эль-Пардо, принадлежавшем испанским королям. Данное решение породило слух, что император сам хочет короноваться, а Жозефу отдать Итальянское королевство. Для подобного заключения были реальные основания.

В связи с тем, что исполнение Байоннской конституции сталкивалось с рядом сложностей, Наполеон издавал указы, которые считал необходимыми. Наконец, в прокламации от 7 декабря 1808 г. он заявил испанцам, «если все мои усилия будут напрасны, если вы не будете соответствовать оказанному доверию, мне останется только обойтись с вами как с жителями завоеванных провинций и посадить моего брата на другой трон. Тогда я сам стану королем Испании, я сумею тем самым добиться уважения злодеев, потому что Бог дал мне необходимые силу и волю, чтобы преодолеть все преграды»⁴⁴. В результате к Наполеону обратилась делегация испанских грандов, которые просили, чтобы Жозеф разместился в Мадриде и подтвердил тем самым самостоятельность испанской монархии.

Лафорэ, французский посол в Мадриде, писал в своем рапорте, что император позволил испанцам выбирать между собой и своим братом: «Власть короля в некотором роде приостановилась: он (Наполеон. – Е. А.) заставляет ждать разрешения... Он еще не пояснил, подтвердил ли он передачу короны Испании, которую совершил. Король, которого постоянно требуют все власти столицы, не принимает никого, пока не получит решения императора»⁴⁵.

Многие авторы воспринимали это как своеобразную тактику Наполеона, который взял на себя обязанность карать, чтобы позволить Жозефу затем смягчать крайности его политики. Однако представляется, что цель Наполеона, который вновь напомнил о своей миссии «возрождения» Испании, была иная. Ряд ключевых декретов между 4 и 12 декабря («чамартинские декреты»), определивших облик страны, были изданы от имени императора: отмена феодальных прав и сеньориальной юстиции, отмена инквизиции, конфискация имущества монашеских орденов, ликвидация таможенных барьеров между провинциями⁴⁶. Данный факт умирал роль Жозефа и ставил под сомнение независимость Испании и ее правительства. С другой стороны, тем самым Наполеон сохранял за собой столь близкую ему роль «спасителя страны» и вершителя ее судьбы⁴⁷.

Жозеф был оскорблен таким поворотом дела и принял решение отречься от престола. Он писал Наполеону: «Мне стыдно перед моими так называемыми подданными. Я прошу Ваше

величество принять мое отречение от всех прав на испанский трон, которые вы мне даровали. Я всегда предпочитал честь и порядочность перед дорого купленной властью. Несмотря на все случившееся, я всегда буду вашим братом самым любящим и самым нежным вашим другом... я жду ваших приказов, чтобы направиться туда, куда вы пожелаете»⁴⁸. Как уже было сказано, согласиться на отречение Жозефа Наполеон не мог.

Наполеон принял решение покинуть Испанию 2 января 1809 г. в городе Асторга, однако вопрос о политической системе и власти не был решен, равно как не были погашены очаги народного сопротивления. Отъезд Наполеона в связи с началом военных приготовлений против Австрии, которая внимательно следила за событиями на Пиренейском полуострове, во многом способствовал тому, что война в Испании была проиграна. Находясь на острове Св. Елены, Наполеон вспоминал: «Если бы, как только я вступил на территорию той отдаленной страны, Австрия не объявила мне войну, но предоставила четыре долгих, спокойных месяца, то дело в Испании было бы закончено: испанское правительство укрепилось бы, общественное мнение успокоилось, противоборствующие партии объединились»⁴⁹.

22 января 1809 г. Жозеф вновь вступил в Мадрид, он писал Наполеону: «Сир, сегодня я вступил в Мадрид. Все жители находились на пути моего следования или в церкви Святого Исидора, куда я направился... Кажется, что они очень надеются на меня...»⁵⁰. Однако король выражал сомнения, что обстоятельства, которые от него не зависят, позволят реализовать надежды его подданных.

Перед церковью Св. Исидора король произнес следующие слова: «Единство нашей святой религии, независимость монархии, целостность ее территории и свобода ее граждан», – вот условия той клятвы, которую я принес, получая свою корону, и она нисколько не обесценилась на моей голове»⁵¹. Этой речью он старался ответить на слухи, которые циркулировали относительно планов его брата. Тем самым Жозеф взял обязательства, которые был не в состоянии исполнить, ибо политика Испании как внутренняя, так и внешняя, в той ситуации была неотделима от политики и интересов Франции. Эти слова и дальнейшие действия свидетельствуют о том, что в Жозефе произошел переворот психологического свойства, он перестал воспринимать Испанию как чужую страну, что повлияло на его отношение к методам Наполеона. В этот период расхождение в политике братьев стало наиболее заметным.

Мио де Мелито писал: «На другой день и в последующие дни он выходил, показываясь в городе, посещал публичные учреждения и особенно госпитали. Он был везде довольно хорошо принят. В общем, были некоторые признаки благоприятного изменения в настроении жителей и в облике всего города. Неприязнь уменьшилась,

надежда и доверие, казалось, должны возродиться и нужно сказать, что это изменение относилось лично к королю. Его характер чудом служил ему, в обстоятельствах, в которых он находился: его приветливость, его популярность и особенно то предпочтение, которое он отдавал испанцам перед французами, нравились народу»⁵².

6 февраля 1809 г. Наполеон, недовольный поведением короля, писал Жозефу: «Я думаю необходимо, чтобы вы проявили немного суровости и никому не позволили иметь ложные и преждевременные надежды; без этого люди, которых вы перевооружили, убьют французов и поднимут оружие против вас»⁵³.

Русский поверенный в делах при дворе короля П. О. Моренгейм отмечал эту особенность Жозефа: «Вступив в страну, в которой он должен был царствовать, в страну, которую нужно было, прежде всего, покорить, король Жозеф взял на себя роль, которая уместна только для победителя... пожелав, чтобы его любили, прежде чем будут бояться. Он пытался подчинить убеждением людей, решивших сражаться, он противился всем строгим мерам, которые законы войны диктовали французским войскам... а французские полководцы, вынужденные щадить побежденных приходили в отчаяние от того, что не могли воспользоваться плодами своих побед»⁵⁴.

Несмотря на конфликт с Мадридом, военные губернаторы, равно как и Жозеф, активно применяли практику мягкой силы в деле успокоения страны. Праздники, бои быков, роскошные иллюминации, бесплатные театры – все это стало неотъемлемой частью пропаганды в «наполеоновской Испании», конструирование которой началось в 1809 г.

Вступив в Мадрид во второй раз, Жозеф стремился не быть иностранцем, он хотел стать, прежде всего, королем испанцев. Позже он напишет: «Неаполитанцы, если можно так выразиться, никогда не знали национальности: раз за разом завоеванные нормандцами, испанцами, французами... В Испании, напротив, я старался все делать правильно, я не отказывался так полностью от своего титула иностранца, которого было достаточно, чтобы заставить людей гордых, людей, которые не знали другой войны, кроме войны за независимость, меня ненавидеть»⁵⁵.

Для упрочения своей власти среди «офранцузенных», среди которых было немало деятелей искусства (популярный драматург и поэт Л. Моратин, Ф. Гойя, ставший придворным художником, поэт Х. Мелендес Вальдес, композитор Ф. Сор, художник Ж. Флогье). Жозеф широко использовал образ «философа на троне», чья власть опиралась на идеи разума и справедливости.

Чтобы завоевать доверие духовенства, враждебно настроенного по отношению к королю, Жозеф регулярно посещал церковные службы и всячески демонстрировал свою религиозность. Генерал Жирарден вспоминал: «Король считал,

что для того, чтобы быть приятным испанцам, нужно показать себя очень религиозным, он ходил каждый день на мессу в 6 часов утра и почтительно относился к духовенству»⁵⁶.

Наиболее активная государственная деятельность Жозефа началась после отъезда Наполеона в 1809 г., когда он ощутил себя, насколько это было возможно, королем Испании. Он вновь собрал вокруг себя офранцузенных, которые вошли в Совет министров, административные советы, малый (privé) совет. И так как о созыве Кортесов, предусмотренных конституцией, на данный момент не могло быть и речи, законодательные функции исполнял Государственный совет. По возвращении Жозефа был образован кассационный суд, а в конце 1811 г. началась работа по переводу кодекса Наполеона. Историк Ксавьер Магескас насчитал 369 декретов, изданных в период с июля 1808 г. по март 1813 г.: 9 – в 1808 г., 164 – в 1809 г., 108 – в 1810 г., 65 – в 1811 г., 18 – в 1812 г., 5 – в 1813 г.⁵⁷ Исполнение этих указов сталкивалось с очень большими трудностями: отсутствие влияния на всю территорию страны, недостаток финансовых ресурсов, конфликт с военной администрацией.

Лагард, который был послан Наполеоном в Испанию в качестве разведчика в 1810 г., мог только разочаровать императора: «Здесь нет французской партии, даже в правительстве король единственный, кто каждый раз говорит о силе императора... Большинство из этих министров сохраняют рано или поздно желание примириться с мятежниками и избавиться от всякого французского влияния... В короле постоянно борются два качества: короля Испании и помощника императора, командующего армией на испанском театре военных действий, ... первое отрицает то, что приписывает второе...»⁵⁸.

Как уже упоминалось, отъезд Наполеона в январе 1809 г. кардинально изменил ситуацию. Его отсутствие породило соперничество маршалов, не спешивших помогать друг другу, мешавшее успешному исходу военных операций. Маршал Сульт, преследовавший отступающую армию Джона Мура, остался без поддержки Нея и действовал крайне осторожно. В результате вместо разгрома бегущих англичан он лишь «вежливо» проводил их до кораблей, и английская армия, погрузившись на свои суда в Корунье, покинула Испанию, отделившись лишь легким испугом. Затем, получив подкрепление, высадилась уже в Лиссабоне под командованием знаменитого сэра Уэллесли, будущего герцога Веллингтона. Момент, когда можно было добиться сокрушительной победы, был упущен. Война приобрела затяжной характер, а маршалы, оставшиеся без верховного руководства, действовали как удельные «князья». Так, в июле 1809 г. Сульт не пришел на помощь главной армии, сражавшейся под Талаверой, Бессьер не помог армии Массена, атаковавшей англичан при Фуэнтес де Оньоро (май 1810 г.). Русский поверенный в делах П. О. Моренгейм

писал: «Редко бывает, что важные военные операции проходят в Испании без того, чтобы маршалы, которые в них участвуют, не осудили бы один другого... Среди писем, которые перехватывают инсургенты, находят много тех, где содержатся жалобы маршалов на своих коллег»⁵⁹.

Единственным выходом в данной ситуации было личное присутствие императора в Испании, сопровождаемое значительным усилением французских войск на Пиренейском полуострове. Война с Австрией, развод, женитьба на Марии-Луизе, рождение наследника создали ряд препятствий для возвращения Наполеона на территорию полуострова.

В 1810 г. Жозеф возглавил военную операцию по покорению Андалузии – богатой области на юге Испании. Находясь в Малаге он узнал, что 8 февраля 1810 г. Наполеон издал указ, по которому в Арагоне, Каталонии, Наварре, Бискайе, т. е. областях на севере Испании, учреждались особые губернаторства, напрямую зависимые от императора, наделенные всей полнотой военных и гражданских функций. В том же году император присоединил Голландию к своей империи. Среди министров Жозефа появилось опасение, что подобное может случиться и с Испанией. И оно не было беспочвенным. Опыт отстранения короля Людовика Бонапарта, который был склонен отстаивать интересы своих подданных в пику интересам империи Наполеона, наводил на пугающую аналогию. Кроме того, Голландия, равно как и Испания, в федеративной системе Наполеона входила во второй круг так называемых братских королевств.

1 октября 1810 г. министр иностранных дел Шампаньи писал испанскому министру иностранных дел М. Асансе (Azanza): «Опыт двух лет отчетливо доказал невозможность исполнить идеи Его Величества, движимого единственно спокойствием и счастьем Испании, без того, чтобы пограничные с Францией государства, ее природные союзники стали составной частью его империи. Это решение вынуждено обстоятельствами, в которых сейчас находится Испания»⁶⁰. Об этом Жозефу было сообщено через Лафорэ. В этой ситуации король вновь решил отречься от престола.

Мигель Хосе Асанса, посетивший в 1810 г. с особой миссией Францию для разъяснения ситуации, писал государственному секретарю М. Л. Уркихо о разговоре с Ш. Талейраном: «Франция понесла большие жертвы в Испании, – говорил Талейран, – Франция должна их возместить. Император, всегда справедливый, видя своих братьев огорченными, не хотел жертвовать безопасностью своей империи в угоду капризам своих родственников. Впрочем, если Голландия присоединилась к Франции по довольно туманной причине, Испания и Италия имеют более разумный довод для этого...»⁶¹. Асанса утверждал, что «тотчас как будет опубликован декрет об

объединении Испании с Францией, народ поднимется, и начнутся вновь беспорядки, к которым присоединятся сторонники Жозефа... революция имела целью не восстановление Бурбонов, а сохранение независимости монархии»⁶². Отметим, что данное письмо не дошло до адресата, оно было перехвачено по дороге из Байонны в Мадрид и представлено маркизу де ла Романа, поддержавшему в 1808 г. патриотов.

Рост народного сопротивления, помощь ему со стороны Англии внесли значительные коррективы в планы Наполеона, и идея разделения Испании в целях ее умиротворения перестала быть просто угрозой. Этому немало способствовало и разочарование Наполеона в Жозефе, «игравшего в короля» испанцев. Однако в планах императора речь шла только об отделении северных областей, которые, как считалось, исторически тяготели к Франции. Объединение такой неоднородной страны, как Испания, с французской империей в условиях гражданской войны, экономического кризиса, в отсутствие единого центра власти и затруднения реформаторской деятельности было практически неосуществимо, и чаще использовалось Наполеоном для устрашения. На острове Святой Елены Наполеон говорил о 3–4 годах мира, которые позволили бы обновленной (!) Испании стать единым государством и надежной союзницей Франции.

К этому времени положение Жозефа стало тяжелым. 17 октября 1810 г. в письме к жене он предлагал два средства, способные умиротворить Испанию: верность обещанию сохранить ее независимость и целостность, которая была им дана, а также его реальное командование над французскими войсками в Испании: «Будущее докажет, что я был прав»⁶³. Жозеф считал, что продолжение Наполеоном той же политики насильственного покорения приведет к его краху на троне и краху всей кампании. 17 ноября он писал: «Стало быть, я решил покинуть Испанию, где я буду замещен, и направлюсь во Францию...»⁶⁴. Почти все его письма к Наполеону остались без ответа.

Приняв молчание за согласие, 23 апреля 1811 г. Жозеф покинул Испанию, доверив текущее делопроизводство Асансе, возглавившему Совет министров. По словам Лафорэ, Мио де Мелито и других мемуаристов, Жозеф не собирался возвращаться обратно, хотя заявил, что «его отсутствие будет очень коротким, и он рассчитывает вернуться не позже, чем через два месяца»⁶⁵. В этот период в Мадриде был голод. Год выдался неурожайным, а провинции вокруг столицы были сильно истощены. Очевидец писал, что «цена на хлеб выросла за восемь дней в два раза»⁶⁶. В этой ситуации отъезд Жозефа не произвел впечатления.

В ходе соглашений в Рамбуйе Жозеф потребовал выплату 1 млн франков в месяц на военные и политические нужды, передачу ему командования, а также назначения испанских чиновников для помощи генералам в четыре военных правительства на севере.

15 июля 1811 г. «король испанцев» вернулся обратно. Находясь в Вальядолиде, Жозеф писал Наполеону, что финансовые проблемы значительно влияют на военную и политическую ситуацию: «Англичане оплачивают все... Если бы в моем распоряжении сегодня было 20 миллионов франков и вся власть над армиями Севера и Арагона, я думаю я смог бы изменить лицо этой страны. Дворяне Бискайи, Кастилии и Паленсии готовы на все...»⁶⁷. Иными словами, экономика Франции также не справлялась с потребностями войны, а неуплата жалования была основной причиной дезертирства во французской армии на испанском театре военных действий.

1812 год стал переломным в судьбе французской империи и всей Европы. Отвлечение значительных контингентов для войны с Россией осложнило ситуацию в Испании. В начале года Наполеон объявил об аннексии Каталонии, которая прошла без ведома Жозефа, но не стала неожиданностью. Эта мера стала логическим продолжением февральского декрета 1810 г. и показала бессмысленность усилий Жозефа в борьбе за сохранение целостности Испании. Кроме того, к 1810 г. Каталония фактически полностью вышла из-под контроля короля и военной администрации и фактически была самостоятельным государством⁶⁸.

В мае 1812 г. вновь встал вопрос о созыве Кортесов. О его необходимости Жозеф заявил в июле 1811 г. как начале новой фазы правления и альтернативе военным методам объединения Испании. Этот процесс был остановлен после присоединения Каталонии. 21 мая 1812 г. русский посланник Моренгейм писал: «... Народ надеется попросить короля созвать национальное представительство, единственного, кто способен осуществить это желанное собрание, которое является первым условием счастья нации...»⁶⁹. Практическое осуществления эта идея, альтернативная Кортесам, созванным в Кадисе «патриотами» в 1810 г., не получила, и 1812 г. фактически стал последним годом Наполеоновской Испании.

11 августа 1812 г. Жозеф вновь покинул Мадрид, в который на следующий день вошел Веллингтон, 2 ноября король ненадолго вернулся в свою столицу, а 17 марта 1813 г. в последний раз оставил Мадрид. После поражения в битве при Витории в июне 1813 г. Жозеф окончательно покинул территорию Испании, а после падения власти Наполеона удалился в Северную Америку.

В 1813 г. Наполеон в беседе с политиком и публицистом П. Л. Редерером сказал о Жозефе: «Одна из моих ошибок думать, что мои братья необходимы для укрепления моей династии. Моя династия укрепилась без них... Сегодня я не дам и волоса, чтобы не Фердинанд, а Жозеф правил в Испании. Испанцы всегда будут близки к Франции в их же интересах. Сегодня Фердинанд будет мне не больше противопоставлен, чем король (Жозеф. – Е. А.)»⁷⁰.

Таким образом, грань между возрождением и революцией оказалась довольно зыбкой: то, что в глазах французов выглядело «возрождением», испанскими патриотами, возглавившими сопротивление, воспринималось как «тирания» и «узурпация» власти. Условным также является намеренное разделение подходов братьев к управлению Испанией. Применительно к Жозефу мы можем говорить о постепенном его «превращении» в «короля испанцев», и, как следствие, изменении его отношения к этой стране. Однако Жозеф тяготился избранной ролью и в целом мешал Наполеону, не имея возможности проводить ту политику, которую диктовали интересы Испании и его ближайшее окружение, противившееся присоединению своей страны к федеративной системе. Объединение исторически разделенной Испании путем реформ, потребовавшее огромных затрат, потерпело неудачу, гораздо большему сближению испанцев способствовало сопротивление общему врагу. Расчленение Испании, а если быть точным, осуществление проекта, существовавшего до начала военных действий, по расширению территории Франции за счет области между Эбро и Пиренеями было начато Наполеоном в целях устрашения и подавления народного движения, но привело к обратному результату. Начало реализации этого плана фактически превращало Испанию из «братского» королевства во вражескую страну. Отъезд Наполеона привел к сосредоточению власти в руках военной администрации и маршалов, не сумевших наладить эффективной деятельности в отсутствие императора. Политические просчеты Наполеона, недооценка противника, война с Австрией, а затем и с Россией, экономический кризис, обрекли войну в Испании на поражение, которое во многом способствовало крушению наполеоновской империи и провалу построения федеративной системы.

Примечания

- 1 Лас-Каз Э. О. Мемориал Святой Елены : в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 471.
- 2 О федеративной системе Наполеона см.: *Лентц Т.* Европейский проект Наполеона / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко // Французский ежегодник. М., 2013. С. 18–32.
- 3 Именно такое название имел сборник статей, посвященный испанскому кризису 1808 г. : *L'Espagne en 1808. Régénération ou revolution?* Aix-en-Provence, 2017.
- 4 *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1991. С. 201.
- 5 *Cambronerо C.* Jose I. El rey intruso. Apuntes históricos referentes a su gobierno en España. Madrid, 1997.
- 6 *Narbonne B.* Joseph Bonaparte. Le Roi philosophe. P., 1949.
- 7 *Girod de l'Ain G.* Joseph Bonaparte. Le roi malgré lui. P., 1970.
- 8 *Dufour G.* Le roi philosophe // *Mélanges de la Casa de Velázquez*, nouvelle série. 2008. № 38–1. P. 53–70.
- 9 *Lentz T.* Joseph Bonaparte. P., 2016.
- 10 См. письмо Наполеона Фердинанду : À Ferdinand, prince des Asturies, Bayonne, 16 avril, 1808 // *Correspondance de Napoléon Bonaparte*. P., 1865. Vol. XVII. № 13750.
- 11 Au Grand-duc de Berg, 29 mars, 1808 // *Correspondance de Napoléon Bonaparte*. P., 1865. Vol. XVI. № 13696.
- 12 Подробнее : *Lentz T.* Murat et «le Dos de mayo» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/murat-et-le-dos-de-mayo/> (дата обращения: 18. 12. 18)
- 13 *Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon*: in 8 vols. P., 1828. Vol. III. P. 256.
- 14 À Joachim Murat, grand-duc de Berg, Bayonne, 22 avril 1808 // *Correspondance de Napoléon Bonaparte*. Vol. XVII. № 1377.
- 15 À M. de Talleyrand, prince de Bénévent, Bayonne, 25 avril, 1808 // *Ibid.* № 13778.
- 16 À M. de Talleyrand, prince de Bénévent, Bayonne, 1 mai, 1808 // *Ibid.* № 13797.
- 17 *Grandmaison G.* L'Espagne et Napoléon : in 3 vols. P., 1908. Vol. 1. P. 203–205.
- 18 *La Parra E.* Fernando VII : impulso y freno a la sublevación contra Napoléon // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 2008. № 38–1. P. 33–52.
- 19 *Mémoires du duc de Rovigo*. Vol. III. P. 349.
- 20 *Correspondance du Comte de La Forest* : in 7 vols. P., 1905. Vol. I. P. 4.
- 21 *Magescas X. A.* Joseph I-er et les afrancesados // *Annales historiques de la Révolution française*. 2004. № 336 : L'Espagne et Napoléon. P. 180.
- 22 À Joachim, Grand-duc de Berg, Bayonne, 2 mai, 1808 // *Correspondance de Napoléon Bonaparte*. Vol. XVII. № 13801. P. 52–55.
- 23 Подробнее см.: *Garat D.-J.* Origines des Basques de France et d'Espagne. P., 1869.
- 24 *Recueil des Actes du Comité de salut public, avec la correspondance officielle des représentants en mission, et le registre Conseil exécutif provisoire*. P., 1900. Vol. XIII. P. 459.
- 25 *Lentz T.* Op. cit. P. 318.
- 26 Об «офранцузенных» и «хосефинос» см.: *Ещенко А. О.* Наполеоновская Испания : король Жозеф и «Los Afrancesados» : перспектива сотрудничества // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2018. № 18(1). С. 57–79.
- 27 À Joseph Napoléon, roi d'Espagne, Bayonne, 19 juillet 1808 // *Correspondance de Napoléon Bonaparte*. Vol. XVII. № 14218.
- 28 *Souvenirs d'un savant français. A travers un siècle, 1780–1865, science et histoire*. Par Léon Dufour. P., 1888. P. 116.
- 29 *Mémoires du comte Miot de Mérito, ancien ministre, ambassadeur, conseiller d'État et membre de l'Institut* : in 3 vols. P., 1858. Vol. III. P. 12–13.
- 30 Joseph à Napoléon, Madrid, 20 juillet 1808 (11 heures du soir) // *Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph*. P., 1854. Vol. IV. P. 375.
- 31 *Ibid.* P. 376.
- 32 *Clermont-Tonnerre G.* L'expédition d'Espagne 1808–1810. P., 1983. P. 101–102.
- 33 *Ibid.* P. 102.

- ³⁴ Mémoires du comte Miot de Mérito. Vol. III. P. 14.
- ³⁵ Rapport à Sa Majesté le roi d'Espagne par ses cinq ministres, Buitrago, 2 août 1808 // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. Vol. IV. P. 465.
- ³⁶ Joseph à Napoléon, Burgos, 9 août 1808 // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. Vol. IV. P. 410–412.
- ³⁷ Ibid. P. 412.
- ³⁸ Ibid. P. 412–413.
- ³⁹ À Joseph Napoléon, roi d'Espagne, 13 octobre, 1808, Erfurt // Correspondance de Napoléon Bonaparte. Vol. XVII. № 14378.
- ⁴⁰ Mémoires du comte Miot de Mérito. Vol. III. P. 23.
- ⁴¹ Clermont-Tonnerre G. Op. cit. P. 201.
- ⁴² Ibid. P. 211.
- ⁴³ Correspondance de Napoléon Bonaparte. P., 1865. Vol. XVIII. № 14531.
- ⁴⁴ Ibid. № 14537.
- ⁴⁵ Correspondance du Comte de La Forest. Vol. I. P. 399–400.
- ⁴⁶ Correspondance de Napoléon Bonaparte. P., 1865. Vol. XVIII. № 14526, 14527, 14528.
- ⁴⁷ См.: Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2009.
- ⁴⁸ Haeghele V. Napoléon et Joseph. Correspondance intégrale, 1784–1818. P., 2007. № 1141.
- ⁴⁹ Лас-Каз Э. О. Указ. соч. Т. 2. С. 472.
- ⁵⁰ Joseph à Napoléon, 22 janvier, 1809, Madrid // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. Vol. V. P. 391.
- ⁵¹ Madrid 23 enero de 1809. En la iglesia // Gazeta de Madrid. 1809. 23 enero. № 23. P. 143.
- ⁵² Mémoires du comte Miot de Mérito. Vol. III. P. 38.
- ⁵³ À Joseph Napoléon, roi d'Espagne, Paris, 6 février, 1809 // Correspondance de Napoléon Bonaparte. Vol. XVIII. № 14761.
- ⁵⁴ Rapport sur l'état actuel de l'Espagne, 1811 // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 7526. Л. 42.
- ⁵⁵ Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. Vol. IV. P. 177.
- ⁵⁶ Mémoires de Stanislas Girardin : in 2 vols. P., 1834. Vol. II. P. 131.
- ⁵⁷ Magescas X. A. Op. cit. P. 181.
- ⁵⁸ Gotteri N. La Mission de Lagarde policier de l'Empereur, pendant la guerre d'Espagne (1809–1811). P., 1991. № 86.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 7526. Л. 85.
- ⁶⁰ Champagny à Azanza // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 549. Оп. 1. Д. 342. Л. 54.
- ⁶¹ À Mariano Louis Urquijo ministre secrétaire d'état de SMC à Madrid, Paris 2 octobre, 1810 (copie) // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 342.
- ⁶² Там же. Л. 50.
- ⁶³ Joseph à la reine Julie, Madrid, 17 octobre 1810 // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. P., 1854. Vol. VII. P. 357.
- ⁶⁴ Joseph à la reine Julie, Madrid, 17 novembre 1810 // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. P., 1854. Vol. VII. P. 368.
- ⁶⁵ Mémoires du comte Miot de Mérito. Vol. III. P. 182.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 7526. Л. 144.
- ⁶⁷ Joseph à Napoléon, Valladolid, 11 juillet, 1811 // Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. Vol. VIII. P. 42.
- ⁶⁸ Canard P. Napoléon et la Catalogne (1808-1814) La captivité de Barcelone (Février 1808-Janvier 1810) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1909–1910. Vol. 13. № 3. P. 329–340.
- ⁶⁹ Archives nationales. Archives du Consulat et de la Secrétairerie d'État impériale : Relations extérieures (an VIII-1815). AF/IV/1699. Doss. 8. № 27–29.
- ⁷⁰ Journal du Comte P. L. Roederer ; notes intimes et politiques d'un familier des Tuileries. P., 1909. P. 323.

Образец для цитирования:

Ещенко А. О. Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной? // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 187–196. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-187-196>

Cite this article as:

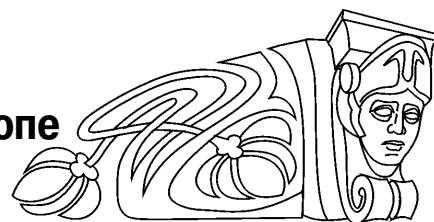
Eschenko A. O. One Spain – Two Bonapartes: Different Approaches of Governance? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 187–196 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-187-196>

УДК 94(4)

Основные составляющие проблемы немецких меньшинств в Восточной Европе по итогам Первой мировой войны

Е. С. Полунин

Полунин Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС), Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Воронеж), evgeny.polunin1989@yandex.ru

В истории Восточной Европы в годы Второй мировой войны особую роль сыграла проблема немецких меньшинств, среди которых в межвоенный период распространились идеи ревизионизма и ирредентизма. Для понимания природы этих явлений в данной статье предлагается анализ претензий немцев к условиям их жизни в межвоенной Восточной Европе. Формулируется вывод, согласно которому не столько реалии национальной политики стран проживания, сколько особенности немецких меньшинств и поддержка Германией их недовольства версальскими порядками превратили проблему в один из поводов для развязывания Второй мировой войны.

Ключевые слова: Восточная Европа, немецкие меньшинства, вопрос границ, ассимиляция, аграрные реформы, межнациональная напряженность.

The Basic Components of Problem of German Minorities in Eastern Europe after the First World War

E. S. Polunin

Evgeny S. Polunin, <https://orcid.org/0000-0003-3584-4070>, N. E. Zhukovskiy and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh), 54a Starykh Bolshevikov St., Voronezh 394064, Russia, evgeny.polunin1989@yandex.ru

In the history of Eastern Europe during the Second World War the problem of German Minorities was of special importance, meanwhile the ideas of revisionism and irredentism were popular among them in the interwar years. In order to understand the nature of these phenomena this article presents an analysis of the claims of the Germans to the conditions of their life in the interwar Eastern Europe. The author comes to the conclusion that not so much the realities of the national policies of the countries of residence, but the features of German Minorities and Germany's support for their discontent with the Versailles System turned the problem into one of the reasons for the outbreak of the Second World War.

Keywords: Eastern Europe, German Minorities, border issue, assimilation, agrarian reforms, interethnic tension.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>

100-летний юбилей окончания Первой мировой войны дает повод в очередной раз обратиться к итогам и последствиям первого глобального военного конфликта. При этом особый интерес представляет изучение заложенных в Версальско-Вашингтонской системе противоречий, послуживших

предпосылками Второй мировой войны. Многие из них порождены развернувшимися в межвоенный период в Центральной и Восточной Европе этнополитическими процессами. После Первой мировой войны вопрос о национальных меньшинствах, тесно связанный со спором о границах, стал камнем преткновения в отношениях между государствами региона. Попытки разрешить эту проблему силовым путем привели к очередной мировой войне. И в наши дни во многих регионах мира этноконфессиональные противоречия становятся причинами или угрожают перерасти в локальные войны и конфликты, поэтому исследование проблем нацменьшинств характеризуется непреходящей актуальностью.

Среди прочих меньшинств межвоенной Восточной Европы немецкие сыграли особую роль, ведь именно вопрос обеспечения их прав и свобод стал одним из ключевых во взаимоотношениях Веймарской республики с соседними странами, а впоследствии – поводом для агрессии «Третьего рейха» против этих государств. С подачи Берлина и представителей немецких меньшинств региона, не настроенных на интеграцию в странах проживания, в межвоенные годы обсуждалась проблема притеснений немецкого населения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Цель данной работы – анализ претензий немцев к версальским порядкам как составляющим вопроса о немецких меньшинствах в регионе. Понимание природы изменений, произошедших в жизни немецкого населения Восточной Европы после Первой мировой войны, представляется весьма значимым для разграничения объективных и субъективных причин их ревизионизма и ирредентизма.

В историографии рассматриваемая тема в разной степени затрагивается в рамках изучения национальной политики стран Восточной Европы (Польши¹, Венгрии², Чехословакии³), истории восточноевропейских немецких групп⁴, дипломатических отношений Германии с соответствующими государствами (в первую очередь с Польшей⁵ и с Чехословакией⁶), в работах о защите прав национальных меньшинств Лигой Наций⁷ (например, в трудах К. Финка⁸) и о предпосылках депортаций немцев из региона после Второй мировой войны⁹. Однако содержание и причины ограничений свобод и возможностей немецких меньшинств региона по итогам Первой мировой войны заслуживают отдельного самостоятельного исследования. В качестве основных

составляющих тематики предлагается рассмотреть проблемы реализации немцами региона права на самоопределение, потери германского гражданства, миграцию из стран проживания, политику ассимиляции немецких меньшинств, экономические потери и антинемецкие настроения в Восточной Европе.

Принцип самоопределения народов провозглашался после Первой мировой войны в качестве одного из базовых для нового миропорядка. Однако на практике он применялся достаточно избирательно: в первую очередь для дестабилизации многонациональных империй, воевавших против Антанты¹⁰. В итоге новые национальные государства в Восточной Европе были сформированы далеко не в строгом соответствии с национальным принципом, что было связано с геополитическими замыслами отцов Версальского миропорядка, а также с итогами пограничных конфликтов в регионе в 1920-х гг. Ярким примером этого может служить межвоенная Польша, значительный процент населения которой составляли национальные меньшинства¹¹. Как и многие этнические меньшинства Восточной Европы, некоторые группы немецкого населения региона не получили возможности повлиять на принятие решения о передаче территории их проживания тому или иному государству. Крупнейшим из таких немецких меньшинств было немецкое население вошедшей в состав Чехословакии Судетской области¹². 4 марта 1919 г. состоялась демонстрация чешских немцев за возможность реализации их права на самоопределение, демонстрантов разгоняли власти ЧСР¹³. Мнение немецкого населения относительно будущего территории их проживания не учитывалось в случае с некоторыми силезскими территориями (Тешинская Силезия поделена между Польшей и ЧСР 28 июля 1920 г.), польским коридором¹⁴.

Тем не менее после Первой мировой войны с участием немцев был проведен ряд плебисцитов: в некоторых районах Восточной Пруссии, в Верхней Силезии, в районе Оденбурга (северо-запад Венгрии) и Клагенфурта (Каринтия)¹⁵. Если немецкое население территории было достаточно многочисленным, то по итогам голосования земли, как правило, переходили к Германии и Австрии. Это не всегда гарантировало устранение проблемы, например, польско-немецкий спор о Верхней Силезией референдум так до конца и не разрешил. Однако о полном лишении немецких меньшинств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы права на самоопределение говорить не приходится.

Многие из оказавшихся за границами Веймарской Германии бывших подданных Германской империи немцев были недовольны потерей германского гражданства. Чтобы сохранить его, следовало покинуть территории проживания. Так, перед немецкими жителями получившего после Первой мировой войны статус вольного города

Данцига стояла дилемма: получить соответствующее гражданство либо выехать в Германию¹⁶. Наиболее остро вопрос гражданства стоял в Польше. Немцы, проживавшие в 1908–1920 гг. на вошедших в состав межвоенной Польши территориях, могли получить польское гражданство или покинуть польское государство до 10 января 1923 г., момента вступления в силу Версальских договоренностей. Это положение трактовалось немцами и поляками по-разному: первыми как право, а вторыми – как обязанность. Берлин был заинтересован в сохранении многочисленной диаспоры рейхсдойче в Польше и проводил соответствующую агитацию среди польских немцев. Наличие многочисленного немецкого населения на западе Польши могло использоваться немцами в качестве козырной карты в споре о границах между странами. По той же причине полякам было выгодно вытеснить немцев с приграничных земель¹⁷. После долгих польско-немецких переговоров 30 августа 1924 г. была подписана Венская конвенция «О гражданстве и оптации», согласно которой переселение из Польши в Германию не пожелавших получить польское гражданство этнических немцев должно было закончиться к 1 августа 1925 г.¹⁸

Ввиду этого представители польских немцев и Веймарской Германии на международной арене зачастую обвиняли Варшаву в изгнании этнических немцев из Польши¹⁹. Немецкие миграции из польского государства проходили под воздействием изменений статуса и условий жизни немецкого населения. После образования независимой Польши одними из первых ее покинули оставшиеся без работы бывшие имперские служащие. Кроме того, уезжали некоторые немецкие лагифундисты и колонисты, потерявшие часть обрабатываемых земель²⁰. По разным данным из страны мигрировало от 2/3²¹ до половины²² немецкого населения Польского государства. Несмотря на все усилия Берлина удержать немецкое население по ту сторону польско-немецкой границы (как аргумент территориальных претензий к Польше), наиболее интенсивные миграции немцев шли именно оттуда. В первую очередь немецкие переселения охватили Познань и Западную Пруссию, а также польскую часть Верхней Силезии (откуда выехало около 200 тыс. человек)²³. Хотя и в меньших масштабах, но миграции затронули также и более мелкие немецкие группы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Прибалтику еще в конце войны ввиду сотрудничества балтийских немцев с германскими войсками покинуло около 25 тыс. фольксдойче. В дальнейшем немецкие миграции из Эстонии, Латвии и Литвы продолжались на протяжении всего межвоенного периода²⁴. После Первой мировой войны немецкие переселения проходили в сельских, и, в особенности, в городских поселениях Румынии и Венгрии²⁵. Важнейшими причинами этих миграций представляются политика национальных правительств

по ассимиляции этнических меньшинств и сокращение немецких землевладений в ходе проводившихся в регионе аграрных преобразований.

Угроза ассимиляции стала одним из центральных обсуждаемых после Первой мировой войны вопросов судьбы немецких меньшинств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. На международной арене Берлин неоднократно выдвигал обвинения в полонизации и чехизации этнических немцев региона в межвоенные годы, что не мешало правительству Веймарской Германии самому активно вести политику германизации населенных польским меньшинством восточных провинций страны²⁶. Мероприятия по ассимиляции в первую очередь были направлены на этнических немцев в пограничных с Германией областях польского и чехословацкого государств, что опять же было связано со спорной ситуацией вокруг соответствующих государственных границ²⁷. Уходящая своими корнями во времена образования Австро-Венгрии, политика мадьяризации активизировалась после Первой мировой войны на фоне огромных территориальных потерь Венгрии и притеснений венгерских меньшинств в соседних странах. Исходным тезисом для ассимиляции в Венгрии была идея существования в стране одной единой политической нации во главе с венграми²⁸. Есть мнение, что дунайские швабы, в особенности в сельской местности в межвоенные годы, мало поддались мадьяризации и смогли сохранить свою самобытность. Тем не менее, венгерские немцы также столкнулись с некоторыми ограничениями, например, власти Венгрии препятствовали их национальному обособлению: в сравнении с прочими юго-восточными фольксдойче венгерские швабы долго не могли организовать собственное культурное или политическое объединение²⁹. Этнические немцы, проживавшие на приобретенных Румынией после Первой мировой войны территориях – в Бессарабии, в Буковине³⁰, в Трансильвании и в восточном Банате – также столкнулись с попытками их ассимиляции³¹. В то же время в многонациональной Югославии проблема не стояла так остро – славянизация слабо затронула швабское население страны. А в Прибалтике, в первую очередь в Эстонии и отчасти в Латвии, немецкое население и вовсе наслаждалось правами культурной автономии³².

Одним из важнейших средств ассимиляции немецких меньшинств в Восточной Европе было утверждение национальных языков в государственной, общественной и культурной практиках образовавшихся в регионе стран и на присоединенных территориях. Национальные правительства стремились вытеснить немецкий, заменив его государственными языками. В Польше представителей немецких меньшинств обязали сдавать экзамены на знание польского языка³³. В Венгрии немецкий язык исключался из законодательной и административной практики законом 1924 г. Однако в венгерских областях, где пятую часть

населения составляло немецкое меньшинство, судьи и представители администрации были обязаны понимать соответствующий язык³⁴. С ограничениями в употреблении немецкого языка в общественной и культурной жизни в прессе столкнулось немецкое население присоединенных к Румынии бывших земель Австро-Венгрии (Северная Трансильвания)³⁵. Немецкий язык стал иностранным и для швабов Югославии³⁶.

Одной из наиболее актуальных была проблема образования на немецком языке. Представители немецких меньшинств и Веймарской Германии часто поднимали вопрос сокращения численности немецких школ в Восточной Европе³⁷, а также различных ограничений для развития системы образования на немецком языке в странах региона. В спорных случаях власти стран проживания старались направлять детей в школы, где обучение велось на государственном языке, а не на немецком. Так, весной 1926 г. администрация польской Верхней Силезии провела проверку обоснованности заявок на обучение детей на немецком языке: в случае неявки родителей или двуязычности ребенка следовало исключение из немецкой школы³⁸. Спор о праве детей посещать немецкие школы в Польше дошел до Лиги Наций, которая в 1927 г. постановила разрешить хорошо понимающим немецкий язык детям обучаться в немецких образовательных учреждениях. К тому же представители Лиги Наций защищали право родителей самостоятельно определять национальную принадлежность своих детей³⁹. В целом Варшава демонстрировала (во всяком случае внешне) уступчивость Берлину в вопросах обучения детей польских немцев на немецком языке, ведь в ответ поляки рассчитывали получить дополнительные возможности для экономического сотрудничества с немцами и послабления для польского меньшинства в Германии⁴⁰.

Похожим образом дела обстояли и в школьной жизни юго-восточных фольксдойче. В Венгрии для дунайских швабов действовали начальные немецкие школы. Однако меньшинства были недовольны формальным исполнением венгерских законов об образовании для них отсутствием среднего и высшего образования на немецком языке⁴¹. На инкорпорированных в состав Румынии территориях некоторые немецкие школы были закрыты⁴². К тому же румынским властям зачастую не хватало средств для развития школ с преподаванием на языках национальных меньшинств⁴³. В КСХС (Югославии) действовала система начального образования на немецком языке, однако обоснованность заявки на посещение немецкой школы, как и в случае Чехословакии и Польши, требовалось еще доказать. Например, на юге Штирии немецкие дети со словенскими фамилиями направлялись в славянские школы⁴⁴. В Филлипово (западная Бачка, большинство многонационального населения составляли немцы) немецких детей обучали на сербском, а

немецкий язык преподавался как иностранный⁴⁵. Как и оставшиеся в границах Венгрии, дунайские швабы Югославии были недовольны отсутствием среднего и высшего образования на немецком языке (немецкие гимназии открылись в Югославии лишь в 1940 г.)⁴⁶.

Не лучшие времена после Первой мировой войны переживали немецкие церкви в Восточной Европе, в первую очередь протестантские. Для многих немецких групп региона протестантизм, как и язык, являлся своего рода маркером, отличавшим немецкое население от его славянского, венгерского или румынского окружения. В Польше действовали две протестантские церкви – объединенная протестантская церковь западного польского пограничья, а также Аугсбургская церковь на территории Конгрессовой Польши. И на западе, и на востоке Польского государства в настроениях немецких протестантов преобладали националистические идеи. При этом религиозный оттенок имели многие немецкие организации в Польше, например, в Лодзи к 1930 г. из 70 немецких объединений почти половину составляли религиозные. Эта тенденция распространялась и на польских немцев-католиков, проживавших преимущественно в Силезии, а также в Поморье и в Великой Польше⁴⁷. Политизация религиозных объединений объясняется утратой немецкими церквями Польши некоторых своих былых свобод и возможностей. В похожих условиях оказались протестантские общины юго-восточных фольксдойче. Так, по протестантской церкви трансильванских саксов больно ударила проведенная в Румынии аграрная реформа⁴⁸.

После Первой мировой войны немецкое население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы ожидали потери в социально-экономической сфере, прежде всего, это выразилось в сокращении площадей немецких земельных владений. Аграрные реформы в межвоенной Восточной Европе проводились в условиях активизации так называемого крестьянского национализма⁴⁹, поэтому земли перераспределялись не просто в пользу малоземельных, а зачастую именно в интересах представителей титульных наций. Учитывая, что немецкие землевладельцы держали в своих руках большие и, как правило, лучшие земельные участки в странах региона, земельный фонд реформ неизбежно должен был формироваться в значительной степени за счет немецких земель.

Аграрные преобразования на территориях Польского коридора, в Познани, в Поморье предусматривали передачу части обрабатываемых земель безземельным и малоземельным крестьянам⁵⁰. Многие подлежащие разделу латифундии находились здесь в немецком владении. Полякам было важно сломить эту ситуацию не только по социально-экономическим, но и по политическим соображениям. Не случайно наследование немцами земельных участков на приграничных

территориях Польши оказалось под запретом⁵¹. Несмотря на процесс перераспределения земель и сокращение площади немецких землевладений по итогам миграций, даже в 1930-е гг. в руках немцев оставались обширные сельхозугодья. В 1921 г. свыше 36 % земель Польши принадлежали немцам. Через 10 лет в Великой Польше они продолжали контролировать 29 %, а в Померании – 22 % пахотных земель. Поляки попытались потеснить немцев и в сфере промышленности. В 1920-х гг. сократилось немецкое влияние на тяжелую и горнодобывающую индустрию в Верхней Силезии. И все же и в сельском хозяйстве, и в промышленности межвоенной Польши немцы занимали крепкие позиции. Экономические успехи польских немцев не в последнюю очередь были связаны с высокой организованностью немецкого меньшинства (почти 10 % немцев Польши активно участвовали в кооперативах)⁵², а также с мощной поддержкой Германии.

Аграрные преобразования в соседней с Польшей Прибалтике также порождали немецкие протесты. Хотя балтийские немцы в годы гражданского конфликта оказали помощь в борьбе против Красной Армии, все же начавшиеся после войны аграрные реформы проходили в значительной степени за счет немецких латифундистов⁵³. Потеря земель дала импульс немецким миграциям в сельских поселениях прибалтийских государств, однако немецкие горожане в условиях автономии сохранили мощное влияние в производственной и финансовой сфере в Эстонии и Латвии⁵⁴.

В схожих социально-экономических условиях оказались и бывшие немецкие подданные Австро-Венгрии. В Чехословакии аграрная реформа стартовала в 1919 г. с появлением закона № 251. Владевшие большинством земель в Моравии и в бывшей австрийской Силезии немцы столкнулись с земельными конфискациями, зачастую без адекватной компенсации (получали менее обширные и качественные земельные участки)⁵⁵. С другой стороны, в сфере производства судетские немцы сохранили очень сильные позиции⁵⁶. Потери от аграрных реформ понесли и крупные немецкие землевладельцы Румынии, перераспределение земли в пользу румын прошло в Бессарабии, Буковине⁵⁷, Трансильвании, Банате. Однако в межвоенном румынском государстве немецкое меньшинство продолжало контролировать большую долю промышленного производства⁵⁸. Земельная реформа 1919–1931 гг. негативно сказалась на жизни швабского населения Югославии, 80 % населения которой проживало в сельской местности⁵⁹.

Наконец, после Первой мировой войны в Восточной Европе распространились антинемецкие настроения, что было связано с возложением на Германию ответственности за развязывание войны и с активизацией националистических движений в регионе в условиях формирования новых и расширения существовавших до войны национальных государств⁶⁰. Наибольшей напряженно-

стью отличались межнациональные отношения в польско-немецком пограничье. Экспрессами с обеих сторон были отмечены верхнесилезские восстания⁶¹. Если верить немецким источникам, третье польское восстание в Верхней Силезии в мае – июне 1921 г. сопровождалось погромами немецких поселений⁶². Польско-немецкие разногласия на западе Польше подогревались некоторыми польскими партиями, выступавшими против участия национальных меньшинств в политической жизни страны. В частности, подозрительность к немцам в бывших германских землях культивировалась национал-демократами⁶³. По мере обострения противоречий между Польшей и «Третьим рейхом» межнациональные отношения на западе польского государства становились все более взрывоопасными. Национал-социалисты умело воспользовались этой ситуацией, обеспечив себе поддержку многих польских немцев.

Для территорий бывшей Австро-Венгрии после Первой мировой войны также была характерна межнациональная напряженность, унаследованная со времен империи (давление немецкого и венгерского дворянства воспринималось славянами и как национальное угнетение)⁶⁴, и отягощённая опытом мировой войны. В Чехословакии в целом царил достаточно демократичная атмосфера и все немецкое в ЧСР не преследовалось⁶⁵. Однако и здесь не обошлось без межнациональных распрей, в особенности в первые послевоенные годы, когда судьбы народов и многих территорий еще были под вопросом. Известны случаи столкновений между немцами и чехами в начале 1920-х гг. В октябре 1921 г. во время путча Карла Габсбурга в Венгрии богемские немцы саботировали объявленную чехами мобилизацию, организовывали демонстрации, устраивали беспорядки, в подавлении которых в Краслицах, Румбурке и Варнсдорфе участвовала армия. Этот эпизод продемонстрировал сохранявшуюся непримиримость между чехами и судетскими немцами⁶⁶, в очередной раз (как и во время демонстраций 1919 г. в пользу присоединения Судет к Австрии) показал отношение богемских немцев к чехословацкому государству, для которого реставрация Габсбургов была неприемлема.

Национальная политика Будапешта выстраивалась с оглядкой на положение венгерских меньшинств в соседних государствах, прежде всего, это касалось славян и румын. Отношение к немцам в Венгрии ухудшилось в межвоенные годы, в частности, из-за того, что часть венгерского общества возлагала на них ответственность за развязывание Первой мировой войны⁶⁷. Напряженность между славянами и фольксдойче в Югославии, как и на остальных бывших территориях дуалистической монархии, восходила своими корнями к этническим процессам в Австро-Венгрии и к событиям Первой мировой войны, в которых немцы проявили жестокость к славянскому населению⁶⁸. И все же юго-восточные фольксдойче в гораздо

меньшей степени были втянуты в межнациональные противоречия в странах проживания, чем польские немцы.

Несмотря на все это, немецкие меньшинства в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе едва ли жили хуже прочих национальных меньшинств региона. Даже не отличавшиеся лояльностью к этническим меньшинствам польские власти относились к немцам лучше, чем к славянскому населению страны⁶⁹. К тому же положение немецких меньшинств на востоке Европы было не хуже, чем, например, во Франции (Эльзас-Лотарингия)⁷⁰. То есть о каком-то особом притеснении немецких меньшинств в Восточной Европе едва ли можно говорить.

Группы немецкого населения в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны пережили на себе воздействие основных протекавших в регионе этнополитических процессов. Как и многие другие этнические меньшинства, они столкнулись с ограничением права на самоопределение, с политикой ассимиляции, с потерей земельных владений, с подозрительностью со стороны титульных наций. При этом положение немцев не было самым плачевным: с их участием проводились плебисциты, некоторые немецкие группы получили автономию и возможность участвовать в политической жизни в стране происхождения, немцы продолжали занимать серьезные позиции в сельском хозяйстве и в промышленности стран проживания. Что же тогда качественно отличало немцев от прочих меньшинств региона? Почему их недовольство реалиями межвоенного периода в Восточной Европе привело к формированию радикальных прогерманских течений, в конечном счете выступивших одним из важнейших факторов развязывания Второй мировой войны? Как представляется, одной из причин этого стало подогревание Германией ревизионистских и националистических настроений в их среде. Поддержка Германией обеспечивала немецким меньшинствам, прежде всего, приграничным особое положение, увеличивая отчуждение в первую очередь между немцами и их славянским окружением. В этих условиях и под воздействием проблем национальной политики, экономического кризиса 1930-х гг. и сворачивания некоторых демократических практик еще не забывшие имперское прошлое немцы Восточной Европы в большинстве своем активно приветствовали идею присоединения соответствующих территорий к «Третьему рейху». Так, вопрос о правах и свободном развитии немецкого меньшинства превратился в один из поводов для развязывания Второй мировой войны.

Примечания

¹ Edward D., Wynot Jr. The Polish Germans, 1919–1939 : National Minority in a Multinational State // The Polish Review. 1972. Vol. 17. № 1. P. 23–64.

- 2 Paikert G. C. Hungary's National Minority Policies, 1920–1945 // *The American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 201–218.
- 3 Zahra T. The „Minority Problem“ and National Classification in the French and Czechoslovak Borderlands // *Contemporary European History*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 137–165.
- 4 Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen zwischen Tradition und neuen politischen Optionen 1930–1944 // *Minderheit und Nationalstaat : Siebenbürgen seit dem Ersten Weltkrieg* / hrsg. von H. Roth. Köln, 1995. S. 115–131.
- 5 См.: Красновская Е. И. Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2008. Т. 150, кн. 7. С. 242–252.
- 6 См.: Станков Н. Н. Правительство Э. Бенеша и чехословацко-германские отношения (сентябрь 1921 – октябрь 1922 г.) // *Вестник ВолГУ*. 2004. Сер. 4. Вып. 9. С. 90–102.
- 7 Mazower M. Minorities and the League of Nations in Interwar Europe // *Daedalus*. 1997. Vol. 126. № 2. Human Diversity. P. 47–63.
- 8 Fink C. Defender of Minorities : Germany in the League of Nations, 1926–1933 // *Central European History*. 1972. Vol. 5. № 4. P. 330–357.
- 9 Brandes D. Die Vertreibung und Aussiedlung der Deutschen aus Polen und der Tschechoslowakei. Pläne, Entscheidungen, Durchführung 1938–1947 // *Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung. „Ethnische Säuberungen“ im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts* / hrsg. von U. Brunnbauer, M. G. Esch, H. Sundhaussen. Berlin, 2006. S. 77–95.
- 10 Lemberg H. Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. Nationalstaaten und Minderheiten zwischen den beiden Weltkriegen in Ostmitteleuropa // *Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat? Europa in Geschichte und Gegenwart* / hrsg. von M. Beer. Tübingen, 2004. S. 97–101.
- 11 См.: Романов В. В. Компромиссы Парижской мирной конференции и их последствия для международных отношений в межвоенный период // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920 : Взгляд из XXI в. / отв. ред. Ар. А. Улуян. М., 2017. С. 27.
- 12 Förtsch F. Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomen der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts // *Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang* / hrsg. von F. Förtsch. Greilsheim, 2009. S. 11–13.
- 13 Koschyk H. 40 Jahre Bundesrepublik Deutschland – Das ganze Deutschland ist unser Vaterland // *Deutscher Ostdienst. Information des Bundes der Vertriebenen – Vereinigte Landsmannschaften und Landesverbände*. 1989. № 1. 6 Januar. S. 1.
- 14 Pradelle R. G. Die Rechtswidrigkeit von Massenvertreibungen // *Verjagt – beraubt – erschlagen. Die Austreibung aus den alten deutschen Grenzmarken. Schicksal und Völkerrecht* / hrsg. von R. G. Pradelle. Wiesbaden, 1961. S. 35–40.
- 15 См.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014. С. 480.
- 16 См.: Кукушкина И. А. Версаль и Германия : формирование предпосылок Второй мировой войны (постановка проблемы) // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920 : Взгляд из XXI в. / отв. ред. Ар. А. Улуян. С. 147–148.
- 17 Борисова А. А. Правовое положение немецкого меньшинства в Польше после окончания Первой мировой войны (на примере Верхней Силезии) // *Регелевский сборник : материалы Вторых Регелевских чтений (18–19 ноября 2013 г.)* / под ред. С. В. Кретицина. Воронеж, 2014. С. 98–100.
- 18 См.: Красновская Е. И. Указ. соч. С. 250–251.
- 19 См., например: Fink C. *Op. cit.* P. 335.
- 20 Lemberg H. *Op. cit.* S. 112.
- 21 Erdmann K. Deutschland und der Osten – zur historischen Einschätzung der gegenwärtigen Lage // *Vertreibung und Versöhnung. Die Synode der EKD zur Denkschrift „Die Lage der Vertriebenen und das Verhältnis des deutschen Volkes zu seinen östlichen Nachbarn“* / hrsg. von E. Wilkens. Stuttgart ; Berlin, 1966. S. 22.
- 22 Brandes D. *Op. cit.* S. 77.
- 23 Edward D., Wynot Jr. *Op. cit.* P. 28.
- 24 Ziemer G. Deutscher Exodus. Vertreibung und Eingliederung von 15 Millionen Ostdeutschen. Stuttgart, 1973. S. 55–59.
- 25 См.: Озуй А. Д. Языковая ситуация на Буковине в австрийский период : динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774–1918 гг.) // *Русич*. 2013. № 3(33). С. 115.
- 26 См.: Красновская Е. И. Указ. соч. С. 251.
- 27 Lemberg H. *Op. cit.* S. 114–115.
- 28 Paikert G. C. *Op. cit.* P. 202.
- 29 Enzyklopädie. Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart / hrsg. von K. J. Bade. Paderborn, 2007. S. 538.
- 30 См.: Виднянский С. Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства и румынизация автохтонного украинского населения края // *Русич*. 2012. № 2(28). С. 32.
- 31 См.: Макачук В., Рудый Н. Восточные границы межвоенной Румынии (1918–1940 гг.) : аспекты международного права // *Русич*. 2012. № 2(28). С. 61.
- 32 Mazower M. *Op. cit.* P. 54.
- 33 См.: Кретицин С. В. Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) // *Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.)* / редкол. : А. А. Богдашкин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2017. С. 231.
- 34 Paikert G. C. *Op. cit.* P. 207.
- 35 Zach C. R. „Wir wohnten auf dem Königsboden...“ Identitätsbildung bei den Siebenbürger Sachsen im historischen Wandel // *Minderheitenfragen in Südosteuropa : Beiträge der Internationalen Konferenz : The minority Question in Historical Perspective 1900–1990, Inter*

- University Center Dubrovnik, 18. 14. April 1991 / hrsg. von G. Seewann. München : Oldenbourg, 1992. S. 129–130.
- ³⁶ Thiel J. F. Fremd – zu Hause. Eine donauschwäbische Kindheit 1932–1947. Wien, 2012. S. 41.
- ³⁷ Nawratil H. Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit. München, 1999. S. 43–45.
- ³⁸ Fink C. Op. cit. P. 341–342.
- ³⁹ Подробнее см.: Zahra T. Op. cit. P. 141.
- ⁴⁰ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 42–43.
- ⁴¹ Paikert G. C. Op. cit. P. 210–211.
- ⁴² См.: Озюй А. Д. Указ. соч. С. 115.
- ⁴³ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁴⁴ Zahra T. Op. cit. P. 141.
- ⁴⁵ Thiel J. F. Op. cit. S. 41.
- ⁴⁶ Huber G. Der Leidensweg der Deutschen in Jugoslawien // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung ... als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. Düsseldorf, 1985. S. 52–53.
- ⁴⁷ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 31–41, 53–54.
- ⁴⁸ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁴⁹ См.: Шевырин В. М. Война во время мира : военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 : сб. статей / под ред. П. Герварт, Дж. Хорн. М., 2014 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. Реферативный журнал. 2015. № 2. С. 44–45.
- ⁵⁰ Fink C. Op. cit. P. 345, 356.
- ⁵¹ Nawratil H. Op. cit. S. 43–45.
- ⁵² Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 30–32.
- ⁵³ Ziemer G. Op. cit. S. 55–58.
- ⁵⁴ Hiden J., Smith D. J. Looking beyond the Nation State : A Baltic Vision for National Minorities between the Wars // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. № 3. P. 394.
- ⁵⁵ См.: Гозуев Б. Б. Аграрная политика властей Чехословакии в отношении венгерского национального меньшинства в 1920-х годах // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 4. Т. 4. С. 2–5.
- ⁵⁶ Reichenberger E. J. Ostdeutsche Passion. Düsseldorf, 1948. S. 50–53.
- ⁵⁷ См.: Виднянский С. Указ. соч. С. 32.
- ⁵⁸ Zach C. R. Die Siebenbürger Sachsen... S. 115–116.
- ⁵⁹ Enzyklopädie. Migration in Europa... S. 538.
- ⁶⁰ Hiden J. The Weimar Republic and the Problem of the Auslandsdeutsche // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. № 2. P. 273.
- ⁶¹ Шевырин В. М. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁶² Nawratil H. Op. cit. S. 43–45.
- ⁶³ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 116–117, 145.
- ⁶⁴ Айранетов А. Г. «Габсбургская монархия «срезалась» на национальном вопросе». Оскар Яси о центробежных силах Дунайской империи // Регелевский сборник : материалы Вторых Регелевских чтений (18–19 ноября 2013 г.) / под ред. С. В. Кретинина. С. 86–94.
- ⁶⁵ Mlynarik J. Fortgesetzte Vertreibung. Vorgänge im tschechischen Grenzgebiet 1945–1953. München, 2003. S. 90.
- ⁶⁶ Подробнее об этом см.: Станков Н. Н. Указ. соч. С. 90–92.
- ⁶⁷ Paikert G. C. Op. cit. P. 201, 205, 213.
- ⁶⁸ Huber G. Op. cit. S. 56.
- ⁶⁹ Edward D., Wynot Jr. Op. cit. P. 63.
- ⁷⁰ Zahra T. Op. cit. P. 143.

Образец для цитирования:

Полунин Е. С. Основные составляющие проблемы немецких меньшинств в Восточной Европе по итогам Первой мировой войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 197–203. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>

Cite this article as:

Polunin E. S. The Basic Components of Problem of German Minorities in Eastern Europe after the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 197–203 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-197-203>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(41/99)

Зачем Канаде санкции? Определяющие факторы современной внешней политики Канады в отношении России

Е. О. Балкылыч

Балкылыч Екатерина Олеговна, аспирант кафедры истории международных отношений и внешней политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, gella-ket@mail.ru

Отношения между Россией и Канадой имеют давнюю историю. Площади этих государств почти одинаковы, они схожи по федеративному государственному устройству, их интересы пересекаются в Арктике. Однако несмотря на перспективы сотрудничества, в настоящее время оно приостановлено в связи с введенными Канадой санкциями в отношении России. В целом проблема антироссийских санкций на сегодняшний день является актуальной и требует изучения. Ведутся дискуссии на тему, что же на самом деле представляют собой санкции и какие цели преследуют страны, вводя их. В данной статье пойдет речь о современной внешней политике Канады в свете введенных ею санкций, также будут рассмотрены определяющие факторы канадской внешней политики в отношении России с 2014 г. и по сегодняшний день.

Ключевые слова: санкции, внешняя политика, лобби, международные отношения, либералы, консерваторы.

What does Canada Need Sanctions for? Crucial Factors of Canadian Foreign Policy Towards Russia

Е. О. Balkylych

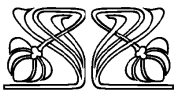
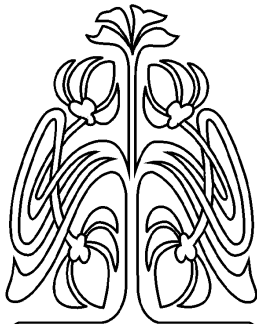
Ekaterina O. Balyklych, <https://orcid.org/0000-0001-9247-8359>. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/1 Vernadskogo prospect, Moscow 119571, Russia, gella-ket@mail.ru

The relationship between Canada and Russia has had a long history. Canada and Russia have a lot of things in common such as the size of territory, the federal system of government, joint interest in the Arctic region. But in spite of cooperation prospects the relationship between two countries has been frozen due to the sanctions imposed on Russia by Canada. On the whole the topic concerning sanctions imposed on Russia is widely discussed and raises many disputes about the real nature of the sanctions and the aims the countries pursue. In the following article the author describes the modern foreign policy of Canada against the background of the imposed sanctions and defines the crucial factors of Canadian foreign policy towards Russian since 2014.

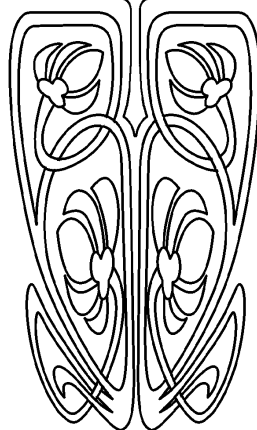
Keywords: sanctions, foreign policy, lobby, international relations, liberals, conservatives.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-204-207>

Исторически развитие канадско-российских отношений до определенного момента имело положительную динамику. Канада и Россия, даже принадлежа к противоборствующим лагерям, умели работать над преодолением идеологических противоречий и искать общие точки соприкосновения, а также развивать области, представляющие совместный интерес. Так, в 1956 г. министр иностранных дел Канады Лестер Пирсон первым из стран-членов НАТО посетил Советский Союз. Поездка министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Канаду стала также нарушением бойкота, установленного странами НАТО в отношении СССР из-за введения советских войск в Чехословакию. В 1971 г. состоялся первый официальный визит премьер-министра Канады Пьера Трюдо в Россию. В том же 1971 г. Жан Кретьен, занимавший

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

на тот момент пост министра по делам индейцев, посетил Сибирь. Эта поездка способствовала развитию сотрудничества в Сибири и Арктике, а данный регион стал рассматриваться как «сфера взаимных интересов», которая должна была содействовать сближению двух стран. В 1989 г. Советский Союз посетил премьер-министр Канады Б. Малруни. Также в 1990-х гг. был подписан ряд важных соглашений: в 1992 г. – Договор о соглашении и сотрудничестве и Соглашение о торговых и коммерческих отношениях, в 1993 г. – Соглашение об экономическом сотрудничестве. По инициативе промышленников в 1995 г. была создана Межправительственная комиссия, призванная развивать экономические связи, торговлю и инвестиции между Канадой и Россией¹.

Была разработана программа технического сотрудничества с Россией, рассчитанная на 18 лет, которая завершила свою работу в 2010 г. В рамках этой программы было реализовано около 300 проектов, на общую сумму около 360 млн долл.² Примером плодотворного российско-канадского сотрудничества был также проект «Содействие реформированию государственного управления в Российской Федерации». Опыт Канады использовался в учебных курсах повышения квалификации госслужащих³.

Однако в середине 2000-х годов отношения между Канадой и Россией начинают испытывать напряженность. С момента избрания Стивена Харпера премьер-министром Канады в 2006 г. между ним и Президентом России не состоялось официальных двухсторонних встреч, контакты имели место исключительно в рамках международных конференций. Затем последовали события в Грузии, где Канада безоговорочно поддержала официальный Тбилиси, а также активно выступила за принятие Украины и Грузии в НАТО. Позиция Канады по Ливии также не способствовала дальнейшему развитию отношений. Напомним, что Канада присоединилась к военной кампании и участвовала (среди всего лишь восьми стран НАТО) в нанесении воздушных ударов по Ливии. Канада внесла заметный вклад в военные действия, экономические санкции и дипломатические переговоры в рамках этой кампании⁴.

После событий на Украине в 2014 г. и присоединения Крыма к Российской Федерации отношения России и Канады окончательно вступили в фазу кризиса. Канада в числе первых стран присоединилась к санкциям в отношении России, а внешняя политика стала отличаться довольно смелой и агрессивной антироссийской риторикой. Ущерб, который несет наша страна от введенных Канадой санкций, незначителен. Общий товарооборот между Россией и Канадой на момент введения санкций составлял 2,2 млрд долл., по доле в российском товарообороте в 2013 г. Канада находилась на 48-м месте⁵.

Для сравнения, товарооборот Канады с США в 2013 г. составил 920,1 млрд долл.⁶

Кабинет Стивена Харпера занял конфронтационную и жесткую позицию в отношении России⁷. Не имея реальных рычагов влияния на Россию, такие смелые высказывания – все, что имеется в распоряжении Канады. Однако с помощью такой риторики Канада, с одной стороны, демонстрирует поддержку США, а с другой стороны, это своего рода игра на публику, а в случае Канады эта публика – украинская. На кого на самом деле направлены речи канадских политиков, предстоит разобраться.

Современная внешняя политика Канады, безусловно, идет в русле внешней политики США. Канада активно поддерживает своего ближайшего соседа во всех внешнеполитических действиях, зачастую в ущерб своим национальным интересам. Это объясняется тем, что Канада очень тесно связана с США экономически, на долю США приходится 80 % канадского экспорта. Еще в 1965 г. канадский философ и историк Дж. Грант писал, что Канада перестала существовать как независимое государство⁸. Похожих взглядов придерживается и Э. Коэн в своей работе «Пока канадцы спали. Как мы лишились своего места в мире», где автор рассуждает о месте Канады в мире⁹. Но что касается политики в отношении России на фоне разворачивающихся событий в Украине, то здесь и в самой Канаде существуют силы, заинтересованные в определенном внешнеполитическом курсе и имеющие возможность влиять на него. В формировании позиции Канады по отношению к России есть не менее важная, на наш взгляд, составляющая – украинское лобби, влияние которого нельзя недооценивать. Канада является третьей страной по численности украинского населения после Украины и России соответственно. На данный момент на территории Канады проживают 1 359 655 канадцев с украинскими корнями¹⁰. Доля по отношению к канадцам невелика, как, например, в США, но украинскую диаспору в Канаде отличает сплоченность. Кроме того, этнические украинцы занимают важные должности и влиятельные посты. Например, в состав нынешнего Парламента входят 11 депутатов с украинскими корнями, глава Центробанка Канады – также этнический украинец. На территории страны действует старейший Конгресс украинцев Канады, который представляет собой хорошо организованное общественное объединение, часто не согласовывающее свои действия с правительством Канады, напротив, оказывающее прямое влияние на внешнеполитические решения последнего¹¹. В целом насчитывается около 30 украинско-канадских организаций всевозможной направленности. Например, Ассоциация канадско-украинских женщин, Канадский фонд «Дети Чернобыля», Украинско-канадская юридическая ассоциация, Лига украинских женщин-католичек, а также множество молодежных объединений, различные культурные и исследовательские центры. Посредством этих организаций

ведется пропаганда, в которой Россия обвиняется в создании сегодняшней ситуации на Украине.

Украинская диаспора в Канаде довольно активно продвигает и защищает свои интересы и культуру, используя разнообразные ресурсы и методы. Об этом можно судить по ряду проектов, которые находят поддержку со стороны правительства Канады, например, выделение из федерального бюджета гранта в размере 1,5 млн долл. для финансирования программы под названием «Национальный тур памяти Голодомора», создание мобильных классов, которые будут передвигаться по стране и знакомить ее население с событиями 1932–1933 гг., получившими название Голодомор¹².

14 марта 2018 г. в газете «Эхо Украины», издаваемой в Канаде, была опубликована статья, в которой Лига канадских украинцев призывает читателей писать письма своим парламентариям с призывом воспользоваться председательством Канады в 2018 г. в G7 и продвигать интересы Украины на полях форума. В частности, там говорится следующее: «Для встречи лидеров G7 в Шарлевуа 8–9 июня Канада должна: организовать для лидеров G7 специальное мероприятие, посвященное восстановлению мира на Украине и прекращению вторжения России и оккупации территории Украины»¹³. Настрой данной организации и ее отношение к России понятны.

Нельзя не вспомнить принятый Канадой в октябре 2017 г. «Акт Магнитского», автором которого стала сенатор-консерватор Рейнелл Андрейчук, поддержанный сенатором-консерватором Дэвидом Ткачуком, которые имеют украинские корни. А версию закона для Палаты общин написал депутат Парламента, консерватор Джеймс Безан, который также является потомком украинских иммигрантов. Следует заметить, что США приняли этот закон еще в 2012 г., а вот Канада приступила к его рассмотрению лишь после событий на Украине в 2014 г.

Также стараниями вышеназванных сенаторов и депутатов Парламента Голодомор 1932–1933 гг. был признан Канадой геноцидом, а весь месяц апрель установлен как месяц памяти жертв геноцида. Следует отметить, что именно Андрейчук содействовала тому, что Голодомор 1932–1933 гг. был признан Парламентом Канады как геноцид против украинского народа.

Как видно, украинская диаспора очень смело и весьма настойчиво продвигает свои интересы и довольно успешна в своих начинаниях. «Информационное давление украинской диаспоры и в особенности УКК оказывает беспрецедентное влияние на формирование взглядов современной канадской политической элиты...»¹⁴.

С приходом к власти либерального правительства во главе с Дж. Трюдо в 2015 г. возлагались надежды на улучшение отношений с Россией. В этой связи вспоминался и Трюдо-старший, который проводил смелую и независимую от США

внешнюю политику и испытывал довольно дружественные чувства к России. Надежды добавляла встреча бывшего премьер-министра Канады Жана Кретьена и Владимира Путина, на которой обсуждались актуальные международные проблемы. Позитивный прогноз для канадско-российских отношений дал и министр иностранных дел России С. Лавров на ежегодной пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 г.: «Учитывая те комментарии, которые делает Д. Трюдо и его коллеги по внешней политике, можно рассчитывать, что появляются возможности выправить наши двусторонние отношения, которые были абсолютно искусственно и бессмысленно осложнены. Повторю, предвыборная риторика и риторика нового правительства после выборов указывают, что они (Д. Трюдо и члены Либеральной партии. – Е. Б.) готовы возобновить диалог по международным проблемам и восстанавливать двустороннее сотрудничество»¹⁵.

Кроме того, тогдашний министр иностранных дел С. Дион выступал за возобновление диалога с Москвой. Его ответ на заявление С. Лаврова был такой: «У нас много разногласий с российским правительством, но определенно прекращение диалога – не выход, в то время когда США, Европа, Япония, все, кроме Канады, ведут диалог с Россией»¹⁶. Арктический совет предполагался как площадка для возобновления этого диалога. К тому же С. Дион был противником принятия Акта Магнитского, полагая, что он ухудшит из без того напряженные отношения с Москвой. Однако С. Дион вскоре был отправлен в отставку, а его место заняла канадка с украинскими корнями Христя Фриланд, которая отличается довольно агрессивной позицией в отношении России. Ее назначение, призванное успокоить противников размораживания российско-канадского диалога, создаёт дополнительные, очень существенные препятствия на пути нормализации отношений¹⁷ и служит подтверждением избранного курса на конфронтацию с Россией. Тесные родственные и идейные связи с Украиной не стоит недооценивать, тем более что, по мнению экспертов, Х. Фриланд обладает большим влиянием на Дж. Трюдо¹⁸.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, согласно которому независимо от того, какой кабинет находится у власти в Канаде, в сложившейся международной ситуации Канада не имеет альтернатив избранному внешнеполитическому курсу в отношении России и скована в своих действиях. С одной стороны – США, с которыми Канада ни в коем случае не будет портить отношения. Это объясняется в первую очередь тесными экономическими связями, а также привычным для Канады следованием внешнеполитическому курсу США, которое началось еще в середине XX в. – с момента образования НАТО, одним из учредителей которого она выступила. Следовательно, во второй половине XX – начале XXI в. внешняя политика Канады отражала ее

приверженность альянсу НАТО, англосаксонской политической ментальности. И именно этот факт объясняет четкое следование канадской внешней политики внешнеполитическому курсу США. С другой стороны – наличие влиятельного украинского лобби внутри страны, которое на данный момент и задает тон риторики Канады в адрес России и всячески старается повлиять на ее политику. По мнению Е. В. Израеляна, «главным фактором, определяющим тональность диалога между Москвой и Оттавой, по-прежнему будет состояние российско-американских отношений, которые в ближайшем десятилетии будут носить характер противостояния... Против «оттепели» будет выступать сильное антироссийское украинское лобби в Канаде»¹⁹.

Таким образом, на сегодняшний день канадская внешняя политика в отношении России формируется из двух составляющих: во-первых, внешней политики США в отношении России, нежеланием ей противоречить и, во-вторых, наличия влиятельного украинского лобби. Поэтому даже если позиция США и будет смягчена, то отношение канадских украинцев к России не изменится, ведущаяся пропаганда надежно укрепится в умах тех, на кого она направлена.

Примечания

- 1 См.: Данилов С. Ю. История Канады. М. : Весь мир, 2006. С. 256.
- 2 Rurikov D., Kinsman J. Between Friends. Can Canada and Russia Open a New Chapter in Their Relations? // *Canada Among Nations 2009–2010. As Others See Us*. P. 233.
- 3 См.: Израелян Е. В. Евтихевич Н. С. Гуманитарные аспекты внешней политики Канады. М. : ИСКРАН, 2013. С. 96.
- 4 См.: Израелян Е. В. Канадско-российские отношения : окончательный разрыв или временное охлаждение? // *Канадский ежегодник*. 2014. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rossiysko-kanadskie-otnosheniya-okonchatelnyu-razryv-ili-vremennoe-ohlazhdenie> (дата обращения: 06.06.2018).
- 5 См.: Канадская телерадиовещательная корпорация. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/stephen-harper-john-baird-compare-russia-to-ww-ii-era-germany-1.2559643> (дата обращения: 06.06.2018).
- 6 «The Globe and Mail». URL: <https://www.theglobeandmail.com/globe-debate/our-duty-is-to-stand-firm-in-the-face-of-russian-aggression/article19767742/> (дата обращения: 06.06.2018).
- 7 См.: Канадская телерадиовещательная корпорация. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/stephen-harper-says-russia-can-t-rejoin-g-7-with-putin-in-power-1.3101040> (дата обращения: 06.06.2018).
- 8 Grant G. Lament for a Nation : The Defeat of Canadian Nationalism. Toronto : McClelland&Stewart Limited, 1965.
- 9 Cohen A. While Canada Slept : How We Lost Our Place in the World. Toronto : McClelland&Stewart Limited, 2003.
- 10 См.: Статистическая служба Канады. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/hltfst/imm/Table.cfm?Lang=E&T=31&Geo=01> (дата обращения: 06.06.2018).
- 11 См.: Кузьмина Т. П. Украинская национальная диаспора как фактор влияния на формирование внешней политики Канады // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. СПб. : РОИК/ИСКРАН, 2015. Вып. 8. С. 3.
- 12 См.: «Эхо Украины». URL: <http://www.homin.ca/news.php/news/18845/group/23> (дата обращения: 06.06.2018).
- 13 Там же.
- 14 Кузьмина Т. П. Украинская национальная диаспора... С. 9.
- 15 Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2032328 (дата обращения: 06.06.2018).
- 16 Канадская телерадиовещательная корпорация. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/russia-canada-relations-diplomacy-dion-lavrov-1.3420781> (дата обращения: 06.06.2018).
- 17 См.: Израелян Е. В. Фактор Трампа и российско-канадские отношения // *Россия и Америка в XXI веке*. 2017. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=568> (дата обращения: 06.06.2018).
- 18 См.: Кузьмина Т. П. Новый министр иностранных дел Канады : новый курс? // *Канадский ежегодник*. 2017. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/novyy-ministr-inostrannyh-del-kanady-novyuy-kurs> (дата обращения: 06.06.2018).
- 19 Израелян Е. В. Российско-канадские отношения на перепутье. Российский Совет по международным делам. 2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-kanadskie-otnosheniya-na-perepute/> (дата обращения: 06.06.2018).

Образец для цитирования:

Балкылыч Е. О. Зачем Канаде санкции? Определяющие факторы современной внешней политики Канады в отношении России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 204–207. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-204-207>

Cite this article as:

Balkylych E. O. What does Canada Need Sanctions for? Crucial Factors of Canadian Foreign Policy Towards Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 204–207 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-204-207>

УДК 329(44)

«Многовекторная дипломатия» Ж. Ширака (1995–2007 годы)

О. А. Смирнова

Смирнова Ольга Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, oasmirnova64@mail.ru

Статья посвящена деятельности Жака Ширака на посту президента Франции в период с 1995 по 2007 г. Специально рассматриваются ключевые направления политики главы Пятой республики, направленные на усиление её позиций на международной арене.

Ключевые слова: Жак Ширак, вильсоновский голлизм, внешняя политика Франции, Франция в ООН, французская дипломатия, национальная оборона Франции.

Multi-vector Diplomacy of J. Chirac (1995–2007)

О. А. Smirnova

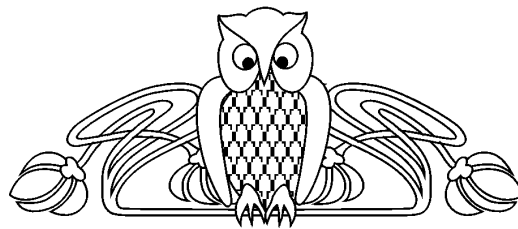
Olga A. Smirnova, <https://orcid.org/0000-0003-3822-2154>, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2 Ulyanov St., Nizhni Novgorod 603005, Russia, oasmirnova64@mail.ru

The article is devoted to the activity of Jacques Chirac as the French president in the period from 1995 to 2007. The key policy directions of the head of the Fifth Republic, aimed at strengthening its positions in the international arena are under consideration.

Keywords: Jacques Chirac, Wilson's holism, French foreign policy, France in the UN, French diplomacy, national defence of France.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-208-213>

Основатель современной V Республики Шарль де Голль оставил после себя уникальное теоретическое и практическое наследие, краеугольным камнем которого стала идея величия Франции. Принципиально важно то, что, несмотря на коренную трансформацию международных условий, в которых Шарль де Голль развивал свои идеи и проводил собственную политику, его наследие не потеряло значимости при президенте Ж. Шираке в 1995–2007 гг. Тема преемственности голлистского курса и особенностей внешней политики Франции в период президентства Ж. Ширака привлекала внимание многих ученых, в особенности французских. В этой связи можно отметить работы французского исследователя С. Берштейна, посвятившего свои труды изучению феномена голлизма и его наследия во внешней политике Французской республики. Большое значение для понимания теоретической базы голлизма и «неоголлизма» имеют труды известного политолога и историка Р. Ремонда «Правые во Франции» и

«Правые сегодня». Однако эти работы посвящены в большей степени голлистским идеям и принципам, а не анализу конкретных акций голлистской политики. В частности, представляет интерес работа современного французского исследователя М. Вайса «Могущество или влияние? Франция в мире с 1958 г.». Одним из российских исследователей, занимающихся комплексным изучением современной французской внешней политики, является профессор МГИМО Е. О. Обичкина. Проблема «неоголлизма» была рассмотрена политологом К. П. Зуевой в статье «Внешняя политика Франции в эпоху неоголлизма».

Во время своего президентства Ж. Ширак огромное внимание уделял развитию внешнеполитической деятельности. Он хотел, чтобы Французская республика была услышана и находилась в центре разрешения мировых проблем. Основной акцент президент делал на усилении французского присутствия в ООН. Во время празднования 50-летия организации Ж. Ширак заявил: «Мир нуждается в ООН»¹. А. Жюппе также отметил: «Спустя 50 лет с момента создания ООН остаётся основой международной системы. Освобождённая от блоковой политики Востока–Запада, которая тормозила деятельность Совета Безопасности, организация активизировала свои инициативы... где Франция играет особую роль»². Франция видит в ООН основной элемент международного управления, способствующий установлению уравновешенных и упорядоченных дипломатических отношений³. Таким образом, в условиях изменения мирового порядка после окончания холодной войны Франция Ж. Ширака увидела новые перспективы усиления своего влияния в мире с помощью ООН.

Наиболее яркой иллюстрацией тому служит позиция Франции по поводу вторжения США в Ирак в 2003 г.⁴ С момента выхода Республики из военной организации НАТО в 1966 г. иракский кризис стал самым серьёзным испытанием во франко-американских отношениях. Франция не выступала в поддержку Саддама Хусейна, но отстаивала ряд принципов: во-первых, международное вмешательство в дела суверенных государств должно осуществляться только под эгидой ООН; во-вторых, ООН может прибегнуть к применению силы только в случае угрозы миру; в-третьих, французская дипломатия отличалась от американской доктриной превентивной войны⁵. 10 марта 2003 г. Ж. Ширак заявил, что Франция использует своё право вето в Совбезе⁶. Вследствие

американского ультиматума, предъявленного Ираку 17 марта, Ж. Ширак вновь подтвердил неприятие всякого унилатерализма⁷.

Анализируя дипломатические инициативы Ж. Ширака, Пьер Асснер отмечает, что французский президент поставил «голлистскую риторику на службу концепции, которая предоставляет центральное место тому, что сам Ш. де Голль называл «штуковиной» и чей авторитет не признавал». Пьер Асснер ссылается на известное высказывание Шарля де Голля: «Штуковина, которую зовут ООН»⁸. По его мнению, в этой связи можно говорить о «вильсоновском голлизме»⁹ Ж. Ширака, сочетающем черты политики национальной независимости в принятии внешнеполитических решений и поддержки международного права и ООН.

Ж. Ширак также заявляет о необходимости расширения сферы применения *ratione materiae* международного права с тем, чтобы управлять процессами глобализации, которую он сравнил с «настоящей революцией международного порядка»¹⁰.

В этом смысле, принимая во внимание тот факт, что французское влияние осуществляется в определенной мере через культурное воздействие, президент выразил своё стремление защитить французский язык и французскую культуру и в целом – культурное многообразие всего мира. Он подтвердил, что «культура не должна быть подчинена торговле» и, что «пришло время возвести культурное многообразие в принцип международного права»¹¹. Приводя примеры Всеобщей декларации о культурном многообразии, принятой 28 ноября 2001 г. ЮНЕСКО, и саммит в Йоханнесбурге в сентябре 2002 г., который признал культурное многообразие одной из составляющих устойчивого развития, Ж. Ширак высказался за принятие «новой международной конвенции о культурном многообразии», которая впоследствии и была принята 20 октября 2005 г. ЮНЕСКО¹². К тому же он настоял на том, чтобы принцип уважения культурного многообразия был вписан в будущую Конституцию ЕС как одна из основных целей Союза¹³.

30 января 2004 г. Ж. Ширак вместе с Генсеком ООН Кофи Аннаном встретился в Женеве с бразильским президентом Луисом Лулой да Силва и чилийским президентом Рикардо Лагосом в рамках четырёхстороннего совещания, посвящённого способам реализации Проекта «Тысячелетие по борьбе с бедностью и голодом»¹⁴. 20 сентября 2004 г. Ж. Ширак посетил подготовленное ООН мероприятие в Нью-Йорке по проблемам социального измерения глобализации, развития, борьбы с бедностью, принял участие в созванном МОТ совещании, посвященном докладу «О социальном измерении глобализации» и призвал предприятия подписать Глобальный договор ООН¹⁵. Данный договор ставил задачу развития принципов социальной ответственности бизнеса, участия в

решении наиболее острых проблем общества как на глобальном, так и на местном уровне. Договор призывал деловые круги руководствоваться в своей деятельности десятью основополагающими принципами в области соблюдения прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией. Вместе с президентом Бразилии французский президент даже высказался за установление мирового налога с целью борьбы с бедностью. По его мнению, международное налогообложение «неизбежно»¹⁶.

Поддержанные Генеральным Секретарём ООН, президенты Франции и Бразилии рекомендовали также ввести особый налог на авиабилеты, для того чтобы финансировать борьбу со СПИДом (введён 1 июля 2006 г.)¹⁷. На международном экономическом форуме в Давосе 26 января 2005 г. Жак Ширак предложил попробовать ввести «отчисления международной солидарности» для борьбы со СПИДом¹⁸. Кроме того, в июле 2005 г. он призвал мировое сообщество принять участие в создании международного налога на авиабилеты, с тем чтобы финансировать борьбу с важнейшими пандемиями, такими как СПИД, туберкулёз, малярия¹⁹.

Особой заботой президента Ж. Ширака стала защита окружающей среды: «Наш дом горит, а мы смотрим в другую сторону»²⁰, – заявил он на международном саммите в Йоханнесбурге. Ж. Ширак горячо поддержал Киотский протокол, по которому 38 индустриально развитых стран, в том числе и Франция, должны снизить выбросы парникового газа в период 2008–2012 гг. 23 сентября 2003 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН французский президент высказался за создание «Организации Объединённых Наций по вопросам окружающей среды»²¹. Наконец, он высказался за необходимость регулирования международным правом медицинской этики²².

Таким образом, стоит отметить, что в условиях нового мирового порядка Ж. Ширак уделял большое внимание развитию французской дипломатической инициативы, поскольку видел в ней одну из основных возможностей Франции оказывать влияние на решение глобальных проблем. Если во время холодной войны ООН была скована жёсткой биполяризацией, то с окончанием противостояния Востока – Запада появилась новая возможность для усиления её влияния в системе международных отношений. В этой связи Ж. Ширак активизировал деятельность Франции в ООН, опираясь на постоянное членство в Совбезе.

Несмотря на приоритет дипломатии в вопросе сохранения французского влияния в условиях нового мирового порядка, Ж. Ширак не оставил без внимания и военный аспект. Первый президент V Республики генерал де Голль, закладывая новый внешнеполитический курс, начал с армии и обороны. Ж. Ширак действовал в том же духе: первой громкой акцией нового французского президента было возобновление ядерных испытаний

на атолле Муруроа в Тихом океане, объявленное 15 июня 1995 г.²³ Как заметил известный политический обозреватель А. Дюамель, «последняя серия ядерных испытаний была призвана показать миру, что его (Ж. Ширака) Франция намерена отдавать предпочтение тому, что она считает национальным интересом, перед всеми другими соображениями»²⁴. Кроме того, эти испытания заканчивали серию работ по модернизации французского атомного оружия, что позволяло приступить к сокращению сил ядерного сдерживания, которое вписывалось в мировую тенденцию ядерного разоружения, но в опоре на усиленную ядерную мощь. В международной сфере планы Ширака вписывались в классический голлистский курс на создание коллективной европейской мощи, главной вдохновительницей и главной военной силой которой стремилась стать Франция²⁵.

Однако первый решительный шаг президента Ж. Ширака закончился неудачей. В результате объявления ядерных испытаний международный авторитет Франции больше пострадал, чем повысился²⁶. Возобновляя ядерные взрывы, Ж. Ширак был убежден, что Франции необходимо закончить серию испытаний, если она хочет сохранить надёжность и дееспособность своего ядерного арсенала. Однако он выбрал крайне неудачное время для реализации своего решения – 50-летие бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, что вызвало нескрываемое возмущение и осуждение некоторых стран²⁷ и вынудило Ж. Ширака сократить сроки проведения и число взрывов до шести вместо восьми, предусмотренных в этой серии²⁸. Кроме того, окончание холодной войны поставило под вопрос необходимость ядерного сдерживания, что изменило отношение к ядерному оружию в Европе и в самой Франции, где 60 % опрошенных высказались против решения президента²⁹. Франция предстала страной, игнорирующей интересы и чувства своих соседей и союзников. Политические обвинения со стороны некоторых стран часто сопровождалась призывами к бойкотированию французских продуктов на международном рынке³⁰. Последовавшие вскоре предложения Франции сделать французские ядерные силы основой автономной европейской обороны были отвергнуты членами ЕС, в первую очередь Германией.

Как объяснил политолог П. Бонифас, своим решением Ж. Ширак «показывал французам, что он мог иметь свою точку зрения, отличную от точки зрения его предшественника, по крайне сложной проблеме, даже если этот предшественник торжественно заявил о том, что это невозможно. Он показывал в особенности, что способен принять непопулярное решение, как во Франции, так и за границей, если он считал, что в этом состоит высший интерес страны. Наконец, он совершал поступок в стиле голлизма, возрождая образ одинокой, суверенной и гордой Франции, отважно противостоящей осуждению мировой обществен-

ности»³¹. Однако, как показала действительность, волюнтаризм французского президента вступал в противоречие с изменившимися международными условиями конца 90-х гг., что заставило французскую дипломатию давать «обратный ход»³². 29 января 1996 г. Ж. Ширак объявил об «окончательном прекращении французских ядерных испытаний»³³. Кроме того, были ратифицированы Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Решительно высказавшись за разоружение³⁴, французский президент заявил о решении подписать протоколы к договорам Тлателолко (1967 г.), Раротонга (1985 г.) и Пелиндаба (1996 г.) о создании на территории Латинской Америки и Карибского бассейна, южной части Тихого океана и Африки соответственно зон, свободных от ядерного оружия³⁵. Также был подписан Бангкокский договор от 15 декабря 1995 г. о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии³⁶.

Глубокие изменения в военно-стратегической доктрине Франции, нашедшие свое отражение в Белой книге по обороне 1994 г.³⁷, определили «революцию в обороне», провозглашенную Ж. Шираком в феврале 1996 г. В своём выступлении от 23 февраля он озвучил формулу «более эффективной, но менее дорогостоящей обороны»³⁸. Это было обусловлено, с одной стороны, геостратегическими изменениями на мировой арене, а с другой – необходимостью сокращения расходов на оборону. По мнению французского президента, цель военной реформы заключается в создании таких вооруженных сил, которые по своему содержанию соответствовали бы статусу великой державы и военно-политическим амбициям Франции³⁹, которая по-прежнему стремилась сохранить за собой ранг державы с европейской и мировой ответственностью, а для этого ей было необходимо подкрепить свою дипломатическую активность военной эффективностью⁴⁰.

Французское военно-политическое руководство при проведении военной реформы преследовало следующие цели:

- 1) эффективную защиту своих интересов за пределами национальной территории;
- 2) создание независимой системы обороны, строительство которой является приоритетным направлением военно-политической деятельности Франции;
- 3) проведение миротворческих операций по поддержанию и восстановлению мира. Участие в подобных операциях, по мнению Ж. Ширака, для Франции должно стать приоритетным направлением её военной политики;
- 4) обеспечение внутренней безопасности от плохо контролируемых иммиграционных потоков, терроризма, от религиозных экстремистов, наркоторговли, организованной преступности⁴¹.

Для выполнения вышеуказанных целей предусматривались следующие меры:

- переход к профессиональной армии с суще-

ственно сокращённой численностью персонала (на 143 тыс. чел.);

- сокращение военного бюджета до 185 млрд. фр. в год (на 1997–2002 гг.), что, тем не менее, сохраняло за Францией первое место среди стран ЕС в области оборонных расходов;

- рационализация политики военного оснащения;

- структурная перестройка ВПК Франции;

- модернизация французских ядерных сил.

Профессионализация армии означала: создание корпуса внешнего вмешательства для участия в операциях по поддержанию мира и гуманитарных акций; постепенный отказ от обязательной военной службы, на смену которой должен прийти краткосрочный призыв граждан на 5 дней для тестирования физических способностей, школьной, технической и психологической подготовки (так называемые «rendez-vous citoyen»), набор добровольцев по срочному контракту; резкое уменьшение численности регулярной армии (кроме жандармерии) за счёт значительных премий досрочно увольняемым отставникам; сокращение армейской недвижимости⁴². Таким образом, отныне оборона Франции должна была основываться не на законах количества, но на высокой эффективности разведки, техники и персонала.

Что касается ядерного щита французских вооружённых сил, то геополитические изменения и соображения бюджетной экономии привели к упразднению его наземной составляющей. Правительство А. Жюппе (премьер-министр) отказалось от замены устаревших баллистических ракет на плато Альбион (на что потребовалось бы от 10 до 30 млрд франков)⁴³. Комментируя это решение, министр обороны Ш. Миллон заявил, что доктрина ядерного сдерживания генерала де Голля не потеряла своей актуальности. Речь идёт о модернизации французских ядерных сил: решение президента Ж. Ширака касалось как отказа от наземной составляющей, так и модернизации морской (океанской) и воздушной составляющих стратегических ядерных сил. При этом французское правительство неизменно подчёркивало, что ядерное сдерживание Франции не замыкается в национальных рамках. Франция настойчиво продолжает голлистский курс на европеизацию французской ядерной мощи, вернее, на согласование ядерного сдерживания в рамках ЕС на базе модернизированных французских ядерных сил⁴⁴.

В 2006 г. была пересмотрена французская концепция ядерного сдерживания, о чём Ж. Ширак заявил в конце января во время своего визита на военно-морскую базу Иль-Лонг, где размещаются атомные подводные лодки, оснащенные ядерным оружием. В своей речи президент объявил об изменениях в ядерной доктрине Франции и обозначил её основные приоритеты, к которым добавились борьба против терроризма, защита союзников и обеспечение стратегических поставок⁴⁵. Президент заявил, что ядерное сдерживание «не предназна-

но для обуздания террористов-фанатиков», и что Париж не станет применять свои ядерные средства «в военных целях во время конфликтов»⁴⁶. Однако впервые глава французского государства, пусть и косвенно, указал на возможность использования ядерного оружия против «террористических государств», хотя и не упомянул конкретно какую-либо страну⁴⁷. Кроме того, Ж. Ширак обозначил борьбу с терроризмом как один из приоритетов для Франции, указав вместе с тем на сохранение «прежних угроз». Ещё одним новым положением доктрины стало упомянутая Ж. Шираком «гибкость реагирования стратегических сил» на различные угрозы взамен тотального и окончательного применения ядерного оружия⁴⁸.

Помимо всего прочего, в своей речи от 19 января 2006 г. Ж. Ширак подчеркнул важность ядерного сдерживания для Французского государства: «Наша оборона должна быть основана на уверенности в том, что, чтобы ни произошло, обеспечение наших жизненно важных интересов будет гарантировано. Роль такого гаранта принадлежит ядерному сдерживанию... С момента появления французские ядерные силы обеспечивали оборону нашей страны и способствовали сохранению мира. Сегодня они продолжают стоять на страже для того, чтобы мы могли жить в свободной стране, хозяйке своего будущего и своей судьбы. Они продолжают и продолжат быть решающим гарантом нашей безопасности»⁴⁹.

Таким образом, реформирование и модернизация национальной обороны Франции стали одним из важнейших приоритетов политики Ж. Ширака. Основной целью обозначенных реформ было укрепление статуса Франции как сильного и самостоятельного государства, способного подкрепить свою дипломатическую деятельность военной эффективностью, что вполне отвечало духу голлизма. Укрепление и повышение качества военной мощи Франции исходили из последних геополитических реалий. При этом Франция стремилась не просто укрепить свою оборону, она хотела стать вдохновительницей создания автономной европейской обороны.

Примечания

- ¹ *Chirac J.* Discours devant l'Assemblée générale des Nations Unies à l'occasion de la célébration du cinquantenaire de l'organisation le 23 octobre 1995 // Site officiel de la présidence de la République Française. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/1995/octobre/discours_de_m_jacques_chirac_president_de_la_republique_devant_l_assemblee_generale_des_nations_unies_a_l_occasion_de_la_celebration_du_cinquantenaire_de_l_organisation.2587.html (дата обращения: 30.05.2018).
- ² *Juppé A.* Quel horizon pour la politique étrangère de la France? // Politique étrangère. 1995. № 1. P. 253.
- ³ *Lombart L.* La politique extérieure du président J. Chirac dans un monde américano-centré // AFRI. 2007. 03-17.

- URL: <http://www.afri-ct.org/La-politique-exterieure-du?lang=fr> (дата обращения: 30.05.2018).
- 4 *Colombani J.-M., Wells W.* France et Amérique : Déliaisons dangereuses. Paris : Editions Jacob-Duvernet, 2004. P. 85–86.
  - 5 *Villepin D. de.* Discours prononcé à l'ONU lors de la crise irakienne le 14 février 2003 / Wikisource. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Discours_prononc%C3%A9_%C3%A0_l'ONU_lors_de_la_crise_irakienne_-_14_f%C3%A9vrier_2003 (дата обращения: 30.05.2018).
  - 6 *Vaisse M.* La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958. P. : Fayard, 2009. P. 515.
  - 7 *Chirac J.* Déclaration sur l'Iraq. le 18 mars 2003. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2003/mars/declaration_du_president_de_la_republique_sur_l_iraq.1763.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 8 См.: *Gaulle C. de.* Nantes le 10 septembre 1960 / Fondation Charles de Gaulle. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/accueil/de-gaulle-de-a-a-z.php> (дата обращения: 30.05.2018).
  - 9 *Hassner P.* Fausses manoeuvres // Revue internationale et stratégique. 2004. № 53. P. 61.
  - 10 *Chirac J.* Discours à l'occasion de la Conférence Internationale de Paris sur les nouveaux Financements du Développement. le 28 février 2006. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2006/fevrier/discours_du_president_de_la_republique_a_l_occasion_de_la_conference_internationale_de_paris_sur_les_nouveaux_financements_du_developpement.41706.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 11 *Chirac J.* Discours devant les personnalités réunies à Paris pour les 2e Rencontres internationales de la culture. le 2 février 2003. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2003/fevrier/discours_devant_les_personnalites_reunies_a_paris_pour_les_2e_rencontres_internationales_de_la_culture.3675.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 12 *Lombart L.* La politique extérieure du président J. Chirac dans un monde américano-centré. le 17 Mars 2007. URL: <http://www.afri-ct.org/La-politique-exterieure-du?lang=fr> (дата обращения: 30.05.2018).
  - 13 *Chirac J.* Lettre à M. Valéry Giscard d'Estaing, Président de la Convention sur l'avenir de l'Europe, sur la politique commune de l'Union en faveur de la préservation de la culture, de l'éducation et de la santé. le 7 mai 2003. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/lettres_et_messages/2003/mai/lettre_de_m_jacques_chirac_president_de_la_republique_a_m_valery_giscard_d_estaing_president_de_la_convention_sur_l_avenir_de_l_europe_sur_la_politique_commune_de_l_union_en_faveur_de_la_preservation_de_la_culture_de_l_education_et_de_la_sante.1061.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 14 Déclaration commune des Présidents Chirac, Lula, Lagos et du Secrétaire général de l'ONU sur la coopération internationale dans la lutte contre la faim et la pauvreté, Genève le 30 janvier 2004 // Vie-publique.fr URL: <http://discours.vie-publique.fr/cdp./html/047000019.html> (дата обращения: 30.05.2018).
  - 15 *Chirac J.* Discours à l'occasion de la réunion des entreprises signataires du Pacte Mondial. le 27 janvier 2004. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/janvier/discours_de_m_jacques_chirac_a_l_occasion_de_la_reunion_des_entreprises_signataires_du_pacte_mondial.1929.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 16 *Chirac J.* Allocution lors de la présentation des voeux du Corps diplomatique. le 6 janvier 2005. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2005/janvier/allocution_du_president_de_la_republique_lors_de_la_presentation_des_voeux_du_corps_diplomatique.27193.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 17 *Vaisse M.* La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958... P. 515.
  - 18 *Chirac J.* Discours devant le Forum économique mondial de Davos. le 26 janvier 2005. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2005/janvier/discours_du_president_de_la_republique_devant_le_forum_economique_mondial_dedavos.27548.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 19 *Chirac J.* Discours à l'occasion de la Conférence Internationale de Paris sur les nouveaux Financements du Développement. le 28 février 2006. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2006/fevrier/discours_du_president_de_la_republique_a_l_occasion_de_la_conference_internationale_de_paris_sur_les_nouveaux_financements_du_developpement.41706.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 20 *Chirac J.* Discours devant l'assemblée plénière du Sommet Mondial du Développement Durable. le 2 septembre 2002. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2002/septembre/discours_de_m_jacques_chirac_president_de_la_republique_devant_l_assemblee_pleni%C3%A8re_du_sommet_mondial_du_developpement_durable.1217.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 21 *Chirac J.* Discours à l'ouverture de la 58ème Session de l'assemblée générale des Nations Unies. le 23 septembre 2003. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2003/septembre/discours_du_president_de_la_republique_a_l_ouverture_de_la_58eme_session_de_l_assemblee_generale_des_nations_unies.690.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 22 *Chirac J.* Discours devant la 32e Conférence générale de l'UNESCO. le 14 octobre 2003. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/2003/octobre/discours_du_president_de_la_republique_devant_la_32e_conference_generale_de_l_unesco.2535.html (дата обращения: 30.05.2018).
  - 23 *Lombart L.* La politique extérieure du président J. Chirac dans un monde américano-centré...
  - 24 Цит. по: *Обичкина Е. О.* Франция на рубеже XX–XXI веков : кризис идентичности. М. : МГИМО, 2003. С. 198.
  - 25 Там же. С. 199

- ²⁶ См.: Рубинский Ю. И. Внешняя политика Франции : между преемственностью и переменами // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 70.
- ²⁷ Torrelli M. La reprise des essais nucléaires français. *Annuaire français de droit international*. P. : Editions du CNRS, 1995. P. 756–757.
- ²⁸ См.: Обичкина Е. О. Голлистская традиция в современной французской дипломатии // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 75.
- ²⁹ Обичкина Е. О. Франция на рубеже XX–XXI веков... С. 80.
- ³⁰ Torrelli M. La reprise des essais nucléaires français. *Annuaire français de droit international*... P. 757.
- ³¹ Boniface P. Avantages et limites du volontarisme en politique étrangère // *Revue internationale et stratégique*. 1997. № 25. P. 21.
- ³² Обичкина Е. О. Голлистская традиция в современной французской дипломатии... С. 75
- ³³ Torrelli M. La reprise des essais nucléaires français. *Annuaire français de droit international*... P. 758.
- ³⁴ Chirac J. Discours tenu à l'occasion du XXe anniversaire de l'Institut français des relations internationales. le 4 novembre 1999. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/1999/novembre/discours_du_president_de_la_republique_a_l_occasion_du_xxe_anniversaire_de_l_institut_francais_des_relations_internationales.1305.html (дата обращения: 30.05.2018).
- ³⁵ См.: Сыромятин А. В. Ядерная доктрина Франции // Современная Европа. 2006. № 3. С. 104.
- ³⁶ См.: Обичкина Е. О. Франция на рубеже XX–XXI веков... С. 80.
- ³⁷ Livre blanc sur la défense 1994. P. : La Documentation française, 1994.
- ³⁸ Chirac J. Allocution aux Armées prononcée à l'Ecole militaire. le 23 février 1996. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais_archives/interventions/discours_et_declarations/1996/fevrier/allocution_aux_armees_prononcee_par_le_president_de_la_republique_a_l_ecole_militaire.192.html (дата обращения: 30.05.2018).
- ³⁹ Цит. по: Малащенко О. А. Политические аспекты военной реформы Франции конца XX – начала XXI в. // Клио. Журнал для учёных. 2007. № 2 (37). С. 140.
- ⁴⁰ См.: Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. : МГИМО, 2003. С. 205.
- ⁴¹ См.: Малащенко О. А. Указ. соч. С. 140.
- ⁴² См.: Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров... С. 207.
- ⁴³ См.: Обичкина Е. О. Франция на рубеже XX–XXI веков... С. 80.
- ⁴⁴ См.: Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров... С. 207–208.
- ⁴⁵ Chirac J. Allocution lors de sa visite aux forces aériennes et océanique stratégiques le 19 janvier 2006. URL: http://www.elysee.fr/elysee/francais/interventions/discours_et_declarations/2006/janvier/allocution_du_president_de_la_republique_lors_de_sa_visite_aux_forces_aeriennes_oceanique_et_strategiques-landivisiau-l_ile_longue-finistere.38406.html (дата обращения: 30.05.2018).
- ⁴⁶ Chirac J. Allocution lors de sa visite aux forces aériennes et océanique stratégiques... URL: http://www.elysee.fr/elysee/francais/interventions/discours_et_declarations/2006/janvier/allocution_du_president_de_la_republique_lors_de_sa_visite_aux_forces_aeriennes_oceanique_et_strategiques-landivisiau-l_ile_longue-finistere.38406.html (дата обращения: 30.05.2018).
- ⁴⁷ Durand D. Dissuasion française : inflexion ou dérive? // *L'Humanité*. 2006. 01 – 20. URL: http://www.humanite.fr/2006-01-26_Tribune-libre_Dissuasion-francaise-inflexion-ou-derve (дата обращения: 30.05.2018).
- ⁴⁸ См.: Нестерёнкин В. Изменения в ядерной доктрине Франции // *Зарубежное военное обозрение*. 2006. № 3. С. 12.
- ⁴⁹ Chirac J. Allocution lors de sa visite aux forces aériennes et océanique stratégiques. le 19 janvier 2006. URL: http://www.elysee.fr/elysee/francais/interventions/discours_et_declarations/2006/janvier/allocution_du_president_de_la_republique_lors_de_sa_visite_aux_forces_aeriennes_oceanique_et_strategiques-landivisiau-l_ile_longue-finistere.38406.html (дата обращения: 30.05.2018).

Образец для цитирования:

Смирнова О. А. «Многовекторная дипломатия» Ж. Ширака (1995–2007 годы) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 208–213. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-208-213>

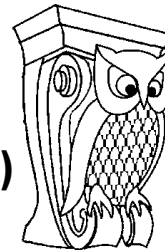
Cite this article as:

Smirnova O. A. Multi-vector Diplomacy of J. Chirac (1995–2007). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 208–213 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-208-213>

УДК 94(5)

Противостояние арабского и еврейского населения в Палестине: доминирование насилия и международный контекст (первая половина XX века)

С. В. Крупин

Крупин Станислав Вадимович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, staskru34@gmail.com

В статье выявляются основные причины доминирования насилия во взаимодействии арабов и евреев на Ближнем Востоке в первой половине XX в. Именно к этому времени окончательно оформился сионизм как политическая сила, а активная миграция евреев на территорию Палестины начала вызывать агрессивную реакцию со стороны арабов. Конфликт рассматривается через призму международного присутствия в регионе. Формулируется вывод, согласно которому Великобритания не справилась со стабилизацией ситуации на подмандатной территории.

Ключевые слова: Великобритания, Палестина, Ближний Восток, Израиль, сионизм, конфликт, медиация.

Conflicts of the Arab and Jewish Population in the First Half of the 20th Century: the Domination of Violence and the International Context

S. V. Krupin

Stanislav V. Krupin, <https://orcid.org/0000-0002-5569-6477>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, staskru34@gmail.com

The paper is aimed at identifying the main causes of the dominance of violence in the interaction of Arabs and Jews in the Middle East in the first half of the 20th century. At that time Zionism finally took shape as political force, and the active migration of Jews to the territory of Palestine began to provoke the Arabs. The author researches the conflict through the prism of the international presence in the region and concludes that the UK has not coped with the stabilization of the situation in the mandated territory.

Key words: Great Britain, Palestine, Middle East, Israel, Zionism, conflict, mediation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-214-218>

В начале XIX в. основная масса евреев (более 90 %) проживала в странах Европы, в то время как в Палестине их было около 5 тыс. человек. Постепенно их численность увеличивалась, и к концу столетия количество евреев в Палестине составляло уже около 50 тыс. человек¹. Именно в это время в Европе возникает новая политическая сила – сионизм, главной целью которого провозглашалось создание еврейского государства на своей исторической родине – на территории Палестины. С 29 по 31 августа 1897 г. по инициативе Теодора Герцля – еврейского общественного и

политического деятеля – в швейцарском городе Базель состоялся Первый сионистский конгресс. Он одобрил Базельскую программу, в которой провозглашалось: «Сионизм стремится создать для еврейского народа обеспеченное законом убежище в Палестине»². Иными словами, в 1897 г. желание евреев вернуться на исторические земли и попытки закрепиться на этой территории переросли в политическое движение, задачей которого было создание протогосударственных структур на Ближнем Востоке.

Для достижения этой цели сионисты планировали действовать по четырем направлениям: поселение в Палестине сельскохозяйственных рабочих и представителей технических профессий, организация еврейского национального движения в различных государствах, усиление национальных чувств евреев и, наконец, разъяснительная работа среди иностранных правительств.

Последнее удачно совпало с намерениями Лондона укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. В 1917 г. в Великобритании был представлен документ под названием «Декларация Бальфура». В письме министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура представителю британских евреев барону У. Ротшильду говорилось об одобрении правительством Его Величества создания в Палестине национального очага для еврейского народа. При этом подчеркивалась недопустимость «никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине»³. Очевидно, целью содействия переселению британских евреев на территорию Палестины был пересмотр Соглашения Сайкса – Пико и закрепление контроля Британской империи над регионом, за влияние в котором она конкурировала с Францией и в меньшей степени с Россией и Италией.

Напомним, Соглашение Сайка – Пико – тайное соглашение между правительствами Великобритании, Франции, России и позднее Италии, в котором разграничивались сферы интересов на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Соглашение было подписано 16 мая 1916 г. французским и британским дипломатами Франсуа Жорж-Пико и Марком Сайксом. Согласно договоренностям Лондон получал территорию, соответствующую современным Иордании, Ираку, и районы вокруг городов Хайфа и Акко. Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан. России должны были

отойти Босфор и Дарданеллы, Константинополь, Западная Армения и часть Северного Курдистана (район Хаккяри). Италия имела зону влияния в Юго-Западной Анатолии, а также часть Западной и Центральной Анатолии.

Основу конфликта между арабами и европейцами, а также прибывающими на Ближний Восток евреями заложило то обстоятельство, что ранее Великобритания обещала арабам, сражавшимся с распадавшейся Османской империей, создание собственного государства на освобожденных от турок землях. Так, в соглашении между верховным комиссаром Великобритании в Египте Мак-Магоном и теократическим главой Мекки Хусейном аль-Хашими арабам гарантировалось создание национального государства на территории Палестины, части Сирии, Месопотамии и Аравийского полуострова в случае начала вооруженной национально-освободительной войны против турок, которая должна была подорвать боеспособность Османской империи во время Первой мировой войны. В этой связи «Декларация Бальфура» воспринималась арабами как предательство и сговор за спиной населения Палестины в пользу еврейского народа⁴.

Обнародование Декларации ожидаемо повлекло за собой новую волну еврейской эмиграции в Палестину. С 1919 по 1921 г. в регион прибыли около 18 тыс. евреев⁵. Именно с увеличением количества еврейского населения в регионе, по нашему мнению, связана первая заметная вспышка насилия арабского населения в отношении еврейских иммигрантов в Палестине. Она произошла 4 апреля 1920 г., когда начались беспорядки вокруг Старого города Иерусалима. Выступления арабских религиозных лидеров во время празднования фестиваля Наби Муса (от которого беспорядки и получили одно из своих названий) об активной иммиграции евреев и об имеющейся вследствие этого напряженности в регионе спровоцировали столкновения мусульман с иудеями. Так, Ареф аль-Ареф, редактор популярной националистической газеты «Южная Сирия», заявил: «Если мы не используем силу против евреев, мы никогда от них не избавимся»⁶.

После выступлений арабы шествием двинулись в иудейские кварталы, где совершали нападения на евреев. Доподлинно неизвестно, что послужило поводом для начала агрессии со стороны арабов. Нападения, несмотря на тщетные попытки британской полиции навести порядок, продолжались 4 дня. В результате столкновений пять евреев были убиты, сотни получили ранения. Также во время восстановления порядков от рук полиции погибли четверо арабов⁷.

Британское военное управление, контролировавшее территорию, подверглось критике с обеих сторон за то, что за три дня до столкновений вывело значительную часть войск из Иерусалима, а также медленно восстанавливало порядок. Действия британцев подорвали доверие к Лондону как

со стороны арабов, так и со стороны евреев. Это означает, что один из инструментов сохранения мира между мусульманами и иудеями – медиация со стороны британцев – стал неэффективен. Способность же сторон конфликта вести конструктивный диалог самостоятельно явно отсутствовала.

Авторы книги «Городское насилие на Ближнем Востоке: изменение городских ландшафтов в переходном периоде от империи к национальному государству» не склонны рассматривать беспорядки Наби Муса как начало использования мусульманами насилия в виде основного способа взаимодействия арабов и евреев на территории совместного проживания. Однако Рубикон был перейден: насилие становилось средством достижения политических целей и этот процесс шел по нарастающей. И хотя в 20-е годы XX в. насилие было скорее одним из инструментов, нежели нормой при взаимодействии сторон, с этого момента и арабы, и евреи также поняли, что тактическое упреждение нападения имеет жизненно важное значение⁸. Это будет неоднократно продемонстрировано в арабо-израильских войнах второй половины XX в.

Тогда же, в 1920 г., была создана полуподпольная сионистская организация «Хагана» («Оборона»). Руководителем нового образования был назначен Эльяху Голомб, выступавший за сценарий жесткого противостояния насильственным действиям арабов⁹.

В следующее десятилетие еврейские организации активно покупали земли на территории Палестины и массово переселялись на Ближний Восток, особенно в связи с приходом к власти национал-социалистов в Германии. В 1930-е гг. в Палестине участились столкновения между арабами и евреями, а также вооруженные столкновения мусульман с колониальной администрацией Великобритании. Г. Исаев и А. Сотниченко считают, что «столкновения между арабами и еврейскими поселенцами имели как социально-политическую, так и культурную подоплеку». «Еврейские поселенцы воспринимали арабов как диких аборигенов, арабы же видели в евреях европейских колонизаторов, носителей совершенно иной – западной – культурной традиции, которая кардинально отличалась от палестинской»¹⁰.

Скупка евреями земель в Палестине, в том числе у местных арабов, приобрела такие масштабы, что в 1935 г. один из местных мусульманских политических и религиозных лидеров, муфтий Иерусалима Хаджи Амин аль-Хусейни выпустил фетву. В соответствии с этой фетвой арабы, продающие землю иудеям, признавались вероотступниками и их запрещалось хоронить на мусульманских кладбищах¹¹. Такие действия публичных лиц также дестабилизировали обстановку в регионе.

Напряженность между двумя народами находила выход и в агрессии по отношению к колониальным властям Великобритании. Палестинцы,

недовольные политикой Лондона, которая способствовала миграции евреев на Ближний Восток, а также слабо контролировала правопорядок на подмандатной территории, подняли восстание, известное как «Арабское восстание» 1936–1939 гг. Восстание началось как всеобщая забастовка и переросло в столкновения, в первую очередь, с британскими подданными. Власти Великобритании смогли подавить восстание, однако в целом не стабилизировали ситуацию в Палестине. Находившаяся в регионе в 1936–1937 гг. британская комиссия лорда Пила пришла к неутешительному для Англии выводу: мандатный режим не способен больше разрешить усиливающийся конфликт между арабами и евреями. Более того, англичане стали допускать всё больше ошибок¹². Их следующим политическим решением, которое спровоцировало новый виток напряженности в регионе, стало обнародование в мае 1939 г. доклада министра колоний Великобритании М. Макдональда британскому парламенту. Ранее, в феврале того же года, в Лондоне по рекомендации комиссии лорда Пила была созвана «Сент-Джеймсская конференция» с участием еврейских и арабских лидеров. Доклад стал более известен под названием «Белая книга»¹³, содержание которой явилось фактически пересмотром «Декларации Бальфура». В «Белой книге» содержались идеи по формированию на территории Палестины в течение 10 лет суверенного государства с арабским большинством. Предлагалось также разрешить мигрировать в Палестину в течение 5 лет 75 тыс. евреев, при этом ограничивалась покупка ими земли. К поддержке арабов, среди прочего, подталкивало понимание приближения большой войны, в которой арабы могли бы стать союзниками британцев в регионе.

Сионисты восприняли эти предложения крайне негативно. Ситуация с «Белой книгой» фактически стала повторять ситуацию с «Декларацией Бальфура», только теперь документ положительно воспринимался арабами и негативно – евреями. Против британской администрации на территории Палестины евреями была развернута масштабная террористическая деятельность, которая не прекращалась в течение всей Второй мировой войны. Так, в 1942 г. немногочисленная группа сионистских террористов организовала в районе Тель-Авива ряд политических убийств. В 1943 г. «Хагана» стала соорганизатором заговора с целью похищения оружия и боеприпасов у британской армии на Ближнем Востоке. Следующий год также был ознаменован рядом громких политических убийств сионистами. Среди самых резонансных террористических актов, совершенных иудеями, стал подрыв гостиницы «Царь Давид», где дислоцировалась британская администрация управления Палестиной. В результате подрыва 350-килограммовой бомбы погибли около 100 человек¹⁴.

Именно появление «Белой книги» обозначило внешнеполитическую переориентацию евреев – с Великобритании на США. Так, еще в 1942 г.

исполком Еврейского агентства (сионистская организация, деятельность которой направлена на репатриацию в Израиль и на сопутствующую деятельность) на своем заседании в гостинице Билтмор в Нью-Йорке признал британский мандат ограничивающим еврейское переселение на историческую родину и представил «программу Билтмора»¹⁵. В ней провозглашалась долгосрочная цель создания еврейского государства в Палестине путем неограниченной иммиграции.

Чуть позже был создан англо-американский комитет для изучения «палестинского вопроса», который пришел к выводу о том, что предоставление независимости Палестине в кратчайшие сроки невозможно, поскольку вражда между проживающими в одной стране арабами и евреями могла привести к гражданской войне. На фоне распада британской колониальной системы, постоянных вооруженных арабо-израильских столкновений и усилившегося давления со стороны сионистского лобби в США Великобритания приняла решение передать вопрос будущего Палестины на рассмотрение ООН.

Точкой бифуркации, определившей основы конфликтности в регионе, стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181, принятая 27 ноября 1947 г.¹⁶, утвердившая разделение Палестины на еврейское и арабское государства в соотношении площади территории для каждого в 56 % и 43 % соответственно. Иерусалим переходил под международное управление. В то время на территории Палестины проживало приблизительно 650 тыс. евреев и 1,2 млн арабов. Сионисты добились получения экономически более выгодной территории, имеющей выходы к Средиземному и Красному морям. Это решение и стало во многом причиной того, что внутреннее насилие с тех пор стало ключевой формой борьбы палестинцев за освобождение территории от еврейских поселений.

Для арабов разделение Палестины было неприемлемо. Они пообещали противостоять этому решению силой и призывали к забастовкам. В Хайфе, где проживали поровну по 70 тыс. иудеев и мусульман, состоялся митинг, на котором один из авторитетных палестинцев провозгласил, что если евреи собираются отнять у них землю, то они сбросят их в Средиземное море. Такие слова вызвали бурную поддержку у местных арабов. В такой заряженной атмосфере более умеренные палестинские движения не выступали против жесткой политики и вынуждены были сохранять молчание¹⁷.

Ситуацию дестабилизировала непоследовательность в позиции как СССР, так и США, относительно поддержки противоборствующих сторон. Так, Советский Союз поддерживал арабские национально-освободительные движения, укладывавшиеся в советское представление о борьбе с колониализмом. При этом СССР считал правильным создание арабо-израильского

двунационального государства и проголосовал за создание двух государств на территории Палестины в расчете на то, что евреи будут благодарны Москве за победу над нацистской Германией и за поддержку создания еврейского государства. Также предполагалось, что сионисты станут союзниками Москвы, поскольку значительное количество евреев были выходцами из СССР. Наконец, подразумевалось, что вполне логичным было поддержать стремление сионистов к полной независимости от Великобритании – конкурента Советского Союза в регионе.

Формальным поводом для поддержки Советским Союзом создания Израиля стали гонения на евреев во время Второй мировой войны. В 1947 г. Постоянный представитель СССР при ООН А. Громыко говорил: «Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств к существованию». «Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища»¹⁸. У арабов решение Советского Союза о поддержке создания двух государств на территории Палестины вызвало закономерное разочарование.

Соединенные Штаты в свою очередь также не придерживались однозначной позиции в палестинском вопросе. С одной стороны, Вашингтон поддержал создание еврейского государства. Мнение пятимиллионного еврейского населения в США также повлияло на решение внутри- и внешнеполитических вопросов. С другой стороны, американские нефтедобывающие корпорации не стремились поддерживать сионистов, поскольку такая позиция грозила потерей доверия арабских нефтедобывающих стран. «Среди противников признания Израиля были такие серьезные политики, как госсекретарь Дж. Маршалл, считавший, что еврейское лобби в США не должно определять политику Вашингтона на Ближнем Востоке. Скептически были настроены многие американские дипломаты, а также представители Пентагона»¹⁹, – говорится в одном из российских исследований. В продолжение этой позиции США перестали продавать оружие сионистским организациям и выступили за отсрочку создания двух государств. Такое предложение было отвергнуто евреями.

При отсутствии медиации со стороны крупнейших держав и при недостаточно укрепившейся ООН между арабами и евреями всё чаще вспыхивали вооруженные конфликты, которые приводили к значительным жертвам и с той и с другой стороны. На фоне эмбарго на ввоз оружия со стороны США британский флот также блокировал порты на Средиземном море, чтобы препятствовать проникновению вооружения в регион. Однако обе стороны при недостаточных усилиях Соединенных Штатов и Великобритании получали оружие контрабандой. Отряды добровольцев из Сирии, Ирака, Ливана и Трансиордании направлялись в Палестину для борьбы с евреями.

Первая фаза конфликта, последовавшая за решением Генеральной Ассамблеи ООН, представляла собой в основном атаки арабов на еврейские обозы и уличные бои в Яффе, Тель-Авиве и Иерусалиме. Это еще не было полномасштабной гражданской войной, а было скорее стычками, происходившими по порочному кругу: агрессивные действия одних вызывали жесткую реакцию других. Одним из самых кровавых эпизодов этой фазы конфликта стало нападение на арабское поселение Дейр-Ясин 9 апреля 1948 г., которую осуществили сионистские военизированные группировки Лехи и Иргун. В ходе атаки погибли 254 палестинца. Это вызвало сильнейший резонанс среди арабов и повлекло за собой бегство мусульман с территории Палестины, а также ответные атаки, в частности, на еврейский медицинский конвой 13 апреля 1948 г. Данные события стали одним из трагических символов арабо-израильского конфликта²⁰.

В целом события конца 1947 – начала 1948 г. характеризовались крайней жестокостью обеих сторон по отношению к мирным жителям, чего не наблюдалось за всю историю арабо-еврейских отношений. Это противостояние также можно назвать уникальным из-за того, что впервые именно в середине XX в. серьезно встал вопрос о палестинских беженцах. Арабы, имевшие финансовые возможности, старались покинуть Палестину и переселились в соседних странах. Катализатором массовой миграции также стали преувеличенные арабскими лидерами насилия со стороны евреев, что заставляло палестинцев покидать свои дома при первом появлении вражеских солдат в населенном пункте. Несмотря на то, что четко определенной тактики выселения арабов у евреев не было, такая политика в целом поощрялась сионистами повсеместно. Так, на встрече с военным командованием премьер-министр Израиля Давид Бен Гурион заявил: «В каждой атаке (против арабов) необходимо наносить решительные удары, разрушая их места проживания, выселяя жителей»²¹.

Фактический отказ и неспособность британцев взять на себя ответственность по реализации разделения Палестины на два государства привели к тому, что состояние отношений между арабами и евреями все более приобретало неуправляемый характер. Постепенно эти отношения сводились к повсеместным открытым вооруженным конфликтам и полномасштабному межгосударственному столкновению, развернувшемуся в мае 1948 г. и ставшему первой полноценной арабо-израильской войной.

Подводя итоги, можно сделать вывод, согласно которому основа долгосрочного арабо-израильского конфликта, наиболее острая фаза которого пришлась на вторую половину XX в., была заложена в 20-е гг. прошлого столетия. Причинами стала активная массовая иммиграция евреев на территорию Палестины и агрессивное неприятие

арабами новых поселенцев в регионе. На первых этапах насилие не было основным инструментом взаимодействия сторон, однако при пассивной роли Великобритании на подмандатной территории и ее непоследовательной позиции по вопросу еврейской миграции возможность мирного сожительства мусульман и сионистов была утрачена.

Примечания

- ¹ *Bachi R.* The population of Israel. Jerusalem, 1974. P. 5.
- ² 1897–2017 : Сто двадцать лет Первому Сионистскому Конгрессу // Министерство иностранных дел Израиля. URL: <http://mfa.gov.il/MFARUS/AboutIsrael/History/Pages/1897---2017-120-years-since-the-First-Zionist-Congress-in-Basel.aspx> (дата обращения: 21.01.2018).
- ³ The Balfour Declaration // Key documents // BBC News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/middle_east/israel_and_the_palestinians/key_documents/1682961.stm (дата обращения: 23.01.2018).
- ⁴ *Huneidi S.* *A Broken Trust : Sir Herbert Samuel, Zionism and the Palestinians.* New York, 2001. P. 84.
- ⁵ *Bachi R.* Op. cit. P. 6.
- ⁶ *Freitag U., Fuccaro N., Ghrawi C., Lafi N.* Urban Violence in the Middle East : Changing Cityscapes in the Transition from Empire to Nation State. Oxford, 2015. P. 188.
- ⁷ *Segev T.* One Palestine, Complete : Jews and Arabs Under the British Mandate. Oxford, 2001. P. 130.
- ⁸ *Freitag U., Fuccaro N., Ghrawi C., Lafi N.* Op. cit. P. 190.
- ⁹ См.: Еврейский экстремизм до 1948 года // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/jewish-extremism-before1948#ishuv> (дата обращения: 03.03.2018).
- ¹⁰ См.: *Исаев Г. Г., Сотниченко А. А.* Ближний Восток : война и политика. М., 2010. С. 19.
- ¹¹ *Bregman A.* Israel's Wars : A History Since 1947. London, 2000. P. 5.
- ¹² Ibid. P. 8.
- ¹³ British White Paper of 1939 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1939.asp (дата обращения: 19.10.2017).
- ¹⁴ См.: *Исаев Г. Г., Сотниченко А. А.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁵ Declaration adopted by the Extraordinary Zionist Conference at the Biltmore Hotel of New York City, May 11, 1942 // Zionism and Israel – Encyclopedic Dictionary. URL: http://www.zionism-israel.com/dic/Biltmore_Conference.htm (дата обращения: 11.11.2017).
- ¹⁶ См.: Резолюция ГА ООН № 181 // Официальный сайт ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/42/IMG/NR004042.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹⁷ *Bregman A.* Op. cit. P. 12.
- ¹⁸ *Штерениш М.* История Государства Израиль. Можайск, 2005. С. 114.
- ¹⁹ *Исаев Г. Г., Сотниченко А. А.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁰ *Bregman A.* Op. cit. P. 15.
- ²¹ Ibid.

Образец для цитирования:

Крупин С. В. Противостояние арабского и еврейского населения в Палестине: доминирование насилия и международный контекст (первая половина XX века) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 214–218. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-214-218>

Cite this article as:

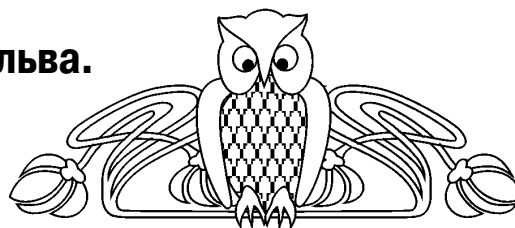
Krupin S. V. Conflicts of the Arab and Jewish Population in the First Half of the 20th Century: the Domination of Violence and the International Context. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 214–218 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-214-218>

УДК 94(569.1)

Политический портрет дамасского льва. Президент Сирии Хафез Асад

С. Н. Кулуева

Кулуева Сабина Намеддиновна, аспирант кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения, Казанский федеральный университет, Sabina_cool@mail.ru

В статье представлен политический портрет президента Сирии Хафеза Асада. Рассмотрены ключевые события из жизни сирийского руководителя, повлиявшие на становление его как политика; показаны роль и место Хафеза Асада как во внутривнутриполитической жизни Сирии, так и во внешней политике. При написании статьи первостепенное значение было отведено биографическому методу, ибо важно показать место личности в истории отдельно взятого государства. При проведении исследования акцент был сделан на соблюдение принципа объективности, посему как любая научная работа должна быть непредвзятой и лишена любой эмоциональной окраски.

Ключевые слова: Хафез Асад, Объединенная Арабская Республика, арабо-израильский конфликт, партия «БААС», операция «Буря в пустыне».

The Political Portrait of Damascus Lion. Syria's President Hafez Assad

S. N. Kulueva

Sabina N. Kulueva, <https://orcid.org/0000-0003-2482-7451>, Kazan Federal University, 55 Pushkin St., Kazan 420111, Tatarstan Republic, Russia, Sabina_cool@mail.ru

The purpose of this article is to represent the political portrait of Syrian president Hafez Asad. In order to pursue the goal, the following objectives were set. Firstly, to examine the key factors which shaped him as a politician. Secondly, to highlight the importance of Hafez Asad in internal and foreign policy of the country. The biographical method was of high priority because the author intended to show the place of a single person in the country's history. Particular attention was paid to usage of objectiveness principle hence all academic works should be non-biased and deprived of emotions.

Keywords: Hafez Asad, United Arab Republic, Arab-Israeli conflict, BAATH party, operation "Desert shield".

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-219-224>

Сирийская Арабская Республика является ключевым игроком ближневосточного региона. В первую очередь причиной тому служит стратегическое геополитическое положение государства. Во-вторых, умелая политика руководства страны, благодаря которому Сирия не только обрела полную независимость в 1946 г., но и превратилась в страну, чей голос имеет весомое значение при принятии решений по таким вопросам, как борьба с терроризмом, распределение водных ресурсов и поиск путей для мирного урегулирования ара-

бо-израильского конфликта. Фигура президента Сирии Хафеза Асада значимая. Доказательством этого служит большое количество работ, посвященных непосредственно личности сирийского президента и его политической карьере. Именно ему, а никакому другому политическому лидеру в истории государства, удалось около трех десятилетий единолично править государством.

Общеизвестно, что будущий президент Сирии вырос в небогатой семье. Его отец пользовался уважением среди своей общины. Именно поэтому его прозвище «вахиш» (с араб. «дикий») сменилось на «асад» (с араб. «лев»). Однако, как свидетельствует история, простое прозвище спустя некоторое время заменило полноценную фамилию. Маленький Хафез происходил из алавитской семьи, являющейся национальным меньшинством в Сирии. При правлении османов в империи царил толерантное отношение к представителям иных конфессий. Относительно Сирии ситуация, пусть и немного, но отличалась, однако алавитов предпочитали не замечать. Распад Османской империи желанного избавления не принес, ибо после конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Сирия попала под французский мандат. Во времена либеральной Франции представители национальных меньшинств получили возможность посещать школы. Днем мальчик учился, а после школы помогал по хозяйству. В будущем выходец из крестьянской семьи благодаря своему крепкому здоровью даже в жаркую погоду сможет выступать перед народом в течение двух часов и особо не утомляться.

Биографы Хафеза Асада отмечают, что он был одним из четырех детей из своей деревни, кто получил возможность поступить в среднюю школу. Мальчик отлично знал арабский язык, арифметику и те предметы, которые требуют заучивания. Как пишет В. В. Горбатова, «совершенствование памяти стало неким подобием семейной традиции и, уже в зрелом возрасте, прекрасные способности памяти Асада воспроизводить в мельчайших подробностях события прошлого были источником «беспокойного» восхищения среди персонала его политической команды. Его также отличало блестящее владение классическим арабским языком, особенно в спонтанных речах, произносимых на публике»¹.

Как уже говорилось, Хафез Асад происходил из алавитской (или нусайритской) общины. Нусайризм является синтезом ислама, христианства и язычества. Адепты данного учения почитают

Троицу, пьют вино и могут принимать крещение. «На протяжении всей своей истории алавиты презирались ортодоксальными мусульманами и занимали в левантийских обществах низшие ступени социальной иерархии, выполняя самые тяжелые и грязные работы. Алавиты выработали особые правила поведения в социуме: в отношениях с чужаками можно выдавать себя за мусульманина или представителя любой иной религии, при этом тайно исповедуя алавизм»².

Однако то самое особое отношение к алавитам Хафез смог полностью почувствовать на себе во время учебы в Латакии, где больше половины населения составляли мусульмане-сунниты. Кроме того, именно в средней школе он своими глазами смог лицезреть разделение общества на обеспеченных и бедных. Однажды во время урока бедно одетый учитель никак не мог совладать с учеником из богатой семьи. Не в силах терпеть больше его выходок, учитель в сердцах крикнул: «Вы ни за что не сможете купить мое достоинство за несколько лир!» и выбежал из класса. Все ученики понимали, что учитель из-за своего поступка лишится работы, так как жалование платили именно богатые родители. Уже в зрелом возрасте Хафез Асад с восхищением вспоминал учителя, называл его героем. До этого периода в своей жизни Хафез не особо чувствовал царящие в его государстве разделение населения на бедных и богатых, неясно понимал, что значит отличаться от большинства населения. Бедность и отличие от сверстников по религиозному принципу усложняли школьную жизнь юноши. Тем не менее именно данные обстоятельства во многом предопределят его партийные предпочтения в будущем.

Тот факт, что после окончания средней школы Хафез Асад поступает в Хомское военное училище, в литературе трактуется по-разному. Так, В. В. Горбатова отмечает, что на самом деле мечтой Асада была профессия врача, но ввиду отсутствия финансовых возможностей своей семьи он был вынужден поступить в военное училище, где обучение, проживание и питание были за счет государства. По истечении времени, став отцом большого семейства (у Хафеза Асада было пятеро детей), его сын Башар, нынешний президент Сирии, выучился на врача-офтальмолога. И. В. Котляров и Алаа Дин Хамдан аргументируют сей выбор Хафеза другими причинами. По их мнению, молодежь стремилась повторить подвиг «свободных офицеров» в Египте и даровать Сирии настоящую свободу. Вдобавок люди в военной одежде расценивались защитниками не только Родины, но и всех арабов, ибо Сирия была одним из главных противников Израиля в арабо-израильском конфликте. Молодой Хафез хотел отправиться на войну в качестве добровольца, однако в силу возраста получил отказ.

Благодаря упорному труду военная карьера Асада после окончания училища постепенно идет в гору. Пройдя отбор, он становится студентом

первого на то время расположенного в сирийском Алеппо авиационного училища. Затем Хафез поступает в академию ВВС, проходит летную стажировку в Египте и Советском Союзе. В Египте он летает под руководством Хосни Мубарака, а в Советском Союзе изучает азы пилотирования на МИГ-17. Огромная страна с мощной государственной промышленностью, высокими темпами развития экономики, впечатляющей обороной поразили молодого Хафеза. Скорее всего, уже тогда в его голове появились мысли о будущем устройстве Сирии. Кроме того, сближение с таким государством сулило большие выгоды, что в будущем он использует весьма ловко в многолетней борьбе против Израиля.

К концу 1950-х гг. Хафез становится командиром летного звена. Несмотря на успешную карьеру летчика, он не прерывает свою деятельность в партии. В БААС постепенно усиливается влияние Асада и его алавитского окружения. Однако создание в 1958 г. Объединенной Арабской Республики прерывает их перспективные планы, а именно укрепление позиций партии в армейских рядах. Создание единого государства требовало многих преобразований в государственной машине, в том числе изменений в идеологии и политике правящей партии. Офицеров-баасистов, а также Хафеза переводят в Египет. По мнению А. Родригеса, «трудности, возникшие при интеграции двух различных по темпам и по уровню развития стран, не позволили реализовать многие прогрессивные проекты. К тому же активное противодействие их осуществлению оказывали буржуазно-помещичьи круги обеих объединившихся в ОАР стран, в особенности египетская буржуазия, стремящаяся установить свое политическое и экономическое господство в Сирийском районе. Поэтому уровень жизни здесь резко снизился»³. ОАР просуществовала всего три года. В том же году Хафез Асад узнает о своем увольнении из рядов вооруженных сил по политическим причинам. Тем не менее, благодаря налаженным ранее связям он принимает активное участие в организованном в 1963 г. государственном перевороте. В результате смены власти Асад возвращается на военную службу и начинает подниматься по карьерной лестнице. Историки отмечают постепенный отход Хафеза Асада от позиций своих прежних единомышленников Салахаддина Битара и Мухаммада Умрана и в качестве главной причины разногласий называют расхождение в политических взглядах. В то время как Битар и Умран выступали с позиций правых, Хафез Асад проникается идеями левых.

В результате переворота 23 февраля 1966 г. и прихода к власти левых, Асад становится министром обороны, при этом сохраняет свои позиции в военной сфере. Ровно через год на Ближнем Востоке разражается прозванное «шестидневной войной» очередное столкновение между арабами и израильянами, которое ничего, кроме уни-

жения и оскорбления, арабам не приносит. Как свидетельствует история, высокопоставленные лица, ответственные за совершение ошибок, промахов, либо уходят с поста, либо кончают жизнь самоубийством. Однако в случае с министром обороны Сирии данный сценарий не повторился. Хафез Асад выступил с речью, где возложил всю вину за произошедшую трагедию на гражданское правительство. Тем самым он сумел ловко сыграть на чувствах оскорбленных арабов и обещал скорейший реванш. Военное поражение вкупе с недовольствами населения внутри государства сделали реальными бескровный переворот 1970 г. и приход к власти в результате референдума алавита Хафеза Асада. Заметим, что некоторые историки приписывают победу Асада его довольно удачной женитьбе на Анисе Махлюф, происходившей из богатого и влиятельного алавитского клана.

Несмотря на ограниченность средств для исправления возникшей на то время как внутри Сирии, так и за ее пределами, ситуации, президент, учитывая все ошибки предшественников и используя бесценный военно-политический опыт, нашел возможность справиться с поставленной задачей. «Х. Асад подошел к реформаторской деятельности более взвешенно. Продолжая развивать госсектор и сохраняя в руках государства командные высоты в экономике, президент провел денационализацию собственности мелких и средних предпринимателей. В 1972 г. по инициативе Асада был образован Прогрессивный национальный фронт, объединивший в своем составе наряду с баасистами все остальные легально действующие в стране партии, в том числе коммунистов. В области внешней политики Х. Асад стал проводить более осторожную линию. Сирийский лидер избрал тактику отхода от прямой военной конфронтации с Израилем. Основным фронтом противостояния с израильтянами стал юг Ливана»⁴. Стоит учесть, что взятая на себя арабами роль лидера в противостоянии израильтянам принесла Сирии многомиллионное финансирование от арабского мира, а получение советского оружия на весьма выгодных условиях было еще одним показателем расчетливого ума Хафеза Асада.

Приход к власти Хафеза Асада во всех смыслах означал начало нового периода. Он разрушил стереотипный образ президента, который находится где-то далеко от народа. После оглашения результатов Хафез Асад отправился в тур по стране, провел встречи с народом и по приезде в Дамаск поручил своему штату сотрудников сортировать и анализировать собранные во время тура полные жалоб и петиций мешки. Его тур был призван показать, что новый президент – такой же простой человек, как и любой гражданин Сирии. Во время одного из многих визитов он почтил сирийского националиста, в свое время боровшегося против французского режима, Султана паши Аль-Атраша. Все действия Асада свидетельствовали о появлении нового типа руководителя, чей имидж

был продуман до мелочей; все его поступки и речи имели цель создать образ демократичного, справедливого и открытого населению президента.

Приоритетней задачей Х. Асада стало заглаживание вины за потерю стратегически важных Голанских высот в войне 1967 г. До оккупации Кувейта Ираком Сирия не садилась за один стол переговоров с Израилем, она была непоколебима в своем требовании. Относительно сирийской дипломатии, а точнее тактики проведения дипломатических переговоров, существуют известные в своих профессиональных кругах истории. В вышедшем в июне 2000 г. некрологе Нью-Йорк Таймс, посвященному сирийскому руководителю, отмечается следующее: «Мистер Асад был известен своими долгими нравоучительными лекциями для иностранцев, даже для президентов США. В своих беседах он подолгу рассказывал о несправедливом расчленении Ближнего Востока. На тот случай, если кому-нибудь из присутствующих был непонятен ход мыслей президента Сирии, в приемном зале висела большая картина, где был изображен арабский полководец Салахаддин, поражающий крестоносцев в битве при Хаттине в 1187 г, что являлось негласным намеком на непродолжительное существование нынешней ситуации в регионе»⁵. Казалось, что имевший военное прошлое президент пытается добиться желаемого, взяв противника измором. О дипломатической тактике Хафеза Асада существует еще одно воспоминание американского посла в Сирии в 1988–1991 гг. Эдварда Джериджана. Он рассказывает: «В обязанности американского посла входило предупреждение высокопоставленных гостей до встречи с президентом Асадом о традиции непрерывных угощений с сирийской стороны такими напитками, как кофе, чай и лимонад, в итоге приводящих к вынужденному прерыванию протокола для удаления в ванную комнату. Мы это явление называли “дипломатией мочевого пузыря”»⁶.

Другой характерной чертой сирийского руководителя был прагматизм, который пронизывал все сферы его жизни. Несмотря на крепкую и относительно долгую дружбу с СССР, Хафез Асад в отличие от второго государства не строил социализм в стране, а использовал лишь некоторые его элементы. В то же время нельзя назвать его и приверженцем капитализма, ибо его реформы в сфере экономики не способствовали полной передаче власти над государственными предприятиями в частные руки. Он прекрасно понимал, что страна не смогла бы в течение короткого периода стать государством с хорошо развитой экономикой. Напомним, что до 1970 г. прошли долгие десятилетия, наполненные борьбой за обретение независимости вначале от Османской империи, затем от французского мандата, да и в поствоенное время каждые 2–3 года происходили государственные перевороты, которые не привели к устойчивым результатам, ибо курс Дамаска

вместе со сменой правительства постоянно подвергался корректировкам. Хафез Асад смог добиться устойчивости, избрав для Сирии особый темп становления и развития государства.

Решительность и стойкость президента проявилась и во внешнеполитических действиях. Об этом свидетельствует его цель вернуть каждый сантиметр потерянных Голанских высот. Политический мир был прекрасно осведомлен о непоколебимости Хафеза Асада и его бесслепом требовании от Израиля выполнить условия резолюции ООН № 242, а именно вывести войска с оккупированных территорий. «Если бы Израиль пригрозил военными действиями, этот жест был бы воспринят как срыв мирного урегулирования конфликта. Четкий отказ Израиля от проведения с Сирией переговоров о мире расценивался бы на мировом уровне победой Сирии. В случае принятия Израилем условий был бы начат процесс мирного урегулирования, который в итоге привел бы к возвращению в Сирию Голанских высот. Ничего не отдавая, Асад аккуратно превратил политическую реальность в свое преимущество»⁷. Возврат Голанских высот на самом деле был частью плана Хафеза Асада по построению Великой Сирии. Великая Сирия должна была в себя включать соответственно саму Сирию, Ливан и Палестину. Как пишет Даниэль Пайпс, директор «Ближневосточного форума», «свою цель Х. Асад осуществлял двумя путями: посредством словесных утверждений он обосновывал необходимость сирийской экспансии и благодаря наращиванию военной силы подтверждал сказанное»⁸. Заметим, что во время войны в Заливе, Сирия смогла добиться подписания договора в Таифе, включавшего условия регулирования гражданского конфликта в Ливане, который предписывал Сирии вывести войска с окрестностей Бейрута, но не со всей ливанской территории. Кроме того, Сирия сумела заключить сирийско-ливанское братское соглашение о тесном сотрудничестве в сфере обороны и внешней политики, где точная дата вывода сирийских войск не была прописана. Таким образом, постепенно складывалась тщательно продуманная Хафезом Асадом мозаика Великой Сирии.

Расчетливость и хитрость как черты характера Асада проявились, когда к концу 80-х гг. стало ясно, что дни СССР сочтены, вдобавок непосредственно сам М. Горбачев не был сторонником поддержки дружбы путем предоставления щедрой финансовой помощи. Тогда руководство Дамаска перешло к политике улучшения отношений с Ираном, несмотря на то, что в данном государстве в 1979 г. произошла исламская революция и целью номер один иранского МИДа стал экспорт революции. Государства ближневосточного региона, где доминировал ислам суннитского толка, были всерьез обеспокоены, в то время как Хафез Асад, не придав должного значения этому обстоятельству, продолжил курс укрепления отношений с Ираном, что вызвало осуждение

ближневосточных государств. В Сирии начали акцентировать внимание на родство алавизма и шиизма. Однако алавизм не является крайним течением шиизма, ибо данное учение есть синтез ислама, христианства и язычества. Сближение Сирии и Ирана вылилось в поддержку шиитской организации Хезболла, выступающей за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Кроме помощи со стороны шиитского Ирана, неожиданная оккупация Ираком Кувейта стала хорошим поводом для улучшения отношений с Западом. Как пишет британский Телеграф в своем некрологе, «когда в 1990 Ирак вторгся в Кувейт, Асад, преодолев нежелание поддержать западную кампанию, которая в конечном итоге приводила к увеличению влияния на Ближнем Востоке, согласился отправить наземные войска против Саддама Хуссейна. И он был сполен вознагражден: саудиты простили ему миллиарды долларов долга, и Сирия была приглашена на мирную конференцию в октябре 1991 г. На данной конференции Асад объявил “о выборе политики мира в отношении Израиля”»⁹. Это был один из тех многих, просчитанных ловких шагов Асада, который получил весьма неслестную оценку в газете «Экономист»: «Война в Заливе предоставила ему возможность повернуть направление. Мистер Асад скинул свою волчью шкуру и, отправив дивизион солдат для вывода иракских войск из Кувейта, присоединился к остальному арабскому стаду»¹⁰.

Многие исследователи имеют склонность сравнивать Хафеза Асада с такими заметными фигурами Ближнего Востока, как Муаммар Каддафи, Гамаль Абдель Насер, Саддам Хуссейн. Отметим, что президента Сирии с руководителем Ирака Саддамом Хуссейном объединяет многое. Оба лидеры баасистской партии, оба выходцы из национальных меньшинств в своей стране. В то время как Асад, будучи алавитом, правит в суннитском государстве, суннит Хуссейн является руководителем государства, где больше половины населения исповедуют ислам шиитского толка. И Асад, и Хуссейн в свое время стремились расширить свое влияние на соседей: Сирия на Ливан, а Ирак на Кувейт. Как отмечает американский политический журнал «Нью Рипаблик», «ключевым различием между ними является то, что Саддам есть полный дурак, а Асад – коварный манипулятор. К тому же с середины 70-х годов Саддаму удалось одурачить США, ибо он убедил Вашингтон в надежности и в том, что является тем человеком, с кем можно вести дела, однако так было лишь до 2 августа»¹¹.

По сравнению с Саддамом, Хафез держал слово. Тем не менее он не был на хорошем счету у Запада, ибо с середины 80-х гг. Сирия попадает в американский список стран-пособников терроризма. Про поддержку, оказываемую Хезболле, говорилось ранее; также небезызвестна помощь Рабочей партии Курдистана (РПК), политической, повстанческой организации, из-за которой

отношения с соседом Турцией оставались напряженными вплоть до конца 90-х гг., пока Сирия не закрыла Долину Бекаа для РПК и не выдала их лидера Абдуллаха Оджалана. Ко всему вышесказанному нельзя не добавить и связь Сирии с мировым наркотрафиком. «Когда сирийцы впервые появились в Ливане в 1975 г., страна производила около 100 тонн гашиша ежегодно. К 1985 г. производство гашиша выросло до 2000 тон в год, ибо постепенно все больше земель отводилось на выращивание гашиша. В 1986 г. 75 % мирового объема произведенного гашиша занимал ливанский наркотик. В 1989 г. Управление по борьбе с наркотиками оценила доход от продажи ливанского наркотика в 1,7 млрд долларов, из которых 500 млн долларов уходило в Сирию»¹².

На протяжении всей своей жизни президент Сирии прилагал усилия к упрочению положения алавитов в сирийском обществе, поскольку 70 % населения составляли арабы, исповедующие ислам суннитского толка. После прихода к власти Хафез Асад начал подтягивать верных ему членов алавитской общины на руководящие должности. Известно, что если должности светского характера приблизительно равно были распределены между представителями различных конфессий, то 90 % должностей в спецслужбе принадлежало алавитам. То обстоятельство, что руководитель Сирии с самого начала своего правления пытался окружить себя лояльными режиму людьми, которые не предали бы его и служили верой и правдой, разозлило противников существующей власти, и в 1979 г. 80 алавитских кадетов артиллерийской школы в Алеппо были жестоко убиты. Через год была предпринята попытка покушения на президента Сирии: в него бросили гранаты, одну он смог отбить, а вторая попала в телохранителя и лишила его жизни. Ответом на данное происшествие стало уничтожение сирийскими военными заточенных в тюрьму в г. Пальмира 500 участников движения Братья-мусульмане. С одной стороны, сирийский лидер крайне жестко обошелся с оппозиционерами, а с другой стороны, как покажет история, так круто он поступил лишь один раз. Кроме того, благодаря данной мере он смог предотвратить хаос в стране. Проводя параллели с настоящим временем, можно вспомнить Арабскую весну в Ливии, Тунисе, Алжире, Египте. Где-то уступчивость правительства, а где-то и вмешательство внешних сил привели к таким масштабным беспорядкам в этих странах, что еще довольно много потребует времени на восстановление экономики и достижение существовавшего до данных событий уровня их развития.

Как человек Хафез Асад даже в пожилом возрасте сумел сохранить удивительную работоспособность. Небезызвестно, что с возрастом характер людей претерпевает значительные изменения: появляются настороженность, критичное отношение к окружающим. Случай сирийского

президента особый: он предпочитал советоваться с профессионалами, не обращая внимания на их возраст, ибо зачастую его собеседниками были довольно молодые эксперты. Как руководитель Асад был требовательным как к себе, так и к сотрудникам. «Непререкаемый авторитет лидера, достаточно четкая работа высших структур госаппарата, где высокопоставленные чиновники ждут и опасаются звонка президента, боятся поставить вопрос об отпуске, а иногда ночуют на рабочих местах, – вот лишь некоторые характерные черты асадовской системы управления»¹³. Тем не менее, сирийский руководитель знал границу своей твердости и, как правило, не прибегал к тактике применения грубой силы.

В завершение отметим, что глав государств принято судить по их действиям, не придавая особых значений их личности. Однако следует отметить, что на становление личности Хафеза Асада повлияли как традиционные ценности (особенности алавизма, понятие долга, чести, мужества), так и внешние обстоятельства (окончание Второй мировой войны, обретение Сирией независимости, борьба Партии арабского социалистического возрождения (БААС)) за власть. В научной литературе появляются такие понятия, как «феномен Хафеза Асада», «дамасский лев», «дамасский сфинкс». Если сравнить ту Сирию, что осталась после расчленения Ближнего Востока и ту, что буквально вылепилось Дамасское руководство, различия немалые. Тот факт, что в многонациональной и многоконфессиональной стране Хафез Асад смог добиться мира, учитывая, что страна расположена в конфликтном регионе, делает его выдающимся политическим деятелем. Цель нашей работы не заключалась в возвеличивании личности Хафеза Асада, тем не менее, большинство источников описывает его с положительной стороны. В одном сходятся все исследователи: для своего народа, для обычного сирийца, невзирая на его происхождение, конфессию, пол, он выступал реальным гарантом мира, потому как в период 1970–2000 гг. стабилизировалась экономика Сирии, был достигнут мир между представителями различных конфессий, страна сумела сохранить независимость и превратиться в ключевого игрока Ближнего Востока

Хафеза Асада можно смело назвать человеком-легендой, а его тернистый путь к власти и удержание ее в руках на протяжении трех десятилетий – феноменом. На первый взгляд, приход к власти представителя пренебрегаемого национального меньшинства в государстве с суннитским большинством был практически нереальным. Тем не менее в самом начале пути Асад сумел на деле подтвердить свою лояльность партии, затем продемонстрировал лидерские и организаторские качества. Следствием его выверенных действий стало проникновение баасистской партии во все сферы жизни сирийского народа. Недюжинный ум и трудолюбие открыли

ему путь к военной карьере, благодаря чему он смог побывать в Египте, в СССР. Как личность Хафез Асад был искусным модератором, обладал способностью сглаживать острые углы. Как пишут Патрик Сил и Морин Макконвилл, «при попытках примирения партии и нации Асад продемонстрировал сдержанность и способность налаживания отношений между людьми различных нравов, включения их в единую работу. Отмечается, что он не имел привычки рассказывать о дурном характере других людей: он оставлял свое мнение при себе. В качестве посредника он всегда стремился найти баланс как между несходными по взгляду людьми, так и между противоречивыми идеями»¹⁴.

Однако наряду с выдающимися положительными качествами он обладал и отрицательными. История подтверждает, что многие, кажущиеся порою жесткими и неприемлемыми действия, если они работают во благо народа, необходимо предпринимать. Феномен «дамасского сфинкса» или, как иногда его еще называют, «дамасского льва» все еще вызывает удивление и интерес.

Примечания

- ¹ Горбатова В. В. Хафез Асад. Политический портрет. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=63#_ftnref5 (дата обращения: 21.11.2016).
- ² Хлюстов М. В. От мира до войны. Очерк политической

истории Сирии в XX и начале XXI века. Аналитический доклад. М : АНО «ЦСОиП», 2013. С. 8–9.

- ³ Новейшая история стран Азии и Африки : XX век : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 3 ч. / под ред. А. М. Родригеса. М. : Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2003. Ч. 3 : 1945–2001. С. 71–72.
- ⁴ Ахмедов В., Филоник А. Политический портрет. Президент Сирии Хафез Асад // *Азия и Африка сегодня*. 2000. № 5. С. 42–50.
- ⁵ Obituary : Mac Farquhar N. Hafez al-Assad, who turned Syria into a power in the Middle East, dies at 69. URL: <http://www.nytimes.com/2000/06/11/world/hafez-al-assad-who-turned-syria-into-a-power-in-the-middle-east-dies-at-69.html> (дата обращения: 21.11.2016).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Dickey C., Wilkinson R. Mr. Peacemaker? // *Newsweek*. 1991. Vol. 118, iss. 6. Pg. 19.
- ⁸ Pipes D. Greater Syria. The History of an Ambition. New York, Oxford University Press, 1990. Pg. 118.
- ⁹ Obituary : Hafez al-Assad. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1342445/Obituary-afez-al-Assad.html> (дата обращения: 21.11.2016).
- ¹⁰ Davidson P. The lion of Damascus // *Economist*. 1991. Vol. 320. Pg. 10.
- ¹¹ The liar's doorstep // *New Republic*. 1991. Vol. 205. Pg. 7.
- ¹² Widlanski M. Assad case // *New Republic*. 1992. Vol. 206. Pg. 8.
- ¹³ Ахмедов В., Филоник А. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁴ P. Seale, M. McConville. Asad of Syria : The Struggle for the Middle East. London : University of California Press, 1990. Pg. 172.

Образец для цитирования:

Кулуева С. Н. Политический портрет дамасского льва. Президент Сирии Хафез Асад // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 219–224. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-219-224>

Cite this article as:

Kulueva S. N. The Political Portrait of Damascus Lion. Syria's President Hafez Assad. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 219–224 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-219-224>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК [94+355/359.08](470.44)|1650–1674|

Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова в 1650–1674 гг. Особое внимание уделено использованию прямой дороги по суше из Саратова до Москвы для доставки различных товаров и для других целей. Впервые представлен список иноземных гостей, которые рискнули ехать по этому пути из Саратова в Москву. Подчеркнута важная роль строительства Симбирской засечной черты, а также основания г. Пензы для развития этого сухопутного пути. Показана заинтересованность в таком маршруте Приказа Тайных дел и лично царя Алексея Михайловича.

Ключевые слова: левобережный Саратов, Инсар, Пенза, индийские купцы, казанский таможенник, документы Тайного приказа, подъячий Кирилл Демидов.

The Beginning of Trade Route from Saratov to Moscow in the Third Quarter of the 17th Century

Ya. N. Rabinovich

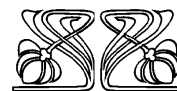
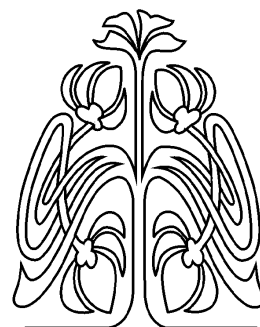
Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

The article considers some unknown pages of the history of left bank Saratov in 1650–1674. Special attention is paid to using the direct road along the land from Saratov to Moscow to deliver different goods and for other purposes. A list of foreign visitors that ventured to go this way from Saratov to Moscow is presented for the first time. The role of constructing Simbirsk fort and the grounds of building Penza for this land route are emphasized. The interest of Board of secret affairs and the Tsar Aleksey Mihailovich himself is shown.

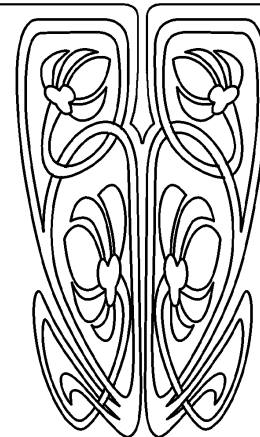
Keywords: left bank Saratov, Insar, Penza, Indian merchants, Kazan customs officer, documents of secret affairs Board, minor official Kirill Demidov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-225-232>

Вопрос о возникновении и функционировании в XVII в. сухопутного торгового пути между такими отдаленными городами, как Москва и Саратов, прямо связан с наличием промежуточных населенных пунктов, где людям можно было бы отдохнуть, сменить усталых лошадей, совершить ремонт саней (телег), укрыться от вражеского нападения и т. д. Наиболее оптимальным считалось (особенно зимой), чтобы в течение дня успеть добраться от одной такой промежуточной станции до другой. Ночевка зимой в голой степи или лесу особой радости для людей не представляла, особенно, если это происходило несколько ночей подряд. Поэтому при изучении вопроса о сухопутном пути необходимо вначале рассмотреть географическое положение Саратова в середине XVII в., который в то время находился на левом берегу Волги (в настоящее время это северная окраина города Энгельса в районе СХИ).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

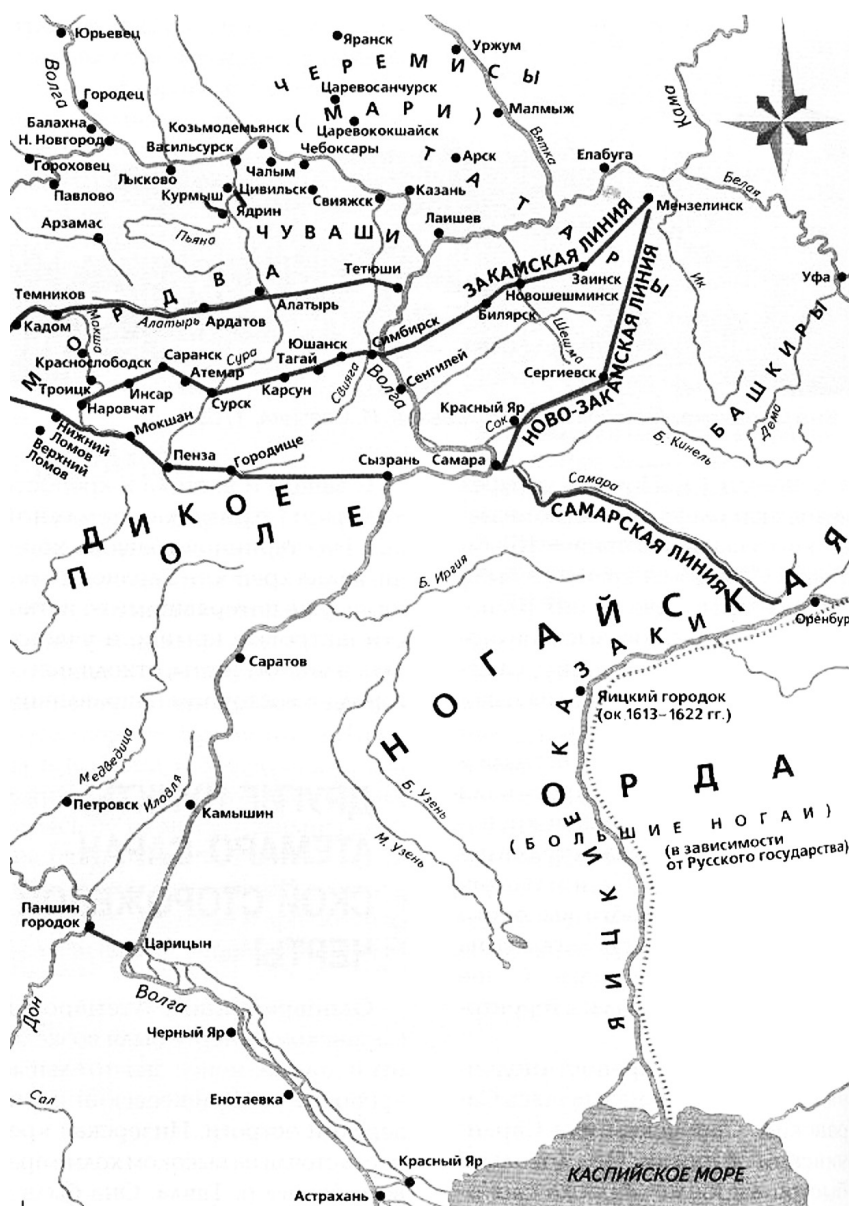

Вплоть до второй половины XVII в. в радиусе свыше 300 км от Саратова никаких постоянных поселений не было, ни городов, ни сел (рисунок). В. А. Осипов писал: «Почти до середины XVII в. Саратов и Царицын не имели вокруг себя населенных сел и деревень». По отношению к Саратову следовало бы написать «почти до середины 1680-х годов»¹.

На восток простиралась бескрайняя степь, где кочевали сначала ногайцы, затем калмыки и киргиз-кайсаки (казахи). Контакты с этими кочевниками не всегда были мирными. Постепенная колонизация степного Заволжья в окрестностях Саратова началась лишь с середины XVIII в., после основания Покровской слободы в 1747 г.

На севере – северо-востоке на Волге после Смутного времени сначала осваивается район Самарской Луки, появляется постоянное поселение

Сызрань, затем (в последней четверти XVII в., уже после перенесения Саратова на правый берег!) – промысловые села между Сызранью и Саратовом. Сызранско-Пензенская сторожевая черта была построена лишь в начале 1680-х гг., и только после этого начинают возникать первые поселения в Саратовском крае. Среди них можно назвать село Архангельское или Сосновый остров (будущий Хвалынский) в 1685 г., которое было владением Чудова монастыря. Позже, в 1690 г., основаны Малыковка (будущий Вольск) и Терса. Это были владения Новоспасского монастыря. Тогда же и Воскресенский монастырь получил угодья на Волге, где позже будет основано монастырское село Сергиево-Воскресенское или Змеевы горы. На Иргизе с конца XVII в. существовали монастырские села и поселения раскольников. Однако

Крепости и укрепленные линии Среднего и Нижнего Поволжья в XVI–XVIII вв.
Взято из: Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 466.

в период существования левобережного Саратова (1616–1674) между Саратовом и Сызранью постоянных поселений еще не было.

В исследовании В. А. Осипова, хронологические рамки которого охватывают весь XVII в., данная информация о колонизации и торговле в Саратовском крае в последней четверти XVII в. занимает довольно большой объем. Для данной книги в соответствии с ее названием эта информация оправдана. Через 20 лет после ее опубликования вышла коллективная монография «Очерки истории Саратовского Поволжья», в которой автором раздела о первоначальном и левобережном Саратове является тот же В. А. Осипов. В ней следовало бы весь сюжет о заселении окрестностей Саратова поместить в раздел «Саратов современный». Все описанные события происходили уже после переноса Саратова на правый берег Волги. К левобережному Саратову это заселение не имеет никакого отношения².

На юге ближайшим населенным пунктом долгое время оставался Царицын, потом появилось временное укрепление на Камышинке, которое со временем стало городом Дмитриевском (Камышином).

На западе – северо-западе после Смутного времени около 20 лет ближайшими соседями Саратова оставались Воронеж, Елец, Лебедянь, Данков, Елифань, Рязск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь. Если соединить указанные города условной линией, то получим дугу окружности радиусом свыше 300 км с центром в Саратове. Внутри этой дуги вплоть до ее центра в Саратове никаких постоянных поселений не было (см. рисунок).

Только в конце 1630-х гг. на западе от Саратова мы видим новые города Усмань, Козлов, Тамбов. В. А. Осипов, говоря о постройке в 1636 г. крепостей Козлов и Тамбов, писал, что «одновременно юго-восточнее Тамбова и Козлова на реке Ломовой были построены еще два города: Верхний Ломов и Нижний Ломов. Все вновь построенные города и городки были заселены стрельцами и разными служилыми людьми»³. Во-первых, стрельцы тоже были служилыми людьми (по-прибору); во-вторых, Верхний Ломов и Нижний Ломов находились не юго-восточнее Тамбова и Козлова, а северо-восточнее этих городов. Крепость Козлов была построена в октябре – ноябре 1635 г. Судя по окружной царской грамоте от февраля 1637 г., где говорится о строительстве Тамбова и Козлова в 1635–1636 г., Верхний Ломов и Нижний Ломов были поставлены одновременно с Тамбовом: «...За Шатцким же от Поля, на реке на Ломове, поставлены два города Ломовы Верхней да Нижней». В данном источнике, который цитировал В. А. Осипов, говорится о заселении этих укрепленных пунктов стрельцами и разными жилищными людьми⁴.

Несмотря на постройку Тамбова, дорога из Саратова на Тамбов через реки Медведицу

и Хопер в то время практически не использовалась. Она была опасна из-за постоянных набегов крымцев и ногайских татар Казыева улуса. Можно вспомнить события 1638 г., когда татары захватили на р. Медведице возвращавшихся из Москвы саратовцев Тимофея Барыбина и стрелецкого десятника Степана Еремеева Карташова, а также около 30 других людей⁵.

Связь с Москвой по суше в целях безопасности осуществлялась кружным северным путем, через верховья р. Мокши и Темников (между Саратовом и Темниковом свыше 300 км никаких постоянных населенных пунктов не было). По этой дороге из Саратова на Темников ехал в конце декабря 1639 г. грузинский посол митрополит Никифор, который сумел благополучно преодолеть за 6 дней (25–31 декабря) этот тяжелый путь⁶.

Строительство Тамбовской черты, которой так много внимания уделено в своей книге В. А. Осипов, никак не повлияло на развитие экономики Саратова и его окрестностей (стоит добавить, что это строительство имело весьма отдаленное отношение к истории Саратовского края). Подлинная революция в этом направлении произошла несколько позже, через 15–20 лет, когда была построена другая черта. Речь идет о Симбирской засечной черте. На рубеже 1640–1650-х гг. на пути между Темниковом и Саратовом были построены крепости Инсар, а также Атемар (возле будущего Саранска). Они входили в состав Симбирской засечной черты, протянувшейся от нового города Симбирска до Инсара, строившейся в течение 6 лет (1648–1654 гг.). На ней было возведено всего 8 острогов (Наровчат, Инсар, Саранск, Атемар, Сурск, Карсунь Тагай, Юшанск). Симбирская черта, как и многие другие укрепленные линии, состояла из непрерывного вала со рвом и деревянным тыном по верху вала. В лесных местах этот вал прерывался засекой. В районе Инсара Симбирская черта соприкасалась с Тамбовской чертой. Из Инсара, продолжаясь в юго-западном направлении, она примыкала к другой черте, веденной ей навстречу из Нижнего Ломова.

Инсар и Нижний Ломов будут постоянно фигурировать в документах 1660-х гг., в которых речь идет о сухопутном пути между Саратовом и Москвой, по которому не только следуют гонцы с донесениями, но и доставляются грузы из Саратова в Москву и обратно. Для сопровождения в качестве охраны привлекались конные саратовские стрельцы.

Впервые о гужевом транспорте, о подводах с грузами мы находим сведения в документах 1662–1663 гг., однако такой путь начал осваиваться торговыми людьми несколько ранее. Первые полвека после основания города (1590 г.) сухопутный путь из Саратова в Москву использовался исключительно в военных и административных целях для доставки важной и срочной корреспонденции в столицу и обратно. Однако уже с

1640-х гг. мы наблюдаем сначала робкие, а затем все более смелые попытки перевезти грузы, товары по необжитому пустынному Дикому полю из Саратова через верховья р. Медведицы и р. Алатырь на Арзамас и далее в центральные районы страны. Таким путем в 1649 г. ехали из Саратова до Арзамаса 5 индийских купцов. По сравнению с маршрутом грузинского посла Никифора, который за десять лет до индийцев в конце декабря 1639 г. отважился ехать из Саратова в Москву такой же зимней дорогой, но через Темников, этот путь индийцев был несколько длиннее, проходил севернее, зато был более безопасным.

В январе 1650 г. приехали в Ярославль 5 индийских купцов (известен перечень их товаров). На распросе в съезжей избе эти купцы сказали, что они ехали из Астрахани на Саратов и Арзамас и далее на судах до Ярославля. С трудом верится, что все здесь сказано (или переведено) верно, особенно «на судах до Ярославля» в январе. Но если посмотреть на карту, то можно предположить, что летом или в начале осени индийцы ехали водным путем из Астрахани до Саратова, затем в Саратове пересели на подводы (на сани) и направились в декабре по леду через новую крепость Инсар (построена в 1648 г.) на Арзамас, а оттуда через Нижний Новгород или другим путем – до Ярославля.

Купцы приложили копии с выписи их товаров, которые предполагалось продать в России. Они везли с собой киндяки (2800), кушаки (140), кумачи (435), выбойки гилянские и индийские (178), фаты бумажные (137), «шелк ряский» (231 ансырь, ансырь равен фунту), юфти сафьянов (4291), завесы арабские и гилянские, платки шелковые и др. Можно представить себе удивление саратовцев, которые увидели у себя такое большое количество заморских товаров. Эти товары разгружались с кораблей и перевозились внутрь саратовской крепости, где их осматривали и перечитывали специальные люди.

Данную выпись сделал в Саратове «казанский таможенный ларешный целовальник». В Саратове купцы уплатили в таможене проезжую Казанскую пошлину по деньге с рубля. Эта пошлина составила 0,5 % стоимости товара. Остальную пошлину они должны были уплатить в Москве, но вместо Москвы индийцы поехали в Ярославль, так как в столицу приехал с аналогичным товаром их конкурент – персидский купец⁷.

Мы видим, что в Саратове в 1649 г. уже находился казанский таможенник. Он собирал пошлину с тех купцов, которые не продолжали далее водный путь из Саратова по Волге до Казани, где с них брали пошлину, а двигались из Саратова в сторону Москвы сухим путем, напрямую. Этот факт свидетельствует о том, что аналогичные случаи путешествия с товарами из Саратова напрямую по суше уже имели место до приезда индийских купцов. Если бы знать, с какого времени в Саратове обосновался казанский таможенник,

то можно было бы более точно выяснить время начала функционирования этого торгового пути.

В начале 1660-х гг. для сопровождения грузов по сухопутному пути стали привлекать конных саратовских стрельцов. К примеру, конные стрельцы во главе с пятидесятником Стенькой Кузнецом неоднократно занимались сопровождением грузов по этой новой сухопутной дороге на Москву. Сразу же выяснилось, что подводы не выдерживают такой тяжелой дороги (лошади падают, а телеги ломаются), и необходимо найти населенный пункт, в котором стрельцы могли бы осуществлять замену подвод и лошадей. По челобитной стрельцов в 1663 г. им было разрешено менять подводы в новой крепости Инсар. Такое указание из Москвы получил воевода Саратова стольник Федор Иванович Леонтьев, а также воевода Инсара⁸.

Инсар в те годы был для Саратова самым ближайшим населенным пунктом, он находился от Саратова на расстоянии около 300 км, от него до Темникова было уже близко. Инсар часто упоминается в документах как промежуточный пункт из Москвы до Саратова, который использовали также гонцы: «...*Государева грамота послана с Корсунским станичком с Миколайкой Офонасьевым до Инсары, а с-Ынсыри велено послать на Саратов, а с Саратова послать в Астрахань с нарочными посыльщиками*»⁹. Частые упоминания в источниках о перемене подвод и сопровождении стрельцами таких ценных караванов с грузом свидетельствуют о том, что в начале 1660-х гг. сухопутный торговый путь на Москву из Саратова через Инсар и Темников уже активно функционировал.

Через несколько лет между Инсаром и Саратовом была построена новая крепость Пенза (ок. 1665 г.)¹⁰. А. П. Барсуков упоминает первого воеводу Пензы Елисея Протасьевиича Лачинова под 7172 (1663/1664) г.¹¹ Теперь перемену подвод стали осуществлять на Пензе. Со второй половины 1660-х гг. накануне восстания Степана Разина стал развиваться путь из Саратова в Москву через Пензу и Инсар. Этим же путем в 1670 г. двигались из Саратова на Пензу и Нижний Ломов разинские атаманы Г. Савельев и В. Федоров.

Уже после подавления восстания Степана Разина в 1672 г. воеводе Саратова думному дворянину Федору Ивановичу Леонтьеву (он вторично был назначен в Саратов) пришла грамота из Москвы. Из этой грамоты мы узнаем, что в Саратове воевода часто использовал местных стрельцов (не только конных, но и пеших), а также посадских людей для доставки донесений в ближайшие города. Саратовцы (конные и пешие стрельцы, а также посадские люди) вынуждены были обратиться в Москву, чтобы упорядочить это дело и получать за такую «внеплановую» службу соответствующее вознаграждение. Они своего добились, и в итоге воеводе Леонтьеву велено было учинить указ для этих «ямщиков» «в ямской гоньбе и в прогонах»¹².

В. А. Осипов пишет: «В XVII в. у Саратова от Ардабазарной дороги ответвлялась Большая Саратовская дорога через степь на Пензу – Тамбов – Шацк – Рязань – Москву. Поворот от Волги к Москве был также у Царицына»¹³. Данный маршрут указан не совсем точно. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что из Саратова через Тамбов на Москву караваны не ходили. В 60-е гг. XVII в. после основания Пензы дорога из Саратова на Москву после Пензы шла не на Тамбов, а сразу на Шацк и Рязань. Ранее, когда Пензы еще не было, дорога из Саратова на Москву проходила через Саранск, Темников, но не через Тамбов. Зато через Тамбов проходила дорога из Царицына на Москву.

В дальнейшем на середине пути между Саратовом и Пензой при Петре I в 1696 г. был построен город Петровск. Теперь расстояние между Саратовом и ближайшими населенными пунктами немногим превышало 100 км, что позволило доставлять донесения и приказы гонцам из одного города в другой в течение одного дня. Но это произошло уже при правобережном Саратове. Следует вспомнить рассказ француза Филиппа Авриля, который писал, что в 1687 г. (когда Саратов уже 13 лет находился на правом берегу) ему и его спутникам 3 дня приходилось ночевать в голой степи, двигаясь «по пустыне, не встретив ни деревьев, ни жилищ, ни хижин», пока он не добрался до Пензы. Далее дорога уже была освоена и никаких трудностей не было¹⁴. Эта запись об отсутствии любого жилья на пути от Саратова до Пензы противоречит рассказу Саратовской летописи (авторы ссылаются на труд А. И. Шахматова) о том, что еще в 1670-е гг. при царе Федоре Алексеевиче здесь в районе будущего Петровска существовала обитель во имя Николая Мирликийского. В этой обители якобы еще в 1676 г. был игумен Палладий, а царица Марфа Матвеевна пожаловала данной обители несколько книг. Если бы такая обитель существовала, то Филипп Авриль в сопровождении саратовцев, хорошо знавших окрестные места, ночевал бы в ней, а не в зимней голой степи¹⁵.

Стоит добавить, что первые попытки освоения сухопутных земель правобережья Саратовского края служилыми людьми шло с севера со стороны Пензы и ее уезда. По словам А. А. Герасимова, «пензенские служилые люди были первыми настоящими колонизаторами Саратовского края, по крайней мере, внутренней, неприволжской ее части»¹⁶. Но эта колонизация началась в 1680-х гг., уже после восстания Степана Разина и переноса Саратова на правый берег. К левобережному Саратову данная колонизация не имеет никакого отношения.

Особенно интенсивно сухопутная дорога из Москвы до Саратова использовалась в 1666 г. в связи с приездом в Москву из Астрахани восточных патриархов Паисия и Макария, которые должны были участвовать в низложении патриарха Никона¹⁷. Этим делом занимался в основном

Тайный приказ. Сначала в Саратов по этой дороге (по зимнему санному пути) прибыл под усиленной охраной стряпчий Федор Авраамович Лопухин с денежной казной, затем – подъячий Тайного приказа Порфирий Оловянников. Оба они еще 21 января 1666 г. получили в Москве государево жалование «для Саратовской посылки» (Лопухин – 100 рублей, а Оловянников – 50 рублей)¹⁸.

Позже последовало новое царское указание: Ф. А. Лопухин должен был передать денежную казну для патриархов П. Оловянникову, который оставался в Саратове, а сам ехать в Москву. Это царское указание привез в Саратов еще один голец – стадный конюх Борис Федоров незадолго до приезда патриархов в Саратов. В этой же грамоте говорилось: «Как тебе ся наша грамота придет, ты бы тотчас ехал с Саратова к нам, к Москве наскоро на заводных подводах». Патриархи прибыли в Саратов 20 августа 1666 г. Для них были предусмотрены два варианта маршрута движения из Саратова – водным и сухим путем; второй путь – для быстреего прибытия в Москву: «... с города Саратова сухим путем подняться поспешения ради...». Так что сухопутная дорога из Саратова в Москву к тому времени (1666 г.) уже была освоена хорошо, если по ней планировалось отправить таких высоких гостей. Правда, патриархи решили плыть далее до Самары в связи с улучшением погодных условий¹⁹.

В том же 1666 г. из Саратова в Москву сухим путем отправили казенные грузы, «государевы покупные товары» на нанятых подводах. Саратовский воевода (мы знаем, что в это время в Саратове воеводой был кн. А. Путятин, которого сменил в том же году кн. И. Борятинский) должен был обеспечить отправку этих казенных грузов. В разных городах, в том числе и в Саратове, были наняты извозчики с подводами от Саратова до Москвы. Эти государевы товары вез из Персии подъячий приказа Тайных дел Кирилл Демидов. Он был отправлен в 1663 г. в Персию со многими товарами в составе великого посольства окольничего Ф. Я. Милославского, которое вернулось в 1665 г.²⁰

О размерах торговых операций, которые вел К. Демидов, свидетельствуют следующие цифры: «Всего Персицких денег в расходе и в доимке и Персицких же товаров куплено на Персицкие деньги – на семьдесят на шесть тысяч на шесть сот на пятьдесят рублей на шесть алтын». 76 тысяч рублей – это огромная сумма, почти в 4 раза превосходит размер контрибуции, которую уплатила Россия Швеции по Столбовскому миру. 5 июня 1665 г. корабли с закупленными товарами отплыли из Низовой морской пристани (Ниязово, возле Баку) в Астрахань. Из Астрахани ценный груз сопровождали до Царицына на 4 стругах астраханские стрельцы (им дано было по 5 руб. на струг)²¹. Вместе с К. Демидовым до Саратова ехали гречанин рудознатный мастер Аслан Лаистов (ему дан корм до Саратова 22 руб., по другим

источникам – 10 руб.), а также шелкового дела мастер Иванис и сафьянного дела мастер Арабит («арменин Арабит Мартынов»). Иванису и Арабиту было дано в Астрахани по 5 руб. Эти три мастера получили дополнительно в Саратове еще по 5 руб. (в качестве корма до Москвы). В Красной слободе им было дано еще по 5 руб. государева жалования²².

Подъячий К. Демидов, как пишет В. А. Осипов, в 1668 г. (?) отправил из Саратова с «государевыми товарами» два обоза: *«Первый в 30 подвод. А для второго нужно было нанять 229 подвод от Саратова до Красной Слободы, и от нее – до Москвы за 774 рубля. Провожали обоз 60 стрельцов. Подводы с возчиками были наняты в разных городах. В Саратове такого количества подвод нанять было невозможно»*²³. В. А. Осипов не совсем верно указал выходные данные источника, на который ссылался: «РИБ. Т. XXV». Правильно – РИБ. Т. XXIII.

По-видимому, речь шла о событиях 1666 г. Подъячий К. Демидов умер в Москве еще до начала апреля 1668 г. В бумагах, которые разбирали в Москве 4 апреля 1668 г. (вскоре после его кончины), были обнаружены записи, относящиеся к 1666 г.

Документы Тайного приказа позволяют уточнить этот сюжет. В октябре 1665 г. в Москве узнали, что из Персии возвратился с закупленными государевыми товарами К. Демидов (он в это время по Волге прибыл с товарами из Астрахани в Саратов). Из Астрахани (или из Царицына) он в августе 1665 г. отправил с вестью в Москву своего доверенного человека, служилого Терского городка Якова Воинова («Терченина»). Возможен вариант, что Я. Воинов был отправлен с донесением в Москву из Царицына или даже из Астрахани станицей, через поле, одновременно с отплытием каравана. В этом письме К. Демидов сообщал, что собирается до окончания осенней навигации доплыть до Саратова и там ждать царского указания. Плыть далее до Самары было нерационально по двум причинам. Во-первых, сухопутный путь из Самары до Москвы намного длиннее, чем из Саратова. Во-вторых, существовала опасность не донести груз до Самары в конце октября из-за начинающегося ледостава. Царь Алексей Михайлович 29 октября 1665 г. распорядился срочно послать в Саратов для сопровождения этих товаров («государевы купецкой казны») служилых людей из Инсара и из Верхнего и Нижнего Ломова по 50 человек. При этом Якову Воинову было выдано 2000 руб. для найма подвод. Из этих денег 1200 руб. предназначались для доставки товаров, закупленных К. Демидовым, а 800 руб. – для подвод под товары одного персидского купца (Якима Олесова или Олисова)²⁴.

30 октября 1665 г. Я. Воинов был отпущен из Москвы на Саратов в сопровождении девяти московских стрельцов приказа Михаила Ознобишина во главе с десятником Сенькой Ивановым

(«а посланы те стрельцы с Терчанином с Яковом за денежною казною в провожатых»). Эта «командировка» для стрельцов была рассчитана на 2 месяца (им было выдано жалование – поденный корм на 2 месяца; десятнику – 1 руб. 17 алтын 3 деньги, а стрельцам – по 1 руб. 7 алтын 2 деньги каждому)²⁵. В Саратове 9 московских стрельцов получили еще по 1 руб. (эти 9 руб. им «дано взаимы», «и те деньги им зачтены в кормовые месячные деньги»)²⁶.

С Яковом Воиновым были отправлены также грамоты воеводам и приказным людям в разные города, чтобы они дали в прибавку к московским стрельцам провожатых, «смотря по вестям» (в связи с участвовавшими разбойными нападениями это было актуально). Воеводы должны были оказывать помощь в найме подвод. Воеводе Саратова (имя не указано, но мы знаем, что в это время здесь был кн. А. Путятин) также была отправлена грамота с требованием, «как провожатые и подводы будут, отпустить велено с казною тотчас»²⁷.

Следовательно, учитывая время на дорогу и срочность доставки груза, можно считать, что закупленные товары были отправлены из Саратова в Москву по зимнему санному пути в конце декабря 1665 г.

В другом источнике уточняется, что 30 октября 1665 г. Яков Воинов получил из Приказа тайных дел 1100 руб. «на наем извоищиков с Саратова до Москвы под государевы покупные товары, с которыми едет из Персидской земли Приказу Тайных дел подъячий Кирилла Демидов». Он получил еще 20 руб. в качестве государева жалования²⁸.

Что касается найма 229 подвод, о которых пишет В. А. Осипов, то источники сообщают, что под царскую казну было нанято 162 подводы, для подъячего К. Демидова и его людей – 22 подводы, для трех мастеров – 8 подвод, для сопровождающих солдат – 2 подводы (это для 10 московских стрельцов), для целовальника Гаврилы и его товарищей – 35 подвод. На каждую подводку было дано по 60 алтын и 4 деньги (из Саратова до Красной слободы). Итого – 416 руб. 26 алтын на 229 подвод. От Красной слободы до Москвы «на те же подводы дано по рублю по 18 алтын по 4 денги на подводку, итого 377 рублей 8 алтын». Всего на найм подвод было отдано 774 руб. 17 алтын и 2 деньги²⁹.

Мы видим, что этот обоз из 229 подвод ехал не только из Саратова до Красной слободы, но и далее из Красной слободы до Москвы в том же составе. Исключение составляли сопровождающие люди в качестве охраны (дорога из Красной слободы до Москвы была менее опасна и не требовала большой охраны). По-видимому, царский указ о выделении для охраны обоза по 50 служилых людей из Инсара, Верхнего и Нижнего Ломова был выполнен не полностью. Во всяком случае известно, что данный обоз сопровождали из Саратова до Красной слободы только 60 конных

ломовских стрельцов. Они получили по полтине денег – всего 30 руб. Приводятся и другие цифры, свидетельствующие о том, что ломовских стрельцов было 73 человека и получили они по полтине, итого 36 руб. 26 алтын и 4 деньги³⁰.

Обоз прибыл в Москву в конце января 1666 г. В пути он находился около месяца. 1 февраля 1666 г. товары были приняты в приказе Тайных дел и началась их выдача. Из записной книги персидских товаров 174 (1665/1666) г. видно, что 19 февраля 1666 г. стольник и ловчий Афанасий Иванович Матюшкин принял большое количество товаров (42 зарбафа, 66 атласов, 84 камки, 500 драг и др.) из числа этих привезенных товаров³¹.

Для справки: в Персии в 1664–1665 гг. было закуплено 132 зарбафа (3810 руб.), 212 атласов (1978 руб.), 288 камок (2521 руб.), 35 ковров золотных, серебряных и шелковых (2710 руб.), 26 ковров шерстяных на бумажной основе (2208 руб.), 93 бархата золотных, волнистых, полосатых и гладких (821 руб.), 94 парчи (746 руб.), около 9300 гладких, полосатых, волнистых и др. драг (ок. 17700 руб.), 120 кисей (390 руб.), 1500 фунтов шелка (2250 руб.), свыше 41 тысяч киндяков (более 30 тыс. руб.), свыше 19 тыс. юфтей сафьяна (свыше 8 тыс. руб.). Всего в Персии куплено товаров, включая обертку, на 73 тыс. 586 руб. Учитывая деньги «на всякие расходы и наем бус» (кораблей) (свыше 1500 руб.), а также другие расходы, получим сумму, которую докладывал К. Демидов – 76 тыс. 650 руб.³²

27 марта 1666 г. у целовальника Я. Воинова принято в Тайном приказе (в так называемом Бечевинном дворе) из выданных ему для найма подвод 1200 рублей, «остаточных денег» 300 руб.³³

Что касается 30 подвод, которые, по мнению В. А. Осипова, отправил в 1668 г. из Саратова в составе первого обоза с государевыми товарами К. Демидов, то источники об этом обозе ничего не сообщают. Возможно, что здесь речь идет о втором обозе, отправленном из Саратова с оставшимися персидскими товарами (в основном дарагами), которые были привезены в Москву зимой 1667 г. Эти товары длительное время хранились в Саратове. Отвечал за них один из помощников К. Демидова Гришка Трехбратеников, который покупал их в Персии. В 1667/1668 гг. К. Демидов (незадолго до своей кончины) написал письмо в Приказ Тайных дел с просьбой взять «недотчетные» деньги с астраханца Гришки Трехбратеникова, который был с ним в Персии: «...*Был за морем у покупки и на Москве у продажи Персидских товаров в целовальниках*». Этот Гришка должен был отдать деньги за купленные киндяки (44 руб.), за проданный товар (32 руб.), за три пуда хлопчатой бумаги (24 руб.), а также «за *тридцать подвод, которые были от Саратова до Москвы под ево Гришкиными товарами – сорок три рубля тридцать алтын две денги*». Возможно, именно про эти 30 подвод писал В. А. Осипов. В 1668 г. царский указ о получении денег с этого должника Гришки был

отправлен астраханским воеводам. 27 февраля 1669 г. в Москве получили донесение воеводы кн. И. С. Прозоровского о том, что все деньги в размере 144 руб. взяты. За Гришку платил другой астраханец Митька Мусарин³⁴.

Маршрут всех обозов из Саратова на Москву проходил через новый город Пензу, Инсар, Красную Слободу и Темников. Красная Слобода (Краснослободск) находилась на р. Мокше, на середине пути между Инсаром и Темниковом. По этому маршруту, начиная с 1661 г., кочевники-калмыки перегоняли в Москву табуны лошадей (сначала эпизодически, а после переноса Саратова на правый берег – довольно регулярно)³⁵.

Первое время, несмотря на то, что саратовцы активно участвовали в такой транзитной торговле, в самом Саратове провозимых товаров оседало весьма мало (товар оставался здесь только для временного хранения). Нужен был значительный капитал, чтобы заняться перекупкой больших партий товара, посреднической деятельностью. Постепенно с развитием торговли в Саратове стали появляться состоятельные купцы, «лучшие люди». Но это происходит, в основном, уже после переноса Саратова на правый берег Волги. Теперь значительная часть грузов стала доставляться в Саратов из Москвы (и обратно) сухим путем, хотя Волжский торговый путь продолжал играть важную роль.

Примечания

- 1 *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 34.
- 2 См.: *Осипов В. А.* Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. С. 44.
- 3 *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края... С. 64–65.
- 4 См.: Окружная царская грамота в Пермь Великую о повсеместном сборе денег на строение укреплений против Крымских и Ногайских татар. 1637, февраль // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук : в 4 т. СПб., 1836. Т. 3 (1613–1645), № 268. С. 410.
- 5 См.: *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд. перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 191.
- 6 См.: *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928. С. 9–10.
- 7 См.: *Уляницкий В. А.* Сношения России с Средней Азией и Индией // ЧОИДР. 1888. Кн. 3 (146). С. 34.
- 8 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М., 1892. № 47. С. 14 (далее – *Голомбиевский А. А.* Материалы...).
- 9 Записная книга приказа Тайных дел за 7174 год : Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 1125.

- ¹⁰ См.: Строельная книга города Пензы 1664–1665 гг. / предисл. В. А. Борисова // ЧОИДР. 1899. Ч. 1. С. 1–59.
- ¹¹ См.: Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 169.
- ¹² Голомбиевский А. А. Материалы... № 63. С. 16.
- ¹³ Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края... С. 53.
- ¹⁴ См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 75.
- ¹⁵ См.: Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 36.
- ¹⁶ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 313.
- ¹⁷ См.: Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть вторая. СПб., 1884 ;
- ¹⁸ См.: Приходно-расходные книги Приказа Тайных Дел. Книга 1665–1666 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 696.
- ¹⁹ См.: Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов в 1666 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 101–104.
- ²⁰ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 146.
- ²¹ См.: Книги Персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1481–1482.
- ²² См.: Книга Сафьянного завода (1666–1670) : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1583, 1592.
- ²³ Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края... С. 58.
- ²⁴ См.: Записная книга приказа Тайных дел за 1714 г. : Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. 21. Стб. 1122–1123.
- ²⁵ См.: Приходно-расходные книги приказа Тайных дел. Книга 1665–1666 гг. // РИБ. Т. 23. Стб. 687–688.
- ²⁶ См.: Книга Сафьянного завода (1666–1670) // РИБ. Т. 23. Стб. 1583, 1592.
- ²⁷ См.: Записная книга приказа Тайных дел за 1714 г. // РИБ. Т. 21. Стб. 1122–1123.
- ²⁸ См.: Приходно-расходные книги приказа Тайных дел. Книга 1665–1666 гг. // РИБ. Т. 23. Стб. 687–688.
- ²⁹ См.: Книга Сафьянного завода (1666–1670) // РИБ. Т. 23. Стб. 1594, 1603–1605.
- ³⁰ См.: Там же. Стб. 1583–1585, 1590–1593, 1605.
- ³¹ См.: Книги Персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. (Книга записная Персидским товаром 174 году : зарбарфом, огласов и бархату) : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1481–1498.
- ³² См.: Книги Персидских товаров. Книга 1663–1665 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1413–1481.
- ³³ См.: Книга Сафьянного завода (1666–1670) // РИБ. Т. 23. Стб. 1595.
- ³⁴ См.: Приходно-расходные книги приказа Тайных дел. Книга 1667–1668 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 964.
- ³⁵ См.: Рабинович Я. Н. Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье. М., 2018. Вып. 12. С. 67–75.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 225–232. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-225-232>

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. The Beginning of Trade Route from Saratov to Moscow in the Third Quarter of the 17th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 225–232 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-225-232>

УДК 94(470.44)

Одинокое крестьянское домохозяйство Саратовской губернии конца XIX века по данным земских подворных переписей

П. Ю. Мельников

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права института правоохранительной деятельности, Саратовская государственная юридическая академия, p_melnikov@list.ru

Одним из малораспространенных вариантов крестьянских домохозяйств были домохозяйства одиночек. Экономические, юридические и культурные нормы традиционного аграрного общества противоречили возникновению структур такого типа. Однако они постоянно присутствовали в разных регионах страны в различные временные периоды. Целью работы является изучение крестьянских одиночных домохозяйств Саратовской губернии конца XIX в. В этой связи исследованы первичные материалы земских подворных переписей 1880–1890 гг.

Ключевые слова: классификация семей, историческая демография, одиночное домохозяйство, структура семьи, крестьянство Российской империи, земские подворные переписи.

Single Peasant Households of the Saratov Province of the End of the XIX Century According to Zemstvo Household Censuses

P. Yu. Melnikov

Pavel Yu. Melnikov, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, p_melnikov@list.ru

One of the less widespread variants of peasant households were single households. The economic, legal and cultural norms of the traditional agrarian society contradicted the emergence of structures of this type. However, they were constantly present in different regions of the country in different time periods. The aim of the work is to study peasant single households of the Saratov province of the late XIX century. In this connection the primary materials of the zemstvo household censuses of the 1880–1890s will be investigated.

Keywords: family classification, historical demography, single household, family structure, peasantry of the Russian Empire, zemstvo household censuses.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-233-237>

Крестьянские домохозяйства Российской империи XIX в. представляли собой очень неоднородные структуры, формировавшиеся под влиянием различных факторов – экономических, юридических, культурных. Это определяло их различие как по численности, так и по составу. Соответственно, вопрос классификации домохозяйств, то есть группировки в зависимости от состава – дискуссионный как в российской, так и в зарубежной литературе (по сложившейся традиции термины «дом», «семья» и «домохозяйство»

в статье будут употребляться как синонимы). В исследованиях советского периода единый подход выработан не был; в результате каждый автор использовал свою классификацию, так что их результаты зачастую несопоставимы¹. В зарубежной литературе можно выделить системы Л. Стоуна, Р. Уитона, Л. Анри, П. Ласлетта; последняя среди современных российских исследователей получила наиболее широкое распространение, скорее всего, из-за частичного перевода на русский язык еще в 1979 г.² Не вдаваясь в детали классификаций (их оценка и критика не являются предметом статьи), отметим, что во многих из них в отдельную группу выделяются домохозяйства одиночек; это тот случай, когда споры о соотношении численности домохозяйств и их структуры не возникает. Дворы именно такого типа и будут предметом изучения данной статьи.

Несмотря на то, что приоритетное внимание в исследованиях семьи уделялось вариантам более распространенным (малым, расширенным, сложным), определенные данные по домохозяйствам одиночек найти можно, особенно применительно к первой половине XIX в. (поскольку ревизские сказки того периода лучше сохранились, более стандартизированы, а сами переписи проводились относительно регулярно).

Обработка материалов отдельных селений дает следующую картину: в Ярославской губернии в указанный период доля домохозяйств-одиночек колебалась с 5 до 20 %³, в Московской – от 2,9 до 6,9 %⁴, в Тамбовской – от 3 до 9 %⁵. Пермская губерния на середину XIX в. дает цифру 4,7 %⁶, Тюменский округ – 8,3 %⁷. Сопоставимые с российскими цифрами показатели представлены в исследовании Ласлетта: Англия (Илинг, Миддлсекс, 1599 г.) – 12 %, Франция (Лонгисес, 1788 г.) – 1 %, Сербия (Белград, 1733–1734 гг.) – 2 %, Япония (Нишиномия, 1713 г.) – 7 %, колониальная Америка (Бристоль, Род-Айленд, 1679 г.) – 7 %⁸.

Как можно заметить, численность исследуемых домохозяйств в России чаще колебалась от 2 до 7 % (в редких случаях уменьшаясь до 1 % или увеличиваясь до 10 % и крайне редко до 20 %) – в зависимости от времени и региона. Иными словами, в большинстве случаев их количество, по сравнению с другими типами домохозяйств, невелико, и проживало в них существенно меньше населения, чем в семьях иного типа.

Причин такой немногочисленности довольно много. В первую очередь обычно выделяют

факторы экономического и юридического свойства. Крестьянский парень в холостом статусе не воспринимался как полноправный участник общества: он не имел права голоса ни в семье, ни на сельском сходе; ему не положен был самостоятельный земельный надел. Крестьянское домохозяйство предполагало выполнение больших объемов самой разной работы, традиционно разделенной на «мужскую» и «женскую» и только полноценная семья могла обеспечить его нормальную работоспособность. Немаловажным был и моральный аспект: народные представления крайне скептически оценивали и холостых мужчин и, тем более, незамужних женщин; существенную роль в этой оценке также играла православная церковь⁹. Все эти установки создавали в Российской империи так называемую «восточную модель брачности», для которой был характерен ранний возраст заключения брака и крайне малая доля лиц, в брак не вступивших; вариант этот был распространен к востоку от условной линии Триест – Санкт-Петербург¹⁰.

Получается следующий дуализм. С одной стороны, экономические условия жизнедеятельности деревни, юридические нормы, моральные и религиозные правила не способствовали образованию интересующих нас домохозяйств, скорее, даже препятствовали им. С другой стороны, одиночки в том или ином количестве постоянно присутствовали в крестьянской среде, видимо, являя собой своеобразное отклонение от желаемой нормы.

В рамках данной статьи домохозяйства одиночек будут рассмотрены на первичных материалах сельскохозяйственной переписи Саратовской губернии за 1889–1894 гг., обнаруженных в фонде губернского статистического комитета Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО), а также их официальных изданий 1880–1890 гг.¹¹ Материалы переписи рассредоточены по 4 уездам – Кузнецкому, Хвалынскому, Петровскому и Камышинскому, что удачно соответствует географическим особенностям мест-

ности (северо-восточная лесостепная и южная степная зоны).

Прежде чем приступить к непосредственному анализу домохозяйств, попытаемся приблизительно оценить изучаемый материал. Его общий объем, сохранившийся в ГАСО, включает в себя 5307 домохозяйств¹². Если обозначить его как выборку, то необходимо определить ее репрезентативность применительно к численности крестьянских семей. Цифры получаются следующие. По данным «Свода статистических сведений», при полной подворной переписи общее количество крестьянских домохозяйств Саратовской губернии по 10 уездам составило 295 125; в них проживали соответственно 1 747 266 чел. приписного населения. Общее среднее число жителей на двор – 5,9 чел.; по уездам данная цифра варьируется от 5,4 (Саратовский) до 6,6 (Камышинский) чел.¹³ (все расчеты мои. – *И. М.*). По выборке ГАСО получены следующие результаты: количество домохозяйств – 5307, число жителей в них – 30 985 чел. Среднее количество человек на двор – 5,9 при стандартном отклонении 2,95 чел. (расчеты производились при помощи программного пакета «Статистика»). При этом стандартная ошибка выборки оценивалась в 0,04, а доверительный интервал с вероятностью 95% колебался от 5,77 до 5,92. Иными словами, применительно к численности домохозяйства (и, следовательно, домохозяйствам одиночек) архивные материалы ГАСО вполне приемлемы.

Следующий вопрос – о равномерности распределения домохозяйств такого типа. Анализируемые материалы можно сгруппировать по двум параметрам: по статусу (точнее – бывшему статусу) (государственные, бывшие помещичьи, удельные, дарственники) и по национальности (русские, мордва, татары). Попробуем выяснить, насколько существенна привязка одиночек к каждому из этих критериев. Для этого сопоставим цифры распределения общего объема данных для каждого из этих признаков и соответствующие значения домохозяйств – одиночек (табл. 1).

Таблица 1

Распределение домохозяйств по национальности и по статусу

Национальность	Распределение общих данных		Распределение одиночек	
	кол-во домохозяйств	%	кол-во домохозяйств	%
Русский	3944	74,3	117	80,2
Мордва	845	15,9	17	11,6
Татарин	518	9,8	12	8,2
Итого	5307	100	146	100
Государственные	3163	59,9	90	61,6
Собственники	844	15,9	33	22,6
Удельные	1025	19,3	21	14,4
Дарственники	203	3,8	2	1,4
Бывшие помещичьи	72	1,4	0	0
Итого	5307	100	146	100

Далее следует определить, какой из двух оставшихся критериев («национальность» или «статус») более значим для возникновения исследуемого типа домохозяйств. Эту задачу позволяет решить таблица сопряженности, в которой по сторонам указываются значения одного признака, а по столбцам – другого; в клетках таблицы отмечаются числа, представляющие частоты совпадения двух признаков (табл. 2). Наибольший интерес будут представлять случаи максимального их расхождения – как показатель фактора влияния (или невлияния). Кроме того, в общем объеме данных присутствовало еще 1,36 % крестьян, обозначенных как «бывшие помещичьи»; одиночек среди них не оказалось вообще, скорее всего, из-за малой численности группы; поэтому в табл. 2 они не указаны.

Очевидно, наиболее интересное расхождение наблюдается в парах «русские – государственные» – 7,9% и «русские – собственники» – 6,7%. В этих группах интересующие нас домохозяйства встречались более часто. Напротив, группы «мордва – государственные», «русские – удельные», «русские – дарственники» предполагают обратную закономерность: количество в них одиночек уменьшается, по сравнению с общими данными. Сопоставление чисел внутри первого столбца позволяет предположить, что на количество домохозяйств-одиночек влиял этнический фактор: при одинаковом статусе (государственные крестьяне) у мордвы и татар одиночек меньше, у русских – существенно больше.

Выявленная закономерность соответствует территориальным диспропорциям. Материалы земских переписей в ГАСО представлены по четырем уездам: Кузнецкому, Хвалынскому, Камышинскому и Петровскому, причем неравномерно. На рис. 1 показано распределение по уездам общих данных и домохозяйств-одиночек.

Как можно заметить, в трех уездах – Кузнецком, Хвалынском и Камышинском – количество домохозяев-одиночек стабильно несколько меньше общих данных, а их превышение наблюдается только в Петровском уезде, причем существенное – на 12,6 %. С учетом выявленных ранее факторов все встает на свои места. Материалы Кузнецкого и Хвалынского уездов представлены домохозяйствами мордвы в статусе государственных крестьян; в Камышинском уезде большая часть – это «русские, удельные». И для первых, и для вторых процент одиночек несколько ниже общего числа. Напротив, более склонны к образованию такого рода домохозяйств «русские, государственные» и «русские, собственники»; именно они в большинстве своем представлены в Петровском уезде.

Структурно исследуемые домохозяйства выглядят следующим образом. Их подразделение на мужские и женские – точно поровну (73 и 73). Кроме того, в классификации Ласлетта данная группа имела свое внутреннее подразделение: на подгруппу 1а (вдовье) и 1б (холостые или с неопределенным статусом). В данном случае на долю 1а приходится 68 домохозяйств (47 %), на 1б – 78 (53 %) – тоже примерно поровну. При

Таблица 2

Распределение домохозяйств по национальности и статусу, %

Национальность	Государственный		Удельный		Собственник		Дарственник	
	общие	одиночки	общие	одиночки	общие	одиночки	общие	одиночки
Русский	33,9%	41,8%	19,3%	14,4%	15,9%	22,6%	3,8%	1,37%
Мордва	15,9%	11,6%	0	0	0	0	0	0
Татарин	9,8%	8,2%	0	0	0	0	0	0

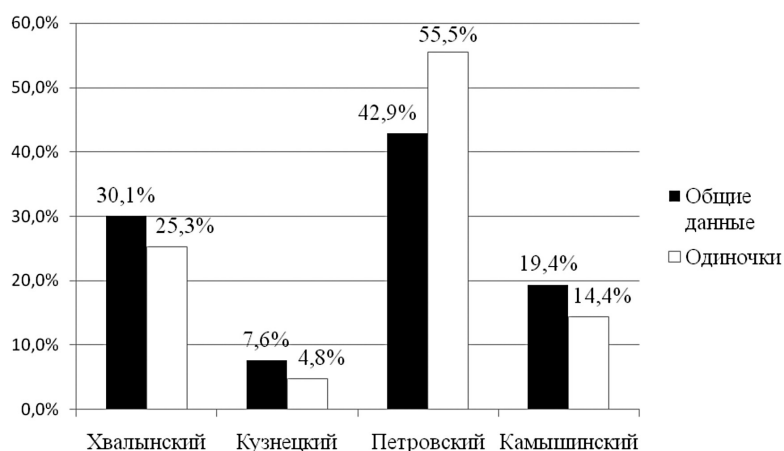

Рис. 1. Распределение домохозяйств по уездам

этом для мужчин более характерным был второй вариант, а для женщин – первый.

Возраст домохозяев-одиночек расположен в широком диапазоне от 17 до 80 лет (рис. 2). Средний возраст – 53 года, медиана – 59, мода – 60 (22 наблюдения). Квартильный размах равен 20 (от 45 до 65 лет), при этом наиболее «насыщенные» возрастные категории от 55 до 70 лет (64 варианта из 146).

Как можно заметить, мужские одиночные домохозяйства однозначно доминируют в группах до 35 лет (и, как указывалось ранее, это на 2/3 холостяки или лица с неопределенным статусом). Доля женщин выше в интервале от 56 до 70; в подавляющем большинстве своем (около 2/3) – это вдовы.

При проведении сельскохозяйственных переписей приоритет отдавался экономическим параметрам, информация демографическая носила вторичный характер. Этот дуализм в данном случае очень выгоден, поскольку позволяет оценить одиночные домохозяйства с точки зрения их хозяйственной самостоятельности. Следует признать, что экономически данная группа выглядела очень слабо. Во-первых, сельское хозяйство для нее явно не являлось первостепенным. На 146 домохозяйств приходилось всего 5 лошадей, 17 коров, 11 овец. Инвентарь для обработки земли на всех ограничен 4 сохами. У 97 чел. (2/3 всей группы) вообще отсутствовал земельный надел, оставшиеся чаще не обрабатывали причитающийся им пай, а сдавали его в аренду. Во-вторых, часть одиночек была просто нетрудоспособна – из-за возраста или проблем со здоровьем. В одну из граф переписи включались такие члены домохозяйства, как «калеки, нетрудоспособные и солдаты на службе». Таких одиночек насчитывается 14 чел. (то есть каждый десятый) – с характеристиками «совсем не видит», «убогий», «припадочный», «глуповатый», «без руки» и т. д. В другой графе переписи указывались «важнейшие занятия» –

промыслы, в дополнение к сельскохозяйственным работам. И здесь у 42 (то есть более, чем у каждого четвертого) членов группы значится: «по миру ходит», «милостыня», «нищий», «побирается». В возрастах от 20 до 50 лет эти два признака (нетрудоспособность и нищенство) практически совпадают и для мужчин, и для женщин. Мужчины в данной люмпенизированной группе составляют четвертую часть, остальные женщины – 32 чел. Можно сказать, что из женщин-одиночек в возрасте старше 50 лет нищенствует приблизительно каждая вторая. Кроме того, еще 10 человек находятся на иждивении у родственников или государства («получает пособие», «свои помогают», «зять кормит»). Нетрудоспособные и люмпенизированные в основном совпадают, хотя бывают и отдельные исключения («без руки» – пастух, «глуповатый» – рабочий).

Род занятий для трудоспособных мужчин – чаще отходничество (плотник, столяр, сапожник, работник), для женщин – либо поденная работа, либо, выражаясь современным языком, «сфера услуг» – «торговка», «рисует образа», «келейница», «кухарка», «нянька». Те, у кого род занятий не указан (27 чел.), скорее всего, непринципиально отличаются от люмпенизированных, поскольку большинство из них не имеют ни сельскохозяйственного инвентаря, ни домашнего скота, ни земли и находятся в преклонном возрасте.

Оценивая домохозяйства одиночек, можно выделить следующие моменты. Во-первых, этот вариант представлял крайне незначительную долю населения губернии – 2,8 % домохозяйств, представлявших 0,5 % жителей губернии (по анализируемой выборке). Материалы переписи 1897 г. дают очень схожий результат: 3 % домохозяйств и те же 0,5 % населения¹⁴.

Во-вторых, данный тип домохозяйства демонстрирует определенную, конечную стадию его эволюции. По демографическим характеристикам его обитатели в брак не вступили, по

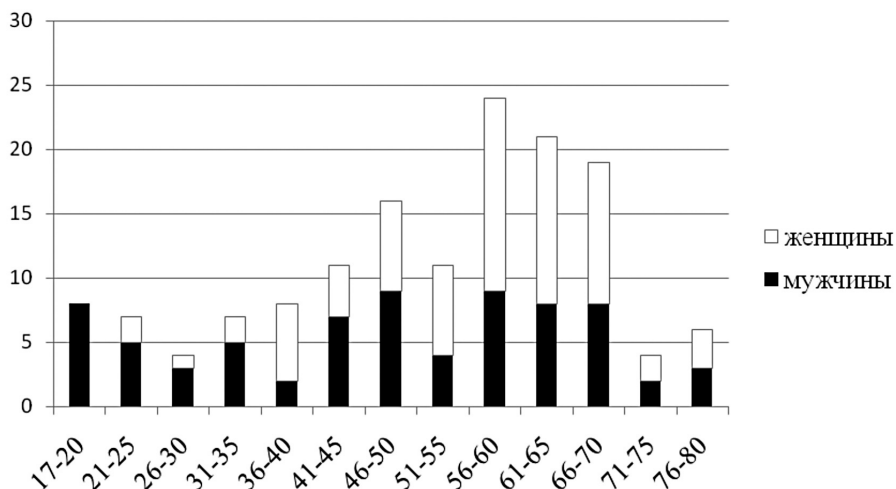

Рис. 2. Распределение глав домохозяйств по полу и возрасту

экономическим параметрам – с большим трудом существовали самостоятельно. Продолжительность функционирования такого домохозяйства – это время жизни его главы, который очень часто находился в преклонном возрасте.

По сути это был тот вариант, которого крестьяне Российской империи старались избежать всеми доступными способами. Крайне незавидная доля одиночек ярко выражена в многочисленных русских пословицах: «И в раю жить тошно одному», «Живучи одной головкой и обед варить неловко», «Семья воюет, а одинокий горюет», «Одному и топиться идти скучно», «Одному спать – и одеяльце не тепло»¹⁵. И это не было чисто российским феноменом. Аналогичные изречения можно найти в немецком фольклоре: «Allein vermag auch der Tapferste wenig» («но даже самые смелые могут немного»), «Ein mann kein mann» («один человек не человек»), «Alleinsein ist selbst im Paradies vom Übel» («одиночество – это зло даже в раю»)¹⁶, или английском: «One man no man» («один человек – никто»), «One is no number» («один – не число»)¹⁷. Ничего удивительного в таком совпадении нет. Тяжелые условия жизни традиционного общества не предполагали одинокого образа жизни. Экономика, демографическое поведение, право, религия, менталитет – все эти факторы подталкивали людей к необходимости заводить семью. Отклонения от этого стандарта происходили в результате неудачного стечения обстоятельств и были в итоге неблагоприятны для их участников.

Примечания

- 1 Подробнее об этом см.: Мельников П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв. : проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166.
- 2 Household and Family in Past Time : Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan

and Colonial North America / (eds.) P. Laslett, R. Wall. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1972.

- 3 См.: Деннисон Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836–1858 гг. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История. 2005. Январь. Вып. 1. С. 147–154.
- 4 Avdeev A., Troitskaya I., Ulianova G. Social differences in household structures in the 19th century : Moscow and its outskirts // Demographic review. English selection. 2015. P. 88–89.
- 5 См.: Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 78.
- 6 См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 1. С. 223.
- 7 См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири : XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1979. С. 44, 53, 65, 70.
- 8 Household and Family in Past Time... P. 85.
- 9 См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 161–162.
- 10 Hajnal J. European Marriage Patterns in Perspective // Population in History / Glass D. V., Eversley D. E. C. (eds.). London, 1965. P. 101–143.
- 11 См.: Свод статистических сведений по Саратовской губернии / под ред. С. Харизоменова. Саратов, 1888.
- 12 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356.
- 13 См.: Свод статистических сведений по Саратовской губернии. С. 2.
- 14 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого : в 89 т. СПб., 1904. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. С. 6.
- 15 Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. ; СПб., 1879. Т. 1. С. 451–452.
- 16 Graf. A.E. 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter. Veb Max Niemeyer Verlag. Halle (Saale), 1956. P. 36.
- 17 Григорьева А. И. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. М., 2009. С. 122.

Образец для цитирования:

Мельников П. Ю. Одиночные крестьянские домохозяйства Саратовской губернии конца XIX в. по данным земских подворных переписей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 233–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-233-237>

Cite this article as:

Melnikov P. Yu. Single Peasant Households of the Saratov Province of the End of the XIX Century According to Zemstvo Household Censuses. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 233–237 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-233-237>

УДК 94(=112.2)(470.44+430)|1918|+929Рейтер

Революционная деятельность Эрнста Рейтера в Саратовском Поволжье (1918 г.)

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

В статье исследуется короткий саратовский период большого жизненного пути известного германского социал-демократа Эрнста Рейтера. По указанию Председателя Совнаркома РСФСР В. И. Ленина и наркома по делам национальностей И. В. Сталина германский военнопленный и коммунист Эрнст Рейтер в апреле 1918 г. был направлен в Саратовское Поволжье, где стал руководителем Поволжского комиссариата по немецким делам. Он руководил процессом установления советской власти в немецких колониях, стоял у истоков создания Автономной области немцев Поволжья. Вернувшись в Германию (ноябрь 1918), Рейтер постепенно разочаровался в коммунистических идеях и стал социал-демократом. После войны Э. Рейтер был избран обербургомистром Западного Берлина и на этой должности умело противостоял попыткам руководства СССР и ГДР ликвидировать независимый статус города. Этим он снискал высочайшее уважение горожан.

Ключевые слова: Эрнст Рейтер, Германия, Советская Россия, Поволжский комиссариат по немецким делам, Саратов, немцы Поволжья, Автономная область немцев Поволжья.

Revolutionary Activity of Ernst Reuters in the Saratov Volga Region (1918)

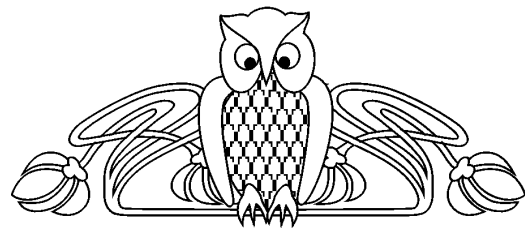
A. A. German

Arkady A. German, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

The author analyzes a short Saratov period of the course of life of a well-known German social democrat Ernst Reuter. According to the directive of the RSFSR Council of Peoples Commissars Chairman V. I. Lenin and Peoples Commissar on Nationalities J. V Stalin a German war prisoner and communist Ernst Reuter was sent to Saratov Volga Region in April 1918 where he became the leader of the Volga Region Commissariat on the Germans. He was in charge of establishing the Soviet power in German colonies and participated in the creation of the Autonomous Region of the Volga Germans. Having returned to Germany (November 1918), he gradually got disappointed in communist ideas and became a social democrat. After the war E. Reuter was elected Oberbürgermeister of Western Berlin and skillfully opposed the attempts of the USSR and the GDR leaders to eliminate an independent status of the city. This brought him a great respect of the citizens.

Keywords: Ernst Reuter, Germany, Soviet Russia, Volga Region Commissariat on the Germans, Saratov, Volga Germans, Autonomous Region of the Volga Germans.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-238-246>

Российская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война вовлекли в себя не только граждан нашей страны, но и огромное количество иностранцев, многие из которых оставили существенный след в истории революционной и послереволюционной России. Среди них – человек интереснейшей судьбы, незаурядная личность – Эрнст Рейтер.

I

Эрнст Рейтер родился 29 июля 1889 г. в г. Апенраде (Северный Шлезвиг), ныне г. Обенро в Дании. Он был пятым сыном Вильгельма Рейтера (1838–1926), рожденным во втором браке. Его мать – Каролина Рейтер, урожденная Хагеманн (1851–1941), была на 13 лет моложе отца. Оба были выходцами из протестантских семей северной Германии. Отец Эрнста преподавал в Королевской прусской школе мореплавания в Апенраде. В 1892 г. семья переехала в Леер (Восточная Фризия), где Вильгельм Рейтер продолжил преподавательскую деятельность в местной школе морской навигации. Достаток в семье и семейная жизнь были скромными. С детства у Эрнста развилась страсть к чтению книг. Ему нравились география, философия, история. Кроме того, он изучал природу и ландшафт¹.

После окончания гимназии в 1907 г. Эрнст обучался в университетах Марбурга, Мюнхена, Мюнстера. Его мировоззрение формировалось на основе неокантианства. Все больше его привлекали левые (социалистические) теории, он живо интересовался текущей политикой, читал социал-демократическую периодику, изучал выступления социал-демократов в Рейхстаге.

Получив высшее образование в 1912 г., Рейтер решил посвятить себя работе внутри социал-демократического рабочего движения и, таким образом, реализовывать свои идеалы. Первоначально он жил и работал в Билефельде, в августе 1913 г. переехал в Берлин, где утвердился в качестве одного из крупных лекторов и пропагандистов социал-демократической партии².

С началом Первой мировой войны Э. Рейтер стал одним из ее последовательных противников, составлявших в социал-демократической партии меньшинство. Он был в числе учредителей общественной организации «Федерация нового отечества» (ФНО), развернувшей активную пацифистскую деятельность. Э. Рейтер написал антивоенный меморандум, анонимно распростра-

навшийся от имени ФНО и получивший широкий резонанс в Германии. Меморандум критиковал довоенную внешнюю политику Германии, конкретных государственных и общественных деятелей, своей политикой приближавших войну, и вызвал резкое неприятие министерства иностранных дел Германии. В то же время некоторые политики, подвергшиеся в меморандуме критике (например, Эдуард Бернштейн), искали возможность вступить с ФНО в полемику, однако участвовать в ней полемике Э. Рейтеру не пришлось, так как 22 марта 1915 г. он был мобилизован в армию.

Военную службу Э. Рейтер использовал для изучения положения в армии и отправлял своим товарищам информацию, разоблачавшую пороки армейской повседневности, ущемление прав военнослужащих. Весной 1916 г. Рейтер попросился на фронт. С апреля 1916 г. он участвовал в сражениях на территории Франции. В конце июля его часть была переброшена на Восточный фронт для участия в отражении русского наступления («Брусилковский прорыв»). В этих боях 10 августа он был тяжело ранен, получил перелом бедренной кости и попал в российский плен³.

На санитарном поезде в течение почти месяца через Одессу, Екатеринослав, Москву он добирался до Нижнего Новгорода, где началось его стационарное лечение. Выздоровление было трудным, Рейтер стал инвалидом, ему до конца жизни пришлось пользоваться палкой, поскольку вылеченная правая нога стала заметно короче левой⁴. Из госпиталя его выписали в ноябре 1916 г. и отправили в лагерь для выздоравливающих военнопленных в Переславль-Залесский. И в госпитале, и в лагере Рейтер активно изучал русский язык. Довольно скоро он уже мог переводить немецким военнопленным последние новости из российских газет. Знание русского языка и политические убеждения сделали Э. Рейтера лидером среди военнопленных в лагере. В конце августа он оказался в лагере для военнопленных вблизи деревни Савинка Тульской губернии, где ему пришлось стать шахтером⁵.

Рейтер приветствовал Октябрьскую революцию 1917 г. и желал принять активное участие в создании нового социалистического общества. Его лидерские качества и знание языка способствовали назначению его одним из руководителей шахты. Он также оказался в руководстве местного Совета. Весть о нем как о германском социал-демократе, владеющем русским языком, дошла сначала до тульской губернской власти, а затем и до центральной большевистской власти, и в феврале 1918 г. Э. Рейтер был назначен председателем комитета созданной большевиками международной организации военнопленных в России.

Политическая работа Рейтера среди военнопленных была направлена на подготовку революционеров, которые в случае политических потрясений в Германии должны были принять активное участие в осуществлении социалисти-

ческой революции. Потому он выступал против использования этих военнопленных в качестве ресурса для новой Красной Армии и участия их в Гражданской войне⁶. В этот период Э. Рейтер познакомился и тесно сотрудничал с высшим руководством Советской республики, включая В. И. Ленина и И. В. Сталина. С последним у него даже сложились дружеские отношения. В апреле 1918 г. судьба Эрнста Рейтера совершила очередной крутой поворот, который привел его в Саратов, где он должен был решать задачу по обеспечению политической лояльности немцев Поволжья.

II

У поселившихся на берегах Волги еще в 1760-х гг. немцев политическая жизнь до 1917 г. практически отсутствовала. Однако в годы Первой мировой войны поволжских немцев серьезно задело антинемецкое законодательство 1915–1916 гг.: запрещались все немецкие общественные организации, немецкоязычная пресса, преподавание и публичные разговоры на немецком языке и др. Все немецкие населенные пункты получили русские названия. В феврале и декабре 1915 г. император Николай II подписал ряд «ликвидационных законов», лишивших немцев, проживавших в западных губерниях страны, земельных владений и права землепользования. 6 февраля 1917 г. эти законы были распространены и на немцев Поволжья. С весны 1917 г. они подлежали выселению в Сибирь, однако этому помешала Февральская революция. Временное правительство приостановило действие «ликвидационных законов»⁷.

Дискриминация немцев Поволжья заставила их сплотиться под лозунгами автономистского движения, которые сформулировала партия «Немцы Поволжья», созданная сразу после Февральской революции 1917 г. Она стала общенациональной организацией, объединившей в своих рядах людей различных политических взглядов – от консерваторов-националистов до крайне левых. Центральному бюро «Немцев Поволжья» (Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, Г. Клинг, И. Шлейнинг и др.) удалось в короткий срок развить бурную деятельность в Саратове и колониях и фактически в течение всего 1917 г. держать значительную массу поволжских немцев под своим влиянием⁸. Программные цели партии не выходили за рамки национально-культурной автономии и стремились к возвращению поволжским немцам тех позиций, которые они имели до начала войны. Свои идеи до масс партия доносила через газету „Saratower deutsche Volkszeitung“ («Саратовская немецкая народная газета»)⁹.

Стремительно развивавшаяся весной и летом 1917 г. революционная стихия захватила и часть немцев. 2 июня 1917 г. в Саратове прошёл учредительный съезд Союза (Bund) немцев-социалистов Поволжья (СНСП), который объединил в одну организацию разрозненные группы, отражавшие

взгляды существовавших в России социалистических партий. Наиболее влиятельными в СНСП были большевистская группа в Саратове (Г. Кёниг, Г. Клиндер, В. Штротбергер и др.) и меньшевистская группа в Екатериненштадте, составившая Центральный Комитет Союза (А. Эмих, Ф. Ледерер и др.). Печатным органом Союза немцев-социалистов Поволжья стала газета „Der Kolonist“ («Колонист»)¹⁰.

Усилия новой большевистской власти, направленные на установление своего полного господства на местах, стали менять традиционную жизнь колонистов. Повсюду, в том числе в Саратове и немецких селах, производились национализация предприятий немецкой буржуазии, экспроприация и конфискация частной собственности, развивалась политика террора и насилия. Одним из первых шагов нового режима в Поволжье стало запрещение организации «Немцы Поволжья», закрытие ее газеты и конфискация имущества, репрессии против ряда руководителей¹¹. В то же время большевики усиливают роль СНСП. Руководство этой организацией переходит в руки саратовских немцев-большевиков. Союз активно участвует во всех проводимых новой властью акциях.

«Декларация прав народов России», провозглашенная 2 ноября 1917 г., произвела впечатление на немецкое население, прежде всего на интеллигенцию. 24–28 февраля 1918 г. в колонии Варенбург (Привальное) прошёл съезд немцев – депутатов Новоузенского и Николаевского уездных земских собраний Самарской губернии. Противоречивые решения съезда характеризуют те колебания, которые испытывала интеллигенция по отношению к новой власти. С одной стороны, съезд резко осудил бесчинства в колониях, устраивавшиеся различными вооружёнными отрядами, закрытие немецкой газеты, репрессии против участников национального движения, с другой, опираясь на «Декларацию прав народов России», разработал «Проект национального объединения всех немцев Поволжья в автономную немецкую республику Поволжья в составе Российского федеративного государства». То есть в Варенбурге впервые был поставлен вопрос о национально-территориальной автономии немцев Поволжья¹².

Для реализации этого проекта была избрана Временная центральная администрация немецких колоний Поволжья во главе с Административным советом, в который вошли М. Кизнер (председатель), К. Брюггеман, И. Гросс, Д. Ойрих и Д. Тиссен. Совету поручили ходатайствовать перед Советским правительством о предоставлении немцам Поволжья автономии, направив с этой целью в Москву делегацию. В состав делегации были избраны М. Кизнер, И. Гросс и социалист А. Эмих¹³. По настоянию А. Эмиха делегацию уполномочили заручиться поддержкой и содействием влиятельных большевистских лидеров саратовского комитета СНСП. А. Эмих понимал,

что без участия в делегации немцев-большевиков её шансы на достижение договорённости с центральной большевистской властью были бы равны нулю. После долгих и горячих споров саратовские немцы-большевики решили включить в состав делегации своих представителей Г. Клиндера и Я. Кельнера¹⁴.

10 апреля в Москву выехала делегация, в которой немцы-социалисты имели большинство (трое из пяти членов делегации). Они и проводили, все переговоры в Наркомнаце. По некоторым данным, нарком по делам национальностей И. Сталин вообще отказался допустить к переговорам несоциалистов (М. Кизнера, И. Гросса)¹⁵.

Переговоры проходили (с перерывами) в период с 13 по 24 апреля 1918 г. Во второй, основной части переговорного процесса принимали участие И. Сталин и Э. Рейтер. К этому времени Рейтер был уже освобожден от работы с военнопленными и ему была поставлена задача возглавить процесс предоставления автономии немцам Поволжья. В помощь Э. Рейтеру был назначен австрийский левый социал-демократ, юрист по образованию Карл Петин (Karl Petin). В результате переговоров было достигнуто «принципиальное соглашение» об организации «самоуправления немецких трудящихся масс на советских началах». Отмеченное выше подтверждается телеграммой, присланной И. Сталиным в Саратов:

«Саратов. Комитету немцев-социалистов Саратовской губернии. Копии: Саратовскому и Самарскому совдепам.

По поводу заявления вашей делегации в лице товарищей Клиндера, Эмиха и Кельнера, сделанного народному комиссариату национальностей, считаю долгом сообщить, что правительство может радоваться пробуждению немецких трудовых масс, решившихся наконец взять в свои руки дело организации своей народной школы, всего народного самоуправления на советских началах. Правительство верит, что немецкие рабочие и беднейшие крестьяне, организовавшись в совдепы, возьмут власть в свои руки, рука об руку с русскими трудовыми массами двинутся вперед к социализму. Мы не сомневаемся, что ваш комитет приложит все усилия к тому, чтобы заодно с командированными к вам испытанными товарищами Рейтером и Петиним обеспечить в районе вашей деятельности окончательное торжество социализма. Народный комиссар национальностей И. Сталин»¹⁶.

Из самого факта появления такой телеграммы можно сделать несколько интересных заключений.

Телеграмма отправлена 25 апреля, делегация возвратилась в Саратов 26 апреля. Почему И. Сталин все же решил опередить делегатов, хотя бы на несколько часов и лично сообщить членам саратовского комитета об итогах переговоров? По всей видимости, в центре придавали важное значение быстрейшему установлению со-

ветской власти в немецких колониях и созданию там надежной большевистско-советской администрации. Представляется, что от этого во многом зависело благополучие всего большевистского режима в России.

Напомним, что 3 марта в Брест-Литовске был подписан мирный договор с Германией. В ходе переговоров о его заключении все немецкие колонисты Германией признавались гражданами Советской республики, однако тем из них, «которые сами или предки которых являются выходцами из Германии», на основании ст. 21 и 22 дополнения к мирному договору в течение 10 лет после его ратификации, предоставлялось право реэмиграции в Германию с одновременным переводом туда своих капиталов. Оговаривалось право каждого желавшего переехать в Германию непосредственно обращаться к дипломатическим и консульским представителям этой страны. На основании указанных статей германское правительство назначило «Комиссию попечения о германских реэмигрантах», которая должна была контролировать выполнение советскими органами соответствующих статей¹⁷. Понятно, что установление прочной советской власти в немецких колониях позволило бы существенно минимизировать возможные неприятные для большевиков последствия, связанные с обязательствами советского правительства по дополнительному договору.

В телеграмме говорится только о трех переговорщиках со стороны делегации немцев Поволжья. Все они социалисты. Это вполне подтверждает вывод, что М. Кизнер и И. Гросс тем или иным образом были отстранены от участия в переговорах и принятия решений.

Телеграмма, несмотря на ее приподнятый тон и дружеское обращение к «саратовским товарищам» на самом деле напоминает четкую инструкцию, определяющую дальнейшие действия местных большевиков: установить в немецких колониях советскую власть и строго следовать политике центра. Только так можно обеспечить «торжество социализма».

Наконец, в телеграмме называются фамилии двух «испытанных товарищей», вместе с которыми надо будет устанавливать советскую власть в колониях. Это уже упомянутые выше Э. Рейтер и К. Петин. Посылка в Саратов «испытанных товарищей» свидетельствует о неуверенности центра в способности «местных товарищей» самостоятельно выполнить задачу по советизации немецких колоний. Возможно, посылка телеграммы за несколько часов до возвращения делегации поволжских немцев из Москвы преследовала и еще одну цель: предварительного информирования местных большевиков о появлении новых людей, которые будут заниматься судьбой немецких колоний. Таким образом, несколько сглаживалась неожиданность их появления в Саратове.

III

26 апреля делегация возвратилась в Саратов. Вместе с ней прибыли «коммунисты-интернационалисты» Эрнст Рейтер и Карл Петин с полномочиями организовать Поволжский комиссариат по немецким делам (ПКНП).

Комиссариат был сформирован и 30 апреля приступил к работе. Об этом он уведомил Саратовский и Самарский губернские советы и выразил просьбу «во всех делах, касающихся немцев Поволжья, работать в контакте с Комиссариатом» и оказывать содействие в выполнении стоящих перед ним задач, которые были сформулированы следующим образом: «1) быть идейным центром социалистического движения среди немцев Поволжья; 2) помочь немцам Поволжья организовать у себя самоуправление на советских началах и 3) подготовить съезд Советов рабочих и беднейших крестьян немецких колоний». Из сформулированных задач видно, что комиссариат должен был в своей деятельности совмещать функции партийно-большевистские (п. 1), и государственные (пп. 2, 3).

В первый состав Комиссариата вошли Э. Рейтер, К. Петин, Г. Клиnger, А. Эмих, А. Моор. Председателем Совета комиссаров стал Э. Рейтер. В дальнейшем численность комиссариата существенно возросла. Он имел административный, культурно-просветительный, экономический, юридический, финансовый, агитационный и издательский отделы.

Поволжский комиссариат по немецким делам подчинялся непосредственно Народному комиссариату по делам национальностей РСФСР и являлся его региональной структурой. В своей деятельности он стал широко опираться на Союз немцев-социалистов Поволжья и особенно на его саратовский комитет, куда были кооптированы Э. Рейтер и К. Петин.

Возглавив ПКНД, Э. Рейтер продемонстрировал недюженные организаторские способности. Комиссариат уже 7–8 мая 1918 г. провел совещание представителей немецких колоний. Оно постановило: созвать в июне 1918 г. в Саратове Съезд советов немецких рабочих и крестьянских депутатов «для установления границ компетенции автономии на советских началах», провести до этого времени в колониях и городах Поволжья выборы советов рабочих и крестьянских депутатов, избрать для разработки проектов автономии и местного самоуправления комиссию из 15 человек. Совещание решило назвать будущую автономную самоуправляющуюся единицу Федерацией немецких колоний Поволжья.

10 мая ПКНД издал воззвание к трудящимся немцам, в котором объявил о создании Комиссариата, его целях и призвал рабочих и крестьян во всех колониях провести выборы в советы и избрать делегатов на 1-й Съезд советов рабочих и крестьянских депутатов немецких колоний. Вместе с воззванием была опубликована и инструк-

ция, разъяснявшая порядок выборов в советы¹⁸.

Участники майского совещания, члены Поволжского комиссариата и привлеченные им члены саратовской организации Союза немец-социалистов, в том числе Э. Рейтер, выехали в колонии для проведения разъяснительной и организационной работы по подготовке выборов. Они обнаружили, что влияние большевизма на немецких колонистов было минимальным, колонисты, несмотря на политические бури 1917–1918 гг., в большинстве своем продолжали жить обычной жизнью.

В мае – июне 1918 г. под руководством ПКНД проходила организация советов в колониях и избрание делегатов на 1-й (учредительный) Съезд советов немецких колоний Поволжья. Съезд проходил 30 июня – 1 июля в Саратове, в здании Народной аудитории (ныне здание областной научной библиотеки). На повестке дня стояли следующие вопросы: организация самоуправления немецких колоний; вопросы народного просвещения; земельный вопрос; выборы.

По первому вопросу доклад сделал Э. Рейтер. Он обосновал необходимость введения самоуправления немецких колоний: «Рабочее и крестьянское правительство не может на местах пребывать в том ненормальном положении, при котором свои указания и распоряжения, обсуждение и делопроизводство приходится вести на языке, недоступном народным массам... Буржуазные элементы, которые раньше надеялись через так называемую автономию отвлечь немецкое население от влияния русской революции, уже убедились, что введение немецкого языка в немецком управлении ведет народные массы к совершенно нежелательному для буржуазии интересу к политике, который смог бы повести к окончательному закреплению идей октябрьской революции и в немецких колониях»¹⁹.

Говоря о характере самоуправления немецких колоний, докладчик всесторонне обосновал идею Федерации немецких колоний Поволжья. Она предполагала автономию уездов с немецким населением, установление между ними отношений федерации и вместе с тем административное подчинение национальных уездов губерниям, на территории которых они располагались. Немецкое самоуправление мыслилось как средство быстрого вовлечения немецких трудящихся масс в «социалистическое переустройство общества».

Делегаты Съезда поддержали идею федерации. 1-й Съезд советов немецких колоний Поволжья конституировал ПКНД как рабочий орган Исполнительного комитета Съезда советов. Состав Комиссариата практически не изменился, однако все его члены теперь были избраны на Съезде советов. Председателем комиссариата вновь стал Э. Рейтер²⁰.

В связи с восстанием левых эсеров в Москве и убийством германского посла В. фон Мирбаха Э. Рейтер получил личный приказ Председателя

Совнаркома В. Ленина сформировать в немецких колониях и отправить в Москву специальную роту немцев-колонистов для охраны германского посольства. В период с 17 по 29 июля такая рота (160 человек) была сформирована и отправлена в Москву. Однако по причине выезда германского посольства в оккупированный Псков рота несла охрану других важных государственных учреждений. В конце сентября по просьбе Поволжского комиссариата по немецким делам она была возвращена назад и впоследствии использовалась для поддержки «революционного порядка» в колониях²¹.

С самого начала деятельность ПКНД встретила настороженное отношение, а порой прямо открытое недоверие и подозрительность со стороны губернских и уездных советских органов, на тех территориях, куда распространялась его компетенция. В этом, прежде всего, проявилось уже упоминавшееся большевистское понимание интернационализма. Считалось, что поскольку вот-вот победит мировая социалистическая революция и восторжествует всемирное братство народов, то автономия не нужна, более того, подозрительна, так как разделение трудящихся по национальному признаку выгодно лишь буржуазии.

Прохладное отношение к немецкому комиссариату вызывалось также довольно сильными местными тенденциями в политике ряда советов, не желавших делиться властью с кем бы то ни было на подведомственной им территории. Особенно характерно это было для Саратовского губернского совета. Дошло до того, что за членами Комиссариата осуществлялась слежка, а Г. Клиггер был даже арестован саратовским отделом ВЧК по подозрению в контрреволюционной деятельности (освобожден через несколько дней после неоднократных требований Э. Рейтера по личному указанию председателя Саратовского совета В. П. Антонова-Саратовского)²².

Еще одна причина всего происшедшего заключалась в отсутствии в течение некоторого времени официальных юридических оснований для деятельности ПКНД. Лишь 29 мая был издан и 5 июня опубликован в «Известиях ВЦИК» Устав Поволжского комиссариата по немецким делам, в котором формулировались цели его деятельности и определялся порядок взаимоотношений с губернскими и уездными советами. В частности, там говорилось: «Постановления губернских и уездных Советов, затрагивающие интересы трудового населения немецких колоний, приводятся в исполнение лишь с ведома и по соглашению с Поволжским Комиссариатом по делам немцев» Устав был подписан народными комиссарами: по делам национальностей И. Сталиным и внутренних дел Г. Петровским²³.

Устав заложил также юридическую основу для борьбы с несанкционированными вторжениями и реквизициями в немецких селах. И все же проблемы бесчинств различных представителей

власти и воинских частей решить не удавалось. К лету 1918 г. Саратовское Поволжье оказалось прифронтовой территорией, что привело к серьезному усилению грабежей и бесчинств в немецких селах как со стороны местных губернских и уездных органов власти, так и воинских частей.

Из многочисленных донесений, поступавших в ПКНД, приведем лишь одно, красноречиво отражающее общую обстановку, сложившуюся в немецких селах: «[В] колониях Новоузенского уезда хозяйничает представитель Новоузенского совдепа Рубан с подчиненными комиссарами. Работа его бессистемна, носит характер грабежей, налетов, практикуется запугивание, порка, расстрелы без следствия...»²⁴.

По ходатайству Э. Рейтера Совнарком РСФСР 26 июля принял специальное постановление:

«Саратов, Губсовдепу, Комиссариату колоний. Совдепам: Камышинскому, Вольскому, Аткарскому, Саратовской, Новоузенскому и Николаевскому Самарской.

Совет Народных Комиссаров постановил: всякие контрибуции, конфискации и реквизиции хлеба среди немецких колонистов Поволжья могут иметь место только с согласия Комиссариата по немецким делам в Саратове. С точки зрения общегосударственных интересов всякие самочинные действия местных Советов по отношению к немецким колонистам могут привести к весьма печальным последствиям. Поэтому для борьбы с кулацкими и контрреволюционными элементами немецких колоний призван нами советский Комиссариат по делам немцев-колонистов Поволжья, во главе которого стоят испытанные товарищи коммунисты Петин и Рейтер, принадлежащие к тому течению германских социал-демократов, во главе которого стоит Карл Либкнехт. Поэтому предлагаем Саратовскому Губсовдепу и всем волостным Совдепам Саратовской и Самарской губернии действовать в тесном контакте с Немецким Комиссариатом. В случае же разногласия обязательно запрашивать Совет Народных Комиссаров».

Постановление подписали председатель Совнаркома В. Ленин, ряд других наркомов²⁵.

Бесчинств в отношении немецкого населения полностью изжить не удалось. О том, что они эпизодически проявлялись, свидетельствует, например, предписание политического комиссара 4-й армии Зорина, разосланное по подчиненным частям 15 сентября. В нем, в частности, говорилось: «Поволжский комиссариат по немецким делам телеграммой от 14 № 206 указывает на самовольные реквизиции, производимые командиром Краснокутского полка и заведующим хозяйством того же полка у населения Солянки, Воронцовки, Ивановки, Ромашки и других колоний. Такие поступки недопустимы. Предписываю самочинные расправы прекратить немедленно и впредь без особого разрешения штаба 4-й армии никаких реквизиций и отобрания продуктов не

производить. Виновные в неисполнении сего будут отстранены от должности и преданы суду военно-революционного трибунала»²⁶.

Комиссар армии, руководствуясь декретом СНК РСФСР от 26 июля 1918 г., фактически солидаризируется с позицией Поволжского комиссариата и жестко требует от подчиненных прекратить грабежи.

Защищая колонистов от произвола, Поволжский комиссариат по немецким делам вместе с тем устанавливал в колониях советскую власть, создавая местные советы, реализовал Декрет о земле, проводя кампанию «социализации» земельного фонда, выполнял решения советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, формировал красногвардейские отряды для «борьбы с контрреволюцией», с помощью этих отрядов подавлял выступления колонистов, недовольных постоянным грабежом колоний со стороны различных советских и военных органов, боролся с «врагами советской власти», препятствовал эмиграции немецкого населения Поволжья в Германию, которая происходила на основании документов Брестского мира²⁷.

В качестве примера приведем текст телеграммы, отправленной К. Петинем из Екатериненштадта (Баронска) Э. Рейтеру в Саратов 6 октября 1918 г.: «Волнения [в] Баронском уезде против мобилизации. В Паульском Дотц (руководитель Екатериненштадтского уездного совета. – А. Г.) разогнал митинг 1500 мобилизованных. 3 убитых, несколько раненых. Пришлите 25 седел и пулемет»²⁸.

Еще с 6 июня началось издание информационного органа Комиссариата – газеты «Нахрихтен» («Известия»). К октябрю ее тираж достиг 2,5 тыс. экземпляров. В Саратове Комиссариат получил во временное пользование большую реквизированную типографию Шельгорна, в которой массовыми тиражами печатались, а затем распространялись в колониях документы Советского правительства, Поволжского Комиссариата, брошюры, листовки²⁹.

Э. Рейтер возглавил процесс по созданию Партии немцев-коммунистов Поволжья, которая должна была заменить выполнивший свою переходную функцию Союз немцев-социалистов. Партия немцев-коммунистов была организована в сентябре 1918 г. Она провозгласила себя составной частью РКП (б). С 15 сентября начал выходить ее печатный орган – газета «Коммунист». Все сотрудники ПКНД стали членами саратовской группы партии³⁰.

Роспуск СНСП и создание чисто коммунистических партийных организаций в Саратове и колониях ликвидировали последние остатки социал-демократического инакомыслия, усилили процесс «классовой направленности» советского строительства в колониях, сделали его более жестким. Из советов изгонялись состоятельные колонисты, многие из которых лишались права

голоса на выборах. Продолжали формироваться отряды Красной гвардии, призванные защищать большевистские порядки, усилилась мобилизация в Красную Армию. В конце августа, по ходатайству ПКНД, нарком по военным и морским делам Л. Троцкий принял решение о формировании первого немецкого полка Красной Армии в Екатериненштадте. Реализация этого решения как раз и вызвала отмечавшееся выше массовое недовольство в Паульском. В июле – августе были сформированы уездные немецкие комиссариаты в Екатериненштадте, Ровном (Зельмане), Голом Карамыше (Бальцере)³¹.

В условиях напряженных отношений с Германией, болезненно относившейся к процессу советизации немецких колоний на Волге, правительство РСФСР и Поволжский комиссариат постепенно пришли к общему решению, что опасные «германские поползновения» можно нейтрализовать, создав в Поволжье единое немецкое автономное образование, на «трудовой основе», т. е. с властью большевистского образца, непосредственно подчинявшееся центру. Это позволило бы более оперативно и гибко решать все проблемы немецких колоний, не только сузив возможности вмешательства для Германии, но и оградив население немецких сел от негативных последствий самоуправления со стороны местных губернских органов власти. С июля по октябрь шла совместная работа советского правительства и Поволжского комиссариата по реализации проекта создания немецкой автономии на Волге³².

17 октября 1918 г. на заседании Совнаркома с участием В. Ленина был рассмотрен вопрос «Декрет о немцах-колонистах Поволжья». Совнарком стремился принять декрет о немецкой автономии на Волге до начала открытия 2-го съезда советов немецких колоний Поволжья (20 октября), чтобы этот декрет мог быть обсужден на съезде и, опираясь на него, делегаты выработали бы конкретные меры по его претворению в жизнь. На следующий день представитель Поволжского комиссариата в Совнарком Г. Клиндер отправил Э. Рейтеру в Саратов телеграмму следующего содержания: «Совнарком избрал вчера после моего доклада комиссию, включив меня, для разработки декрета, приняв представленные мною основные положения»³³.

На заседании Совнаркома РСФСР 19 октября 1918 г. был заслушан доклад комиссии, образованной 17 октября, и принято решение утвердить представленный ею декрет. В тот же день В. Ленин подписал декрет «О создании области Немцев Поволжья»³⁴.

20–24 октября в Зельмане (Ровном) прошел 2-й съезд советов немецких колоний Поволжья. На нем присутствовали делегаты от 223 колоний и от немецких рабочих Саратова. В повестку дня было внесено 16 вопросов, затрагивавших важнейшие сферы жизни поволжских немцев. Овацией было встречено выступление Г. Клиндера, зачитавшего декрет Совнаркома РСФСР. Съезд

избрал исполнительный комитет Трудовой коммуны Области немцев Поволжья. Председателем исполкома стал Э. Рейтер. Он же оказался и в числе 5 делегатов, избранных от Области немцев Поволжья на VI Чрезвычайный Всероссийский съезд советов (6–9 ноября 1918 г.)³⁵.

Таким образом, свою задачу по советизации немецкого населения Поволжья Э. Рейтер выполнил. Вскоре вместе с другими избранными делегатами он отправился в Москву на Всероссийский съезд Советов. Там до него дошла весть о победе революции в Германии: о падении монархии и провозглашении 9 ноября республики. Конечно же, его место теперь было там. В этом не сомневались и высшие руководители Советской республики. В. Ленин рекомендовал Кларе Цеткин Э. Рейтера для участия в учредительном съезде компартии Германии со словами: «Юный Рейтер – блестящая и светлая голова, однако достаточно независим»³⁶. Как показали дальнейшие события, связанные с жизнью и деятельностью Э. Рейтера, эта оценка была небезосновательной.

IV

В декабре 1918 г. вместе с К. Радеком и Ф. Вольфом Э. Рейтер пересек государственную границу Германии и поселился в Берлине. Он принял участие в учредительном съезде Коммунистической партии Германии (КПГ) в качестве представителя российских большевиков. Свою деятельность в КПГ Э. Рейтер начал в Верхней Силезии под псевдонимом Фрисланд, поскольку деятельность КПГ в то время преследовалась. Однако буквально через несколько недель он был выслежен, арестован и осужден военным трибуналом к 3 месяцам заключения. После освобождения Э. Рейтер вернулся в Берлин, где занимался созданием городской организации КПГ. В дальнейшем он стал руководителем партийной организации в округе Берлин–Бранденбург, занимая левую «революционную» позицию.

В январе 1920 г. Э. Рейтер женился на Лотте Краппеке. От этого брака появились двое детей: Хелла (1920–1983) и Герд Гарри (1921–1992), последний впоследствии стал известным математиком³⁷.

После осуждения левацких действий партии на 3-м конгрессе Коминтерна в 1920 г. (Э. Рейтер был участником в составе делегации КПГ) Э. Рейтер занял умеренную позицию. На дальнейшее поправление его взглядов повлияли мартовские события 1921 г., когда по настоянию Коминтерна КПГ оказалась замешанной в попытке с помощью ряда терактов, стоивших жизни многим людям и приписывавшихся «реакции», поднять рабочий класс на борьбу за свержение существующего строя. Э. Рейтер потребовал осуждения этих провокаций и разрыва с Коминтерном. Такая позиция привела его к освобождению от должности генерального секретаря партии и исключению из ее рядов (23 января 1922 г.)³⁸.

Покинув компартию, Рейтер некоторое время состоял в Независимой социал-демократической партии Германии, а затем вернулся в СДПГ. В 1926 г. Он стал членом берлинского магистрата, где отвечал за транспорт, и, находясь на этой должности, впервые ввёл единый билет для проезда на различных видах общественного транспорта в столице. Э. Рейтер способствовал развитию берлинской подземки, ещё тогда предвидя последствия роста количества личного автотранспорта в Берлине.

Весной 1927 г. Э. Рейтер развелся со своей первой женой и вскоре женился на Ханне Клейнерт из Ганновера, которая работала секретарем в социал-демократической газете «Форвертс». От второго брака в 1928 г. у него родился сын, Эдзард Рейтер, который широко известен, поскольку с 1987 по 1995 гг. являлся председателем правления Daimler-Benz AG³⁹.

В 1931–1933 гг. Э. Рейтер занимал пост обер-бургомистра Магдебурга. В 1932 г. он стал депутатом рейхстага, в последний раз избранного в результате демократических выборов. В марте 1933 г. его переизбрали в рейхстаг, однако нацисты аннулировали результаты выборов.

После захвата нацистами власти Э. Рейтер был изгнан со всех своих постов и дважды заключался в концентрационный лагерь Лихтенберг близ Торгау. Его обвинили в «антигосударственной» деятельности. В лагере он подвергся физическим и психическим истязаниям, что резко ухудшило его здоровье. Под международным давлением Э. Рейтер был освобождён, бежал из Германии в Англию, а затем перебрался в Турцию, где по рекомендации немецкого экономиста Ф. Бааде, получил место советника министерства экономики, а позднее – звание профессора градостроительства⁴⁰.

По окончании Второй мировой войны Э. Рейтер вернулся в Германию и принял участие в местных выборах 1946 г. в Берлине, чуть позднее вновь возглавил отдел транспорта. В 1947 г. Рейтера избрали правящим бургомистром Берлина. По личному указанию И. Сталина СССР наложил вето на итоги выборов и отказался признать за Э. Рейтером этот пост. Несомненно, в данном эпизоде отразилась личная неприязнь И. В. Сталина к Э. Рейтеру, которого он считал «предателем». Поэтому в 1948 г. Э. Рейтер становится правящим бургомистром трёх западных секторов, в следующем году объединившихся в Западный Берлин⁴¹.

Во время блокады Советским Союзом Западного Берлина в 1948–1949 гг. Э. Рейтер стал настоящим символом и примером стойкости города. В современную историю Германии вошла его речь на руинах Рейхстага 9 сентября 1948 г., в которой он призвал мировое сообщество не допустить падения Западного Берлина⁴².

Э. Рейтер стал вторым (после К. Аденауэра) послевоенным германским политиком, попавшим на обложку журнала «Тайм». Его популярность

нашла своё отражение в беспрецедентной победе СДПГ с рекордными 64,5 % на выборах депутатов городского собрания 1948 г., состоявшихся в трёх западных секторах города. В статусе правящего бургомистра Западного Берлина Э. Рейтер подписал манифест, учредивший Свободный университет Берлина, и стал первым председателем его попечительского совета⁴³.

В 1951 г. после вступления в силу новой Конституции Западного Берлина Э. Рейтер был вновь избран правящим бургомистром. 17 апреля 1953 г. он учредил Фонд бургомистра Э. Рейтера, поставивший своей целью поддержку жителей ГДР, бежавших в Западный Берлин. Э. Рейтер подверг резкой критике подавление рабочего восстания в ГДР, произошедшего в августе 1953 г. Спустя несколько недель после этих событий он скончался от осложнения после гриппа в возрасте 64 лет. Получив информацию о смерти бургомистра, десятки тысяч берлинских семей в память об Эрнсте Рейтере, не стовариваясь, поставили в окнах зажжённые свечи. Проводы политика собрали свыше миллиона горожан⁴⁴.

Примечания

- ¹ *Brandt W., Löwenthal R.* Ernst Reuter. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie. Kindler, München, 1957. S. 16–18, 20, 22–24.
- ² *Brandt W., Löwenthal R.* Ebd. S. 53–59.
- ³ *Reichardt H. J.* Ernst Reuter. Niedersächsische Landeszentrale für Politische Bildung. Hannover, 1965. S. 53–55.
- ⁴ *Brandt W., Löwenthal R.* Ebd. S. 75–78.
- ⁵ *Barclay D. E.* Schaut auf diese Stadt. Der unbekannte Ernst Reuter. Übersetzt von Ilse Utz, Siedler. Berlin, 2000. S. 61–65.
- ⁶ *Brandt W., Löwenthal R.* Ebd. S. 94–108.
- ⁷ *Деннингхаус В.* Реформы и революция : Поволжские немцы на закате Российской империи. Саратов : Наука, 2008. С. 154–200.
- ⁸ См.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-Пресс, 2007. С. 13–18.
- ⁹ *Saratower deutsche Volkszeitung.* 1917. № 39.
- ¹⁰ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 5.
- ¹¹ *Schleuning J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. Berlin, 1919. S. 27–30.
- ¹² *Zwischen Revolution und Autonomie : Dokumente zur Geschichte der Wologadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918 / Hrsg. von V. Herdt.* Köln, 2000. S. 407–408.
- ¹³ *Der Kolonist.* 1918. № 22.
- ¹⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10.
- ¹⁵ Там же. Д. 96. Л. 9–10.
- ¹⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАНИП). Ф. 728. Оп. 1. Д. 164. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 164. Л. 30–31 ; Д. 165. Л. 4–5 ; Д. 166. Л. 21.

- ¹⁸ Там же. Д. 166. Л. 1–2, 3, 6.
¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 38.
²⁰ Там же. Д. 5. Л. 39–46.
²¹ См.: *Герман А. А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 1996. С. 40.
²² См.: ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 164. Л. 3–18.
²³ См.: Известия ВЦИК. 1918, 5 июня.
²⁴ См.: ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 168. Л. 36.
²⁵ См.: Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1964. С. 100–101.
²⁶ См.: ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 169. Л. 46.
²⁷ См.: *Герман А. А.* История Республики немцев Поволжья... С. 38–41.
²⁸ См.: ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 165. Л. 29.
²⁹ См.: Там же. Д. 164. Л. 3.
³⁰ См.: ГИАИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4 ; Д. 96. Л. 25.
³¹ Там же. Д. 169. Л. 4 ; Д. 165. Л. 36.
³² Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге... С. 26–38.
³³ ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 169. Л. 63.
³⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.
³⁵ ГИАИП. Ф. 730. Оп. 1. С. 18–19.
³⁶ Цит. по: *Kirsten Baukhage.* Ernst Reuter. „Ihr Völker der Welt ... schaut auf diese Stadt. URL://https://www.stern.de/politik/geschichte/ernst-reuter--ihr-voelker-der-welt... schaut-auf-diese-stadt--3508654.html (дата обращения: 14.11.2017).
³⁷ *Brandt W., Löwenthal R.* Ebd. S. 113–115, 120–128, 130–131 ; 133–134, 139–142.
³⁸ *Winkler H. A.* Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. Berlin und Bonn, 1985, S. 516, 533.
³⁹ *Reichhardt H. J.* Ebd. S. 83–91.
⁴⁰ *Brandt W., Löwenthal R.* Op. cit. S. 256–263 ; 269–272 ; 291–295.
⁴¹ *Barclay D. E.* Op. cit. S. 185–190 ; 199–201 ; 209–211, 214.
⁴² Ibid. S. 247, 399–421.
⁴³ *Ribbe W.* Berlin zwischen Ost und West (1945 bis zur Gegenwart) // Ders. (Hrsg.) : Geschichte Berlins. Zweiter Band. Von der Märzrevolution bis zur Gegenwart. München, 1987. S. 1027–1124.
⁴⁴ *Barclay D. E.* Op. cit. S. 336–338.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Революционная деятельность Эрнста Рейтера в Саратовском Поволжье (1918 г.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 238–246. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-238-246>

Cite this article as:

German A. A. Revolutionary Activity of Ernst Reuters in the Saratov Volga Region (1918). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 238–246 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-238-246>

УДК 94(470.45)“1917/24”:338.439.222

Начало совхозного строительства на Нижней Волге (1917–1924 гг.): на материалах Саратовской и Царицынской губерний

А. В. Белова

Белова Алёна Владимировна, соискатель кафедры истории России, Волгоградский государственный университет, belowabav17@mail.ru

В статье на основе архивных документов раскрываются неизвестные страницы из истории бывших помещичьих имений в Саратовской и Царицынской губерниях в период 1917–1924 гг. Анализируется политика советской власти в отношении крупных земельных собственников, имения которых были преобразованы в советские образцовые хозяйства – совхозы. Показывается реальное состояние этих аграрных структур, отмечается сокращение поголовья скота, земельных и посевных площадей. Формулируются выводы, характеризующие низкую рентабельность и значительный спад производительности труда в бывших помещичьих имениях.

Ключевые слова: советская власть, совхозы, восстановление хозяйства, помещичьи имения, аграрная политика

The Beginning of Sovkhoz Formation in the Lower Volga Region (1917–1924): on the Materials of Saratov and Tsaritsyn Provinces

A. V. Belova

Alena V. Belova, <https://orcid.org/0000-0003-1786-2048>, Volgograd State University, 100 University St., Volgograd 400062, Russia, belowabav17@mail.ru

The article, based on the archival materials, reveals previously unknown facts about the former landowners' manors of Saratov and Tsaritsyn provinces in 1917–1924. The Soviet government's policy, in which the lands of the former landowners were transformed into the Soviet model farms – sovkhoses is analyzed. The true state of these agrarian structures is shown, as well as reduction of acreage and livestock population is noted. The article draws conclusions concerning low profitability and a significant decline of labour productivity in the former landowners' estates.

Keywords: Soviet government, sovkhoses, restoration of economy, landowners' manors, agricultural policy.

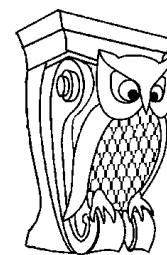
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-247-252>

Проблема совхозного строительства в первые годы советской власти не привлекала внимание историков. Среди немногих работ выделяется монография И. Е. Зеленина, в которой проанализирован начальный период становления совхозов на общероссийском материале¹. Авторы региональных работ ограничивались общими фразами, что совхозы «с самого начала их организации – в ноябре – декабре 1917 г. – стали опорными пунктами партии и государства в деле

социалистического преобразования крестьянских хозяйств»², что «особое внимание партийные и советские органы придавали восстановлению... совхозов»³. В действительности положение этих новых экономических структур было неустойчивым из-за их низкой рентабельности.

В Саратовской губернии новые органы власти сразу же приступили к реализации своих подходов к экономике. Одним из первых документов, касавшихся бывших помещичьих имений, стало постановление исполкома Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов от 14 ноября 1917 г. «О создании в селах советов крестьянских депутатов и использовании имущества помещичьих экономий». Оно было обращено ко всем организациям, взявшим под свой контроль бывшие усадьбы. При этом окончательно их судьбу должны были решить губернские съезды советов, а до этого момента в качестве финансирования разрешалось использовать их прежнюю материальную базу. За счёт продажи имущества с бывших помещичьих участков планировалось содержать штат рабочих, скот и постройки. В первую очередь реализации подлежал так называемый «ненужный инвентарь». Под ним подразумевались животные, которых было «обременительно содержать». Использование доходов, полученных таким образом, запрещалось для других целей. Однако особого контроля над проводимыми продажами не было, требовалось только «вести точный учёт всех расходов». Запас же хлеба и фуража, за исключением зерна для посева и содержания скота, необходимо было доставить в ближайшие ссыпные пункты. Организациям, управлявшим бывшими имениями, предоставлялось право и на их ликвидацию. Единственным ограничением при этом являлось требование сохранять посевную площадь⁴. Такие решения местных структур власти открывали возможности для многочисленных злоупотреблений и хищений, приводя к разрушению аграрной инфраструктуры, хотя «Декретом о земле» именно на них возлагалась обязанность по контролю над сохранностью всего конфискованного имущества. Любой вред бывшим помещичьим имениям считался «тяжким преступлением, караемым революционным судом»⁵.

Процесс ликвидации собственности помещиков и крупных землевладельцев на Нижней Волге, как и по всей стране, проходил в течение 1917–1918 гг. Конфискация иногда носила стихийный характер. Порой в имения лишь назначалась

охрана или устанавливался контроль над ними. Правительственные же распоряжения регламентировали другой порядок, в соответствии с которым управление бывшими поместьями получали волостные земельные комитеты и уездные советы. Их представители после обследования всего наличного имущества должны были составлять опись, в которую вносить все постройки, живой и мёртвый инвентарь, иные ценности. Затем акт передачи прав должен был скрепляться подписью бывшего хозяина или управляющего⁶. С этого момента начиналась новая страница в истории бывших помещичьих имений. Параллельно с конфискацией в марте – апреле 1918 г. в Саратовской губернии проводилась национализация лесов и садов, включая участки владельцев этой категории⁷. В августе в Балашовском уезде в числе первых совхозов появились животноводческие племенные рассадники. До конца года было организовано 21 подобное предприятие, а ещё 7 находились в стадии формирования⁸.

В это же время в Саратовской губернии произошли и административные преобразования, в результате которых 7 сентября 1918 г. в качестве самостоятельной единицы появилась Царицынская губерния. Процесс формирования административных структур проводился до 1923 г. В период Гражданской войны обе губернии являлись стратегически важными территориями. Они оказались и ареной боевых действий, и фронтовым тылом, и поставщиками продовольствия. Вооружённые столкновения продолжались здесь вплоть до установления в начале 1920 г. советской власти в Царицыне⁹. Предпринимались и попытки введения новых форм хозяйствования. Бестоварная система организации производства и приоритет партийных структур власти в управлении приводили к противоречивым распоряжениям, дезорганизации в аграрных процессах. Архивные документы отразили многочисленные конфликты. Например, 21 мая 1919 г. на особом совещании в г. Саратове рассматривалось противостояние между губернской земельным отделом и управлением совхозов. Их представители предъявляли друг к другу обвинения, среди которых указывались самостоятельное ведение дел, плохой подбор кадров, недосев площадей, волокита и несвоевременная реакция на запросы. После рассмотрения всех эпизодов председатель губернского управления совхозами Юкель обратился в губисполком с просьбой о содействии. Но председатель исполкома Федоров отказал ему, указывая, что они «никакими особыми правилами пользоваться не могут». Далее, он напомнил, что совхозы находятся не только в ведении народного комиссариата земледелия, но и губисполкома, которому управление совхозов отказывалось подчиняться. Итогом данного конфликта стало решение о создании особой коллегии для налаживания взаимоотношений¹⁰.

Позднее с подобной ситуацией столкнулись другие ведомства и в Царицыне. Так, 25 января

1921 г. в губисполком поступила жалоба губернского управления совхозами на распоряжения Николаевского уездного исполкома. Тот отказался выполнить как переброску необходимой семенной ржи и продовольственного хлеба в другой район, так и передачу подвод. Губсовхоз также просил обратить внимание на кадровую политику в данном уезде, потому что местные представители власти принимали на руководящие должности тех бывших заведующих совхозами, которых ранее обвиняли в халатности и растрате имущества, требовали исправить ситуацию¹¹. Подобные факты свидетельствовали о том, что организации, отвечавшие за деятельность совхозов, несмотря на заявления об их особой роли, не обладали широким кругом полномочий и особыми привилегиями при выполнении поставленных перед ними задач.

Осенью 1919 г. в Царицынской губернии состоялся ряд совещаний. 19 октября заведующий райсовхозами Мазуров на Николаевской уездной конференции РКП (б) выступил с докладом о деятельности районного управления совхозами. Он отметил, что в течение 1919 г. резко сократилось поголовье скота как из-за сдачи его в армию и продовольственным отделам, так и из-за эвакуации и чумы; указал на ветхость жилых помещений и хозяйственных построек, требующих ремонта; назвал «воровство и полную безответственность за сделанное» совхозной «традицией» и попросил от партии «поддержки в устраниении таковых отношений и в налаживании... основы новой социальной жизни»¹². 21 ноября на I губернской партийной конференции РКП (б) был заслушан доклад Пахомова «О работе в деревне». Основной мыслью его выступления был призыв превратить совхозы в «показательные и примерные»¹³.

Первое обследование хозяйств Саратовской губернии завершилось в декабре 1919 г. Его результаты были представлены губернским управлением совхозами в феврале 1920 г. Согласно собранному сведениям всего насчитывалось 73 совхоза с общей земельной площадью около 205 209 дес., из которых сады занимали не менее 643 дес. На тот момент вместо названий они имели только порядковые номера. Самое большое число совхозов находилось в Новоузенском районе – 20, меньше всего в Хвалынском – 2. В остальных семи районах их количество колебалось от 4 до 11. Земельная площадь варьировалась от 8 дес. в совхозе № 8 Сердобского уезда до 17 000 дес. в совхозе № 66 Новоузенского уезда. Таким образом, некоторые из них не превышали средних размеров крестьянских хозяйств, а другие занимали площади, равные крупным аграрным предприятиям¹⁴.

К весне 1920 г. руководство Саратовской губернии планировало иметь уже до 82 советских хозяйств. Для этого предполагалось получить еще два хозяйства с граничившей территорией от Царицынского губернского управления совхозами. Кроме того, было задумано внести в опись саратовских совхозов те объединения, которые

еще не прошли процедуру регистрации. Например, в Аткарском уезде находился совхоз № 30 с земельной площадью около 1 350 дес. Увеличение количества совхозов могло произойти за счёт землеустроительных работ, предполагавших как ликвидацию, так и разделение некоторых из них. В Новоузенском, Малоузенском и Покровском районах намеревались сокращать площадь по той причине, что местные власти не могли наладить обработку переданных в их распоряжение земель. Помимо этого, к Саратову планировалось прикрепить для нужд его муниципализированных учреждений около 220 000 дес. земли бывших помещиков и крупных землевладельцев, находившиеся в четырёхверстной зоне вокруг города. Тем самым предполагали создать некое «городское советское хозяйство»¹⁵.

К этим сведениям прилагалась справка «О настоящем положении в совхозах. Их нуждах и недостатках», где их состояние характеризовалось как «совершенно неудовлетворительное». Особенно большие проблемы были в совхозах Новоузенского уезда. Они имели обширные участки земли, но небольшое количество инвентаря и рабочего скота. Однако и в остальных хозяйствах обнаруживались те же самые проблемы. Количество животных резко сократилось из-за чумы, отсутствия кормов и перегонов из одного хозяйства в другое. Мёртвый инвентарь требовал ремонта. Постройки пришли в упадок. Рабочим не выдавались пайки и иное необходимое обеспечение, поэтому они относились «безразлично к ходу хозяйственных дел совхоза, трудовая дисциплина отсутствовала, работа выполнялась нехотя и небрежно»¹⁶.

Наиболее пострадала отрасль животноводства в совхозах Камышинского, Саратовского, Аткарского и Балашовского уездов, где последний являлся наиболее важным животноводческим центром. В его двух совхозах № 37 и № 38 выжил молодняк рысистых лошадей двух крупных заводов, но он заболел чесоткой, которую нечем было лечить. Число тяжеловозов сократилось до 107 голов, поредели стада знаменитого меринского овцеводства. В северной части Саратовской губернии дела обстояли несколько лучше. В Кузнецком уезде сохранился племенной скот, в том числе и бывший конезавод Асеева, редкие экземпляры орловских рысаков и бывший конный завод брабансонов Иконникова. В других совхозах северной части остались симментальская порода крупнорогатого скота, хорошо развитое свиноводство, кролиководство и птицеводство. Все животные губернии, включая племенных, страдали из-за нехватки фуража. Наряды на него выдавались ежемесячно, но отсутствовал транспорт. При этом запрещалось покупать корма у населения, и животные обрекались на голод и гибель. Ведомственная переписка не меняла ситуацию, характеризующую губернским управлением совхозов как «очень тяжёлую»¹⁷.

Хотя богатая ресурсная база бывших имений позволяла местным структурам власти в 1919–1920 гг. проводить землеустроительные работы и преобразования, заметным становился экономический упадок. Особенно наглядно это проявилось в Царицынской губернии. Так, 22 марта 1921 г. на заседании фракции РКП (б) губисполкома в докладе представителя губернского земельного отдела Белевского сообщалось, что посевная площадь совхозов уменьшилась на 40–45 %. В Николаевском уезде весенний сев был провален полностью. Однако, признавая этот неутешительный результат, он указывал в качестве причин «налёты дезертирских банд». По его мнению, работа в совхозах не шла потому, что среди рабочих находились «такие же бандиты». В качестве решения указанных проблем предполагалось перевести работу совхозов «на военное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁸.

Позднее, на III Царицынском губернском съезде советов, состоявшемся 8–19 июня того же года, были подведены итоги проверки бывших имений. На тот момент их насчитывалось 52. Они занимали 216 000 дес. земли, что на 10 791 дес. превышало площадь, отведённую 73 совхозам в Саратовской губернии. Согласно сделанной оценке оборудовать их до состояния «хлебных фабрик Республики» было невозможно. Поддержка совхозов характеризовалась как распыление сил и средств, поэтому предполагалось пересмотреть всю их сеть. Действовавшие требовалось полностью укомплектовать. Все нежизнеспособные планировалось передать во временное пользование предприятиям или населению. Среди необходимых мер называли улучшение административного и рабочего штата, снабжение на достойном уровне продовольствием и одеждой, охрану и культурно-просветительскую работу. В завершение съезда потребовали в ближайшее время провести земельное устройство.

Совхозы становились бременем, от которого было непросто избавиться. В этих условиях местные власти шли по пути наименьших затрат сил и средств. 1 октября 1921 г. Царицынский губернский отдел, ожидая распоряжений центра о возможной сдаче совхозов в аренду, решил передать до 1 января 1922 г. живой и ценный мёртвый инвентарь из совхозов Николаевского уезда в северную правобережную группу¹⁹. Затем, 15 октября, на заседании фракции Царицынского губернского исполкома поручили земотделу в течение 10 дней предоставить проект его перераспределения и предложения по привлечению арендаторов²⁰.

В докладе общего отдела Царицынского губернского управления совхозами и колхозами от 17 октября 1921 г. указывалось, как сильно сказалось на их деятельности правительственное распоряжение об отказе в государственном снабжении. В нём отмечалось, что мера по переводу на хозяйственный расчёт была «при-

менена к совхозам и колхозам очень поздно и без предупреждения». Ранее местные власти, не подозревая о подобном решении, «усиленным образом выкачивали продукты производства» из них. В результате ко времени поступления данного распоряжения у совхозов было «изъято всё, что было возможно», то есть около 7 208 пудов зерна. Согласно расчётам управления совхозами и колхозами этого количества могло хватить только на частичное обеспечение рабочих продовольствием. В качестве поддержки просили выдать им 19 922 пудов зерна²¹. Данный запрос был проигнорирован, после чего 6 ноября на заседании коллегии Царицынского губернского земельного отдела постановили полностью ликвидировать совхозы в Николаевском и Ленинском уездах, за исключением «Кошкинского» совхоза № 15. Для этого было приказано провести пересмотр и опись всего скота, фуража и ценного имущества. Выбравших в ходе проверки животных разрешалось продать. Полученные деньги предполагалось направить на уплату задолженности рабочим. Всю остальную собственность постановили перевезти в правобережную группу бывших имений²².

Вследствие таких решений число совхозов сокращалось. 14 января 1922 г. на заседании коллегии Царицынского губернского земельного отдела был рассмотрен вопрос об их дальнейшей участи. На тот момент в числе действующих в губернии указывалось всего 13 совхозов. Они были разделены на 3 группы. Первая группа состояла из 5 совхозов, которые оставались самостоятельными единицами и передавались в управление подотделу обобществлённых хозяйств. Вторая, «Ольховская», также включала 5 аграрных объединений, которые передавались под руководство заведующего Малыченко. Последняя группа из 3-х совхозов объединялась в хозяйственном и мелиоративном отношении под руководством другого заведующего²³. При этом на I Царицынском губернском земельном съезде, проходившем с 6 по 11 февраля 1922 г., прозвучали пропагандистские лозунги и похвала. Так, представитель земельного отдела Литвиненко, выступавший с докладом «Совхозы, колхозы и новая экономическая политика», называл совхозы «орудием борьбы с мелкобуржуазным капиталом» и агрокультурными центрами, «распространяющими новшества в сельском хозяйстве путем наглядной агитации». После подобных громких заявлений он сказал о необходимости организовать их в полном соответствии с требованиями агрономической науки и техники и на основании хозяйственного расчёта. Те из них, которые не могли существовать без помощи государства, предлагалось сдавать в аренду на «договорных началах или бесплатно»²⁴. Но к лету никаких эффективных мер принято не было. 9 июня 1922 г. на заседании президиума Царицынского губернского комитета РКП (б) представитель власти озвучил главную задачу по организации совхозов: «сократить их число настолько, чтобы они могли существовать». На тот момент

губернское руководство передало 55 из 75 хозяйств под управление уездных земельных отделов. Они получали право на сдачу их в аренду в том случае, если не могли наладить производство²⁵.

В Саратовской и Царицынской губерниях процесс трестирования, инициированный народным комиссариатом земледелия РСФСР в начале 1922 г., закончился в 1923 г. созданием губернских сельскохозяйственных трестов, под руководство которых передавались и бывшие имения. В плане преемственности эти организации выполняли функции губернских управлений совхозами, но в их полномочиях произошли изменения. Вместо председателя во главе этой структуры стал директор. Губсельтресты, нацеленные на получение прибыли, обладали большей самостоятельностью, но в их распоряжение поступили уже порядком разрушенные хозяйства, расходы которых зачастую превышали доходы. В Царицынской губернии в течение последующих двух лет все советские хозяйства были убыточными²⁶.

На партийных съездах и совещаниях звучали призывы к повышенному контролю и заботе о бывших помещичьих имениях. Например, 20–22 марта 1923 г. на VIII Царицынской губернской конференции РКП (б) в резолюции к докладу о положении в сельском хозяйстве потребовали «обратить самое серьёзное внимание на совхозы, поставив их примерными показателями развития с. х. техники и культуры»²⁷. Постепенно стала действовать аренда, служившая инструментом восстановления разрушенных хозяйств. Например, в Николаевском уезде, где совхозы были ликвидированы полностью, наблюдался приток заинтересованных граждан. Всего обратилось 187 человек. В результате было заключено 72 договора на площадь 10 097 дес. земли при годовой ставке 10 %. В остальных бывших имениях были поставлены сторожа²⁸.

В Саратовской губернии согласно заявлению местных властей точный учёт государственного земельного имущества был начат только в 1923 г., и землеустройство продолжалось. В результате этой проверки были получены данные о 821 414 дес. Из них совхозы занимали приблизительно $\frac{1}{8}$ часть, то есть 106 501 дес. вместо 205 209 указанных в 1920 г. В совхозах, приписанных к учреждениям и организациям, характерным явлением стала частичная обработка полей, не превышавшая 15 % от их общей площади. После перезаключения договоров, когда разрешение стали получать земледельческие организации и единоличники, площадь запашки возросла до 30 %²⁹.

Наступивший 1924 г. не принёс изменений ни в организационную деятельность, ни в хозяйственный процесс. Например, 19 апреля 1924 г. на заседании Сталинградского губкома РКП (б) в докладе Усть-Медведицкого округа с названием «Жизнь деревни» прозвучала краткая характеристика 9 совхозов. Отмечалось, что эти объединения, «призванные быть очагом агрокультурной пропаганды... и хлебной фабрики»

государства, пока ещё ни того, ни другого почти не дают». Обработка земли в совхозах проводилась со значительным опозданием. Участки сдавались в аренду или забрасывались. Из этого он сделал вывод, что и в дальнейшем от совхозов «помощи крестьянину – его хозяйству не будет никакой, и крестьянство будет нас за них ругать»³⁰.

В июле 1924 г. был подготовлен новый список уже 100 совхозов Саратовской губернии. Они занимали 98 379 дес. земли, то есть в 2,1 раза меньше той, что числилось в 1920 г. за 72 совхозами, и на 9 646 дес. меньше, чем в 1923 г. Из них в ведении губсельтреста было 51 596 дес., а 26 942 дес. находились в распоряжении других учреждений или организаций, население арендовало 15 898 дес. Принадлежность 3 943 дес. не указывалась. В процентах участки под контролем губсельтреста соотносились с арендованными как 58 к 42. Количество земли, которой владело одно хозяйство, также изменилось. Наибольшим было 10 873 дес. у Катковского совхоза Новоузенского уезда, наименьшее – 20 дес. у Изнаирского совхоза Сердобского уезда. Самое большее число совхозов принадлежало Аткарскому уезду – 19, тогда как в опись 1920 г. эти участки не были включены. Меньше всего – 4 совхоза – теперь было в Новоузенском. При этом среди всех совхозов числились 6 опытных или показательных полей, одна опытная станция, Мариинская сельскохозяйственная школа в Саратовском уезде, лесной питомник и Дивногорский монастырь, участок которого не был бывшим помещицким имением³¹.

5 сентября 1924 г. на очередном заседании Саратовского губернского комитета РКП (б) был заслушан доклад Кулакова о работе губсельтреста и содоклад представителя губернской контрольной комиссии Горбачёва. Они отмечали, что, несмотря на поставленную перед совхозами задачу быть «доходными примерными хозяйствами, оказывающими агрикультурное влияние на соседние крестьянские хозяйства», те с нею «справляются недостаточно». Докладчики выделили 8 основных причин, которые можно разделить на две группы. К первой они относили материально-технические проблемы, такие как нехватка денежных средств, живого и мёртвого инвентаря, построек, ко второй – управленческие и хозяйственные. В эту группу включались необразованный руководящий состав и персонал, отсутствие организационных планов и понимания аграрных процессов. Затем представители комитета постановили принять ряд мер для изменения положения совхозов. Они предлагали увеличить кредит, сконцентрировать внимание на лучших из них и использовать необходимую для засушливого региона агротехнику. Племенных животных предполагалось сгруппировать в однородные стада. Также среди предлагаемых мер были планы по улучшению водоснабжения и контроль над учётом. Заменой части руководителей и улучшением кадрового состава рабочих путём подбора тех из «батрацких элементов» они

надеялись создать «вполне работоспособный и заинтересованный в хозяйстве штат». Одновременно предполагалось усилить связь с коммунистической партией³².

Схожее положение наблюдалось и в Царицынской губернии. По состоянию на 1 октября 1924 г. в числе действовавших совхозов губсельтреста указывалось 9 хозяйств с 7 подсобными. Одно из них было законсервировано, другое находилось в аренде, остальные пребывали в «полуразвернутом» состоянии, функционируя на грани выживаемости. Они целиком зависели от выделяемых государством ссуд³³. В конце декабря 1924 г. на совещании начальников уездных и окружных земельных управлений, уездных агрономов и представителей сельскохозяйственных коопераций губернский агроном Скрежников доложил о «Перспективах развития и укрепления сельского хозяйства». Отмечая стремление Царицынского губсельтреста создать «доходные крупные государственные сельскохозяйственные предприятия», он подчеркнул их общую «хозяйственную и финансовую слабость». Однако причиной этого считали только «полосы неурожайных лет», из-за чего совхозы не могли быть «ни доходными, ни показательными агрикультурными предприятиями». Вновь прозвучало предложение о пересмотре числа действующих в губернии совхозов. Среди них планировалось оставить только рентабельные производства. На тот момент всего насчитывалось 25 совхозов, включая как действовавшие, так и не действовавшие. Они занимали площадь в 47 861 дес. По сравнению с 1921 г., произошло ее уменьшение на 168 139 дес., составив ¼ от прежней.

Выступивший в прениях Киселёв высказал сомнения в возможности создания из них «организации показательного хозяйства ввиду необеспеченности достаточными средствами». Интересную на этом фоне мысль высказал начальник губернского земельного управления Саблин. Он считал, что для создания эффективного производства в будущем «мы должны взять все ценное для нас из помещицких хозяйств»³⁴.

Следует отметить, что общее количество совхозов постоянно менялось как по стране в целом, так и в данных губерниях. В ходе первых переписей и обследований 1918–1920 гг. собирались сведения обо всех бывших имениях, обладавших значительным производственным потенциалом. В Саратовской губернии таких участков изначально было больше, чем в Царицынской. Из-за этого затягивались и землеустроительные работы.

Таким образом, в течение 1917–1924 гг. в Нижнем Поволжье проходил сложный процесс экономического преобразования, включавший передачу части бывших помещицких имений новым аграрным структурам – совхозам. Эти объединения не стали для крестьянства ни достойными образцами организации будущего социалистического хозяйства, ни демонстрацией преимуществ над единоличной формой производства. Советская

Количество совхозов в Саратовской и Царицынской губерниях в 1918–1924 гг.

Губерния	Конец 1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Саратовская	Около 50	55	162* 150** 73	–	–	130	100
Царицынская	60	70	51* 33**	52	75	–	25

Примечание. Сост. по: [1, 2, 7, 20, 25, 31]. *по данным народного комиссариата земледелия; **по итогам переписи.

власть, предполагая получать от них максимум сельскохозяйственной продукции, одновременно вкладывала в их развитие минимум средств. Ситуация усугублялась хищениями, непрофессионализмом управляющего звена и халатным, равнодушным отношением рабочих. В результате ресурсная база бывших помещичьих имений исчерпала себя уже в первые годы советской власти. Непреодолимой преградой для большей части совхозов стало распоряжение правительства об их переводе на хозяйственный расчёт. Они, будучи низко рентабельными, остались без поддержки и их существование оказалось под угрозой. По этим причинам были законсервированы, ликвидированы или переданы в аренду свыше 90 % земельной площади царицынских совхозов. В то же время число саратовских объединений, которых постигла такая судьба, превышало 40 %. Одновременно с уменьшением количества совхозов сократились и их земельные площади: в Саратовской губернии в 2 раза, в Царицынской – в 4,5 раза.

Примечания

- См.: Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти (1917–1927 гг.). М., 1972. С. 263.
- Саратовская область за 70 лет. Саратов, 1987. С. 156.
- Очерки по истории Волгоградского края / ред. И. С. Шепелев (отв. ред.) [и др.]. Волгоград, 1974. С. 185.
- См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2.
- См.: Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября (8 ноября) 1917 // Декреты Советской власти : в 18 томах, М., 1957. Т. 1. С. 17.
- См.: Зеленин, И. Е. Указ. соч. С. 58.
- См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–6.
- См.: Медведев В. К. Поволжская деревня в период комбедов. Саратов, 1966. С. 51–52.
- См.: История Саратовского края с древнейших времён до наших дней [В. Н. Данилов и др.]. Саратов, 2008. С. 206–211.
- См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2.
- См.: Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО), Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 145. Л. 4–4 об.
- Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–50.
- ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–25.
- См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 553. Л. 6–7.
- Там же. Л. 7 об.
- Там же. Л. 8 об.–10
- Там же. Л. 11–12 об.
- ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 15–16 об.
- См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 116. Л. 178–178 об., 284.
- См.: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 47–47 об.
- См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 107. Л. 53–54.
- Там же. Д. 116. Л. 368, 368 об.
- Там же. Ф. Р-1720. Оп. 1. Д. 1965. Л. 8–8 об.
- Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–8.
- См.: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 83–83 об.
- См.: ГАВО. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3.
- ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 48–51.
- Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 52. Л. 117–117 об.
- См.: Сельское хозяйство Саратовской губернии и его перспективы к весне 1924 года. (из материалов доклада тов. Ерасова И. П. «Современное экономическое положение и задачи экономической политики Саратовской губернии») // Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 70–71.
- ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112 а. Л. 80.
- См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 591. Л. 18–22.
- См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 510. Л. 24–25.
- См.: ГАВО. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3.
- Там же. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 51. Л. 2, 23 об., 27 об.

Образец для цитирования:

Белова А. В. Начало совхозного строительства на Нижней Волге (1917–1924 гг.): на материалах Саратовской и Царицынской губерний // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 247–252. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-247-252>

Cite this article as:

Belova A. V. The Beginning of Sovkhozes Formation in the Lower Volga Region (1917–1924): on the Materials of Saratov and Tsaritsyn Provinces. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 247–252 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-247-252>

УДК 94(470.67)08 +316 334.3(470.67)

Социальное страхование населения в Дагестане в 1920 – первой половине 1930-х годов

М. М. Амирханова

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр РАН (г. Махачкала), madinat63@mail.ru

На основе новых архивных документов рассматриваются вопросы социального страхования населения в Дагестане в первое 15-летие советской власти. Отмечено, что в начале функционирования системы соцстраха были трудности с охватом ею рабочих и служащих. Особенность развития соцобеспечения в 30-х гг. заключалась в его чрезмерном огосударствлении или патернализации. Бюджет соцстраха был консолидирован в государственный бюджет страны. Обращается внимание на большое политическое значение, которое придавалось соцстрахованию лиц, занятых по найму в крестьянских хозяйствах.

Ключевые слова: Дагестан, население, батрачество, страховые органы, патернализация, инвалиды труда, безработные, социальное страхование

Social Security of the Population in Dagestan in the 1920s – the First Half of the 1930s

М. М. Amirkhanova

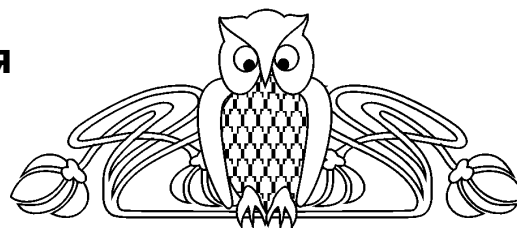
Madina M. Amirkhanova, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75 M. Yaragky St., Makhachkala 367030, Dagestan Republic, Russia, madinat63@mail.ru

On the basis of new archive documents the question of social security of the population in Dagestan in the first time of Soviet government is considered. The social security system in the beginning of its work experienced problems related to the scope of the workers. One of the features of development of social security in 1930s was its excessive state participation or paternalization. The budget of the social security was consolidated into the state budget. Insurance of people engaged in farmer's sector has a big political importance.

Keywords: Dagestan, population, insurance bodies, peonage, labour invalids, unemployed, social security.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-253-258>

Переход к рыночным отношениям в 90-х гг. XX в. обусловил новый этап в социально-экономическом развитии России. Произшедшие изменения затронули коренные интересы всего населения и потребовали скорейшего формирования принципиально новой системы социальной защиты. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. 54,4 % граждан страны получали материальную помощь от государства¹. Такое положение сохраняется в основном и сегодня.

Значительный процент обеспечиваемых лиц указывает на то, что система социальной защиты является одной из важнейших составляющих общественной жизни.

В трудах российских исследователей освещаются различные аспекты социальной политики советского государства в изучаемый период. Так, в диссертации И. В. Жигалиной нашли отражение, в частности, вопросы социального страхования рабочих и служащих, роста числа застрахованных, выплаты страховых взносов в Средне-Волжском крае и т. д.² П. В. Романова, Е. Р. Ярская-Смирнова, анализируя социальную историю советского периода российской истории, не обошли вниманием вопросы взаимоотношения личности и власти, в том числе социального страхования трудящихся³. Среди работ зарубежных авторов по социальной проблематике следует отметить исследование австралийского историка Ш. Фицпатрика. Автор пытается проследить взаимосвязь политических, экономических и социальных процессов в советском обществе⁴.

Отдельные аспекты данной проблемы рассматривает известный дагестанский историк А. И. Османов. Автор характеризует первые законодательные акты, закладывавшие новые подходы к вопросам социальной политики советской власти⁵.

Учитывая недостаточный уровень исследования проблемы в региональной историографии, в статье предпринята попытка показать становление системы социального страхования в Дагестане, успехи и трудности его функционирования на местах в изучаемый период. Ценным источником по исследуемой теме явились архивные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан. Определенный интерес представляют материалы фонда р-24-Народного комиссариата труда ДАССР, в котором, в частности, описаны функции Дагестанской кассы социального страхования, контролировавшей порядок расходования денежных средств и материальных фондов в сфере социального обеспечения. Серьезным дополнением к изучению данной проблемы служат документы фонда р-154-Дагестанской кассы соцстраха. В фонде сохранились протоколы, доклады Вседагестанских конференций и пленумов страховых работников, в которых можно почерпнуть интересные для исследователя сведения по теме.

Рассматривая данную проблему, прежде все-

го, необходимо уточнить собственно термин «социальное страхование». В современном толковом словаре русского языка дается такое определение системы социального страхования: «Социальное страхование – государственная система материального обеспечения трудящихся при наступлении нетрудоспособности, старости и иных предусмотренных законом случаях, осуществляемых за счет общественных фондов потребления»⁶. В функции ее входило проведение страхования лиц, занятых наемным трудом, в государственных, общественных и частных предприятиях, и у отдельных лиц на случай временной нетрудоспособности, увечья, болезни, беременности, родов, ухода за заболевшими членами семьи, карантина и смерти, а также проведение страхования инвалидов труда, семей трудящихся, потерявших кормильца и безработных.

После победы Октябрьской революции и установления советской власти союзное правительство занялось решением наиболее острых проблем, связанных с материальным положением трудящихся. В течение 1917–1920-х гг. было издано 15 декретов, касающихся социального страхования. А 15 ноября 1921 г. было введено обязательное социальное страхование работников предприятий всех форм собственности на случай временной нетрудоспособности, инвалидности, потери кормильца, безработицы, а также на лечебную помощь. Финансирование социального страхования основывалось на обязательных страховых взносах предприятий, использующих труд наемных работников⁷.

Разоренный затяжной Гражданской войной Дагестан только в начале 1920 г. имел возможность приступить к организации органов управления советской власти. Городские ревкомы старались решать вопросы улучшения материального положения рабочих и служащих по мере своих возможностей. Порт-Петровский горком РКП (б), учитывая тяжелое материальное и бытовое положение рабочих, в июне 1920 г. принял постановление, в котором обратил внимание на принятие срочных мер по улучшению положения рабочих промышленных предприятий, в первую очередь, по обеспечению их продовольствием и керосином. Профсоюзные организации производили проверку по обследованию предприятий с целью улучшения условий труда рабочих⁸.

Социальное страхование в Дагестане было введено на основании постановления СНК и Дагсовпрофа 16 марта 1922 г., но фактически работа эта началась лишь с октября 1922 г. Одна из главных задач Наркомата соцобеспечения Дагестана в то время состояла в проведении в жизнь подписанного Лениным декрета от 15 ноября 1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом». Для этого при НКСО 4 июля 1922 г. был организован страховой совет из представителей Наркомсобеса, Наркомтруда, Наркомздрава и Дагсовпрофа, а 25 августа

того же года указанный совет был упразднен и организовано Управление социального страхования, которое должно было осуществлять социальное страхование в Дагестане и руководить страховыми кассами. Управление социального страхования проводило огромную работу по страхованию лиц, занятых наемным трудом в государственных, общественных, частных предприятиях, учреждениях, хозяйствах, и отдельных лиц на случай временной нетрудоспособности, увечья, болезни, беременности, родов, ухода за больными членами семьи, карантина и смерти. Кроме того, страховались инвалиды труда и семьи трудящихся, потерявшие кормильца.

Первоначально работа Управления соцстраха была направлена на то, чтобы зарегистрировать и взять на учет по всей Республике все предприятия, учреждения и хозяйства, в которых рабочие и служащие подлежали социальному страхованию. К 1 сентября 1923 г. на учете состояло 652 предприятия, а застрахованных рабочих и служащих было 14952 человека⁹. Однако задача взимания страховых взносов была до крайности сложной и проходила чрезвычайно трудно, ибо Дагестан переживал нехватку финансирования, что и служило в большинстве случаев причиной просрочки уплаты страховых взносов. Приходилось прибегать к репрессивным мерам (штрафы, судебные преследования) в отношении хозорганов, но в итоге положение не менялось. Для проведения в жизнь социального страхования необходимо было создать сеть страховых касс и привлечь к этой работе профсоюзы, так как кассы должны были быть построены на выбранных началах.

На основании Декрета СНК СССР от 9 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов» циркулярным письмом Наркомсобеса определялся круг лиц, имеющих право на социальное обеспечение. К ним относились военнослужащие Красной и Старой армии (Белая армия), лишившиеся трудоспособности, вследствие увечья или заболевания, независимо от того, получено ли оно в связи с прохождением военной службы или вне его, вследствие старости, упадка сил и т. д.¹⁰ О большой работе Управления социального страхования говорят следующие факты: только за лето 1923 г. 135 человек получили путевки на курорты местного и государственного значения.

В Буйнакске, помимо имеющегося в то время дома инвалидов Наркомсобеса, Управлением социального страхования был организован дом инвалидов труда на 50 мест. Из года в год продолжалось расширение сети этих учреждений, увеличивалось количество мест и улучшалось материально-бытовое и культурное обслуживание обеспечиваемых. В целом по Дагестану тогда в разных стационарных лечебных учреждениях для инвалидов труда имелось 385 мест, все застрахованные и их семьи получали бесплатно лекарства¹¹.

В начале 1925 г. были созданы страховые кассы в городах Буйнакске, Дербенте, Кизляре и выплатный пункт в Хасавюрте. Районные страховые кассы обслуживали только население городов и небольших прилегающих районов, из-за чего 9 округов остались без страхового обслуживания. Позднее в них были организованы выплатные пункты. Однако работа райстрахкасс была поставлена не на должном уровне: трудящиеся не были полностью охвачены соцстрахованием (особенно сезонные рабочие в селах), имелись значительные задолженности по страховым взносам и т. д. Вследствие этого райстрахкассы были реорганизованы в отделения Дагстрахкасс. Динамику деятельности этих отделений в 1925 г. показывают следующие статистические данные: январь – застрахованных – всего 6240; февраль – 6385; март – 6544; апрель – 12669¹².

Между тем в плане работы страхкасс по Махачкалинскому району отмечалась важность разъяснительной работы по соцстрахованию среди широких рабочих масс. В связи с этим предлагалось назначить ряд рабочих собраний на более крупных предприятиях и учреждениях: фабрике им. III Интернационала, бондарном заводе и Холодильнике, Нефтесиндикате и др. Также предлагалось провести объединенное собрание рабочих мелких предприятий: домашней прислуги, рабочих мясных лавок, пекарей и т. д.¹³

Помощь безработным в виде пособия оказывалась через Страхкасу. Однако в докладе Наркома труда Кашкаева на IV сессии V созыва ДагЦИКа (7 января 1927 г.) говорилось о необходимости увеличить контингент его получающих вследствие увеличения количества безработных из среды сельского населения¹⁴.

Серьезной проблемой оставался высокий уровень заболеваемости среди застрахованных лиц. В этой связи предлагалось часть финансовых средств из фонда Страхкасы использовать для постройки Центральной больницы в г. Махачкала с целью получения необходимой медицинской помощи застрахованным больным. Страховые органы участвовали также в постройке Талгинского курорта в окрестностях города. Его строительство было вызвано высоким уровнем в Дагестане таких болезней, как малярия, туберкулез, сифилис.

В то же время организация медпомощи застрахованным осуществлялась крайне неудовлетворительно. В Дагестане и в дореволюционное время из-за отсутствия достаточного числа лечебных учреждений, медперсонала и медикаментов медицинская помощь находилась не на должном уровне. Отсутствие достаточного количества медперсонала, особенно в городах Кизляре и Дербенте, где застрахованные обслуживались двумя-тремя врачами, создавало сложную ситуацию. Для нормализации медпомощи застрахованным были созданы страховые совещания, куда входили представители Наркомтруда, Дагсовпрофа, Управления соцстраха, Страховой кассы и т. д.

В сравнительном плане интерес представляют данные о социальном обеспечении в других регионах нашей страны. Так, на 1 апреля 1930 г. на соцобеспечение по Средне-Волжскому краю состояло на учете 19828 человек. На протяжении последующего десятилетия число обеспечиваемых постепенно увеличивалось. Подобное увеличение контингента обеспечиваемых И. В. Жигалина объясняет изменением экономической ситуации в стране¹⁵.

Отдельной строкой проходило социальное страхование лиц, занятых по найму в крестьянских хозяйствах. Согласно постановлению СНК ДСССР от 15 июля 1927 г. этот вид страхования вводился в следующих округах и районах Дагестана: Махачкалинском, Дербентском, Буйнакском, Хасавюртовском, Кизлярском и Ачикулакском, а в остальных округах подлежали соцстрахованию наемные рабочие, работающие в овцеводческих хозяйствах.

При этом в сельских местностях Дагестана ежегодно наблюдался большой падеж скота, град портил посевы, часто случались пожары. Все это наносило большой ущерб крестьянскому хозяйству. Чтобы помочь крестьянству при разного рода бедствиях необходимо было вовлечь его в государственное страхование, но оно не было знакомо с его целями и задачами. Поэтому предлагалось провести агиткампанию по государственному страхованию от несчастий и бедствий в крестьянском хозяйстве. Например, Госстраху надлежало приобрести соответствующую литературу и своевременно разослать ее на места, в частности, приступить к популяризации государственного страхования через газету «Красный Дагестан», а также в газетах на местных языках¹⁶.

Сопоставление страхового обеспечения батрачества в других округах Юга России показывает, что имелись существенные различия в данной сфере. Так, на Дону, Кубани и Ставрополье во второй половине 1920-х гг. проводился эксперимент по введению массового страхования сельских жителей-батраков, в связи с чем был разработан и соответствующий проект, однако он был отклонен¹⁷.

На основании постановления ЦИК и СНК ДАСССР от 23 июля 1931 г. взимание страховых взносов и страховое обеспечение лиц, работающих по найму в крестьянских хозяйствах, было передано сельсоветам. Его целью являлось приближение соцстрахования непосредственно к батрачеству. При этом для возмещения затрат, связанных со страховым обслуживанием сельхозрабочих, Наркомтруду предлагалось отчислить в распоряжение сельсоветов 40 % от суммы поступающих страховых взносов. Из указанных 40 % взносов сельсоветы должны были распределять не более 3 % на организационные расходы, а 37 % – на улучшение культурно-бытового положения сельхозрабочих. Профсоюзные органы обязывались провести широкую разъяснительную работу

о сущности соцстрахования на селе и его значении для сельхозрабочих¹⁸.

Наличие большого количества общественных пастухов (свыше 3000 человек) в горных районах и батраков в равнинных делало работу по их соцстрахованию особо актуальной. Для обеспечения ее эффективности необходимо было, чтобы на несколько районов имелось хотя бы по одному уполномоченному по страхованию батрачества. При этом они должны были быть не только органом, взимающим страховые взносы, но и обслуживающим батрачество. Большое значение имела организация его медицинского обслуживания, так как без медпомощи батраки не могли получать больничные листы. Вследствие этого они лишались возможности получить пособие по временной нетрудоспособности.

Работа по страхованию в ауле была очень трудной и могла проводиться в жизнь только при условии согласованных действий всех организаций. Однако райисполкомы и сельсоветы не оказывали содействия страховым органам в страховании батрачества и пастушества. Например, в Кизлярском и Шелковском районах были застрахованы всего 100 человек, Хасавюртовском и Бабаюртовском – 20, Буйнакском районе – ни одного батрака¹⁹. В связи с этим было разослано циркулярное письмо Президиума ДагЦИКа (2 июля 1930 г.) местным властным структурам о необходимости содействия страховым органам в этом важном деле.

Следует отметить, что особенностью развития соцобеспечения и в целом социальной сферы с начала 30-х гг. являлось их чрезмерное огосударствление, или патернализация. Так, социальное страхование в 1933 г. было передано в ведение профсоюзов, а страховые кассы ликвидированы. Однако их финансовые средства, образовав бюджет социального страхования, были консолидированы в государственном бюджете страны. Социальное страхование в то время охватывало всех рабочих и служащих. Оно полностью проводилось за счет средств предприятий и учреждений. Огосударствление системы страхования, конечно же, ограничивало самостоятельность и инициативу страховых органов. Но следует признать, что в тех условиях патернализация имела и позитивное значение, способствуя существенному увеличению бюджета социального страхования СССР. Если в 1931 г. он составлял немногим более 2,5 млрд руб., то в 1936 г. – 8,55 млрд руб. Увеличение бюджета почти в 3,5 раза свидетельствует о расширении в первой половине 30-х гг. финансовых возможностей для пополнения фондов социального страхования, которые являлись весомым дополнением к индивидуальной заработной плате рабочих и служащих

В директивном письме Главного Управления социального страхования Наркомата труда РСФСР «О работе органов социального страхования» (10 октября 1930 г.) обращалось внимание на

необходимость классового подхода в вопросах социального обеспечения, организацию борьбы с прогульщиками и нарушителями трудовой дисциплины, приближение страхового аппарата к застрахованным и т. д.

Однако поступавшие с мест сведения свидетельствовали о том, что страховые органы так и не перестроили свою работу. Не выполнялась директива Наркомата труда о полной увязке работы органов соцстраха с биржами труда. Распоряжение о снятии с обеспечения безработных, которым могла быть предоставлена подходящая работа, отдельными страховыми кассами не выполнялось. При этом в некоторых регионах имелось значительное количество безработных, которым не могли предложить работу в городах, но имелся большой спрос на их профессии и специальности в провинции. Слабо выполнялся пункт о привлечении к работе органов соцстраха общественности. Эти и другие недостатки в работе органов соцстраха тормозили работу по социальному страхованию разных категорий населения.

Вместе с тем на заседании Всесоюзного совета социального страхования (9 июля 1930 г.) был утвержден порядок социального страхования рабочих совхозов и установлен единый страховой тариф для совхозов. Так, сезонные рабочие переводились на полное страхование в объеме лиц, работающих в крестьянских хозяйствах. Временные поденные рабочие, занятые не более 1 месяца в совхозе, подлежали частичному страхованию. При этом средняя ставка страховых взносов для совхозов в отношении всех рабочих (временных, сезонных и постоянных), кроме занятых в подсобных предприятиях, составляла 8,5 % заработной платы.

Интерес представляет и вопрос о бюджете социального страхования на 1930–1931 гг. Он был изменен в части натурализации денежных пособий по временной нетрудоспособности. С этой целью бюджет был дополнен на 2 млн руб. Кроме того, предусматривалось увеличение пенсий инвалидам Гражданской войны. Средний размер пенсии увеличивался на 30 % (19 руб. 38 коп.). На трудовое устройство инвалидов ассигновалось 7 млн руб.²⁰

Для упорядочения дела социального обеспечения инвалидов Наркомсобес РСФСР в декабре 1931 г. предполагал провести перепись инвалидов, состоящих на иждивении органов Собеса. В данную категорию не входили семьи инвалидов, семьи лиц, погибших на войне, а также семьи лиц, призванных в Красную армию. Перепись должны были провести через местные органы соцобеспечения и сельсоветы путем заполнения анкет. По Дагестану ее намечалось провести позднее, не ранее января – февраля следующего года из-за неподготовленности органов соцобеспечения.

Следует отметить, что постановлением СНК РСФСР от 19 июля 1930 г. основной формой со-

циального обеспечения инвалидов было признано их трудоустройство. В данном контексте всем местным органам надлежало оказывать полное содействие кооперации инвалидов как кооперативной системе, ведущей основную работу по их трудоустройству в городе и деревне, обеспечении сырьем и материалом. Они должны были в льготных при обеспечении продуктами питания и дефицитными товарами приравняться к рабочим.

Однако в регионах, в частности и Дагестане, наблюдалось непонимание местными органами задач и целей инвалидной кооперации. В ряде районов у кооперации были отобраны помещения и предприятия, культурные учреждения. Так, в г. Дербент Горсовет отобрал у артели инвалидов Ленинский уголок и передал Плодвнсоюзу под торговлю вином. В г. Кизляре местное Горпо отказало членам артели инвалидов в отпуске продуктов питания²¹. Органами коммунального хозяйства нарушалось указание о сдаче в аренду кооперации инвалидов помещений со скидкой. Результатом стали осложнения в работе кооперации и, как следствие, – переход на пенсию того контингента инвалидов, который мог быть трудоспособным и снят с гособеспечения.

В целях укрепления и расширения кооперации инвалидов было принято соответствующее постановление СНК ДАССР «О развитии кооперации инвалидов» (10 июня 1931 г.). Для эффективного решения вопроса, в частности, предлагалось пресекать административное вмешательство в работу артелей, передать бездействующие предприятия, в первую очередь, инвалидной кооперации, включить контрольные цифры Дагкоопинсоюза в бюджет ДАССР и т. д.²²

К рассматриваемому времени произошли изменения в сети страхкасс Дагестана. К концу 1933 г. имелось 5 городских районных территориальных страхкасс и 17 территориальных страхпунктов. Для лучшего обслуживания основных кадров промышленных рабочих и приближения страховой работы к производству Дагстрахкассой было организовано 14 выплатных пунктов на промышленных предприятиях, новостройках и в совхозах.

Общее число рабочих предприятий и совхозов, охваченных выплатными пунктами, составило около 10 000 человек. При этом специфические особенности совхозов Республики (большая территориальная разбросанность, культурная отсталость рабочих-националов, плохо владеющих русским языком) создавали трудности страховой работы.

Тем не менее оздоровлению труда и быта рабочих выплатные пункты уделяли внимание. В результате удалось добиться улучшения жилищных условий рабочих, питания, усиления борьбы за проведение санминимума и т. д. Выплатные пункты проводили страхование трудящихся по временной нетрудоспособности, инвалидности, безработице и по дополнительным видам обеспечения.

Дагстрахкасса еще шире развернула свою деятельность. На ее средства в г. Махачкала впервые была создана горполиклиника. В г. Кисловодск построили санаторий «Красный Дагестан», где ежегодно лечились рабочие и служащие Республики за счет бесплатных путевок Дагстрахкасс²³.

10 сентября 1933 г. было принято постановление СНК СССР и ВЦСПС о слиянии органов Труда и Соцстраха с ВЦСПС. Все территориальные Страхкассы были упразднены и при ДСПС создан отдел по социальному страхованию. С 1 января 1934 г. выплата пенсии стала производиться по месту жительства пенсионера, через районные и городские отделы по соцстраху профсоюзов²⁴. На 15 октября 1933 г. было организовано 20 отраслевых касс соцстраха при ДСПС и 10 на правах отраслевых касс на производстве. К ним относились хлопчатобумажная фабрика им. III Интернационала, Химзавод, Ремонтно-механический завод, Мебельная фабрика, Пивзавод и т. п.²⁵

Но содействия выплатным пунктам в работе по страхованию рабочих со стороны профсоюзных органов не наблюдалось. Об этом свидетельствует протокол совещания работников выплатных пунктов на производстве и в совхозах 2–3 апреля 1934 г. Например, руководитель Дербентской райстрахкассы Дадашев говорил об отсутствии всякого содействия профорганов их работе. Представитель Бороздинского совхоза Кутнищенко также сообщил об отсутствии поддержки со стороны администрации совхоза²⁶. Наряду с другими недостатками этот факт, в свою очередь, снижал эффективность страховой работы на предприятиях и в совхозах.

Таким образом, анализ архивных документов свидетельствует о том, что становление системы социального страхования в Республике было сопряжено с определенными трудностями. В начале его функционирования на местах вследствие отсутствия разъяснения положения и норм социального страхования населения не могло пользоваться социальными выплатами. В то же время дальнейшее развитие соцстрахования получило на предприятиях, совхозах. Особенно важной была организация страхования батрачества. С этой целью выплатные пункты были приближены к предприятиям и совхозам.

Примечания

- ¹ См.: Некрасов А. В. Система социального обеспечения в РСФСР в 20-е годы (на примере Дона, Кубани и Ставрополья) : дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2009. С. 27.
- ² См.: Жигалина И. В. Социальная политика Советского государства в 30-е годы XX века : По материалам Среднего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. С. 25.
- ³ Романова П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Риторика и практика модернизации : советская социальная политика, 1917–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб., 2009. С. 275.

- 4 См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : Город. М., 2001. С. 307.
- 5 См.: Османов А. И. Дагестан в XX веке : Исторический опыт регионального развития : в 2 кн. Кн. 2 : Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 552.
- 6 Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М., 2004. С. 779.
- 7 См.: Алехина Е. С., Каймармазова С. И. Становление и развитие социального страхования в России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2013. № 4. С. 348.
- 8 См.: Османов А. И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала, 2011. С. 389.
- 9 См.: Керимова Л. К. Развитие социального обеспечения в Дагестане за 40 лет. Махачкала, 1960. С. 4.
- 10 См.: Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
- 11 См.: Керимова Л. К. Указ. соч. С. 5.
- 12 См.: ЦГА РД. Ф. Р.-154. Оп. 5. Д. 4. Л. 46–46 об.
- 13 Там же. Оп. 2. Д. 6а. Л. 19.
- 14 Там же. Л. 30.
- 15 См.: Жигалина И. В. Указ. соч. С. 48.
- 16 См.: ЦГА РД. Ф. Р.-154. Оп. 2. Д. 6а. Л. 35.
- 17 См.: Некрасов А. В. Указ. соч. С. 56.
- 18 См.: ЦГА РД. Ф. Р.-154. Оп. 2. Д. 6а. Л. 20.
- 19 Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 39.
- 20 Там же. Оп. 9. Д. 12. Л. 102.
- 21 Там же. Л. 34.
- 22 Там же. Д. 9. Л. 14–16.
- 23 См.: Керимова Л. К. Указ. соч. С. 6.
- 24 См.: ЦГА РД. Ф. Р.-154. Оп. 9. Д. 2. Л. 1.
- 25 Там же. Оп. 9. Д. 7. Л. 33.
- 26 Там же. Л. 34.

Образец для цитирования:

Амирханова М. М. Социальное страхование населения в Дагестане в 1920-х – первой половине 1930-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-253-258>

Cite this article as:

Amirkhanova M. M. Social Security of the Population in Dagestan in the 1920s – the First Half of the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 253–258 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-253-258>

УДК 314(1–22)+908(470.44)

Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе

М. Ю. Сушко

Сушко Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., ceirjvfhbyf@mail.ru

На основе анализа статистических данных об изменении административно-территориального деления Саратовской области исследуется исторический процесс укрупнения муниципальных образований, изменение при этом численности сельских и городских поселений. Изучение сельского расселения актуально в связи с реформой системы местного самоуправления в Российской Федерации. Особое внимание уделяется выявлению исторических закономерностей преобразования и путей трансформации сельской поселенческой структуры области на этапе 2013–2018 гг.

Ключевые слова: муниципальное образование, сельское поселение, посёлок, хутор, деревня, село, местное самоуправление.

The Process of Municipalities Enlargement in Saratov Region as a Factor of Alteration of the Rural Settlement Structure at the Present Stage

M. Yu. Sushko

Marina Yu. Sushko, <https://orcid.org/0000-0002-0937-1372>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, ceirjvfhbyf@mail.ru

Based on the analysis of the statistics on the alteration of the administrative-territorial division of Saratov region, the historical process of municipalities enlargement and the change of number of rural and urban settlements is being examined and compared. The examination of rural resettlement is relevant in connection with the reorganization of the system of local government in the Russian Federation. Particular attention is being paid to detection of historical regularities that influenced the alteration and ways of transformation of the rural settlement structure in 2013–2018.

Keywords: municipality, rural settlement, township, bowery, village, hamlet, local government

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-259-264>

В 2003 г. в Российской Федерации был принят Закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данное историческое событие обусловило развитие процесса формирования муниципальных образований в стране и во всех ее субъектах.

Следует напомнить, что муниципальное образование в соответствии с Федеральным законом может представлять собой городское или сельское

поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородскую территорию города федерального значения. При этом городской округ с проживающим в нем городским населением не входит в муниципальный район. Непосредственно муниципальный район может состоять из нескольких поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией. Муниципальный район может включать в себя городские и сельские поселения. Основное их отличие состоит в том, что городское поселение (город или поселок) осуществляет местное самоуправление непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Сельское поселение может представлять собой один или несколько объединенных общей территорией сельских населённых пунктов (поселков, сёл, станций, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населённых пунктов или посёлок с численностью населения более 1000 человек (для территории с высокой плотностью населения более 3000 человек каждый). Границы сельского поселения, в состав которого входят два и более населённых пункта, как правило, устанавливаются с учётом пешеходной доступности до его административного центра и обратно в течение рабочего дня для жителей всех его населённых пунктов. Исключения составляют территории с низкой плотностью населения, а также отдалённые и труднодоступные местности¹.

Процесс создания муниципальных образований сопровождается на протяжении 2003–2018 гг. их трансформацией, укрупнением, слиянием, изменением границ деления. В данной статье исследуется динамика изменения общего числа городских и сельских поселений, их людность, удаленность от административных центров. Это позволяет проследить исторические изменения структуры сельской поселенческой сети в Саратовской области, оценить качество и последствия социальной политики, административных решений, принимаемых на современном этапе развития страны. Выявленные тенденции могут быть в дальнейшем сопоставлены с аналогичными процессами, происходящими в других регионах Поволжья и России в целом. Хронологический период исследования обусловлен доступностью официальных статистических данных, результатов Всероссийской переписи населения 2010 г., промежуточной переписи 2013 г., 2016 г.

На судьбу муниципальных районов в целом по России оказывало влияние укрупнение муницип-

ципальных образований при сокращении общего количества сельских поселений. За период 2003–2014 гг. количество муниципальных образований в стране, обладающих статусом сельского поселения, неуклонно снижалось и к 1 января 2014 г. сократилось более чем на 1 800, или почти на 10 %². Пик преобразований в России пришелся на 2009–2010 гг., однако и после этого общее число сельских поселений продолжало сокращаться со скоростью 100–200 поселений в год³.

Процесс укрупнения, объединения муниципальных образований обусловлен задачами по повышению эффективности оказания услуг населению. В статье «Демократия и качество государства» В. В. Путин обозначил ряд направлений: «Первое – местное самоуправление должно оставаться властью «шаговой доступности», т. е. муниципалитеты не должны бездумно укрупняться, второе обозначенное направление – муниципалитеты должны стать в полной мере финансово самостоятельными и автономными для исполнения своих полномочий, для решения повседневных людских проблем. Первое и второе направление взаимосвязаны»⁴.

Однако зачастую процесс укрупнения муниципальных образований приводит к нарушению – пусть и лишь рекомендованного – принципа пешеходной доступности административного центра за один день (п. 11 ч. 1 ст. 11 ФЗ №131). Проблема доступности администрации для жителей, способности администрации решать социально-экономические задачи перед жителями муниципальных образований вполне актуальна и для нашей области.

По замыслу властей процесс объединения, укрупнения муниципальных образований продиктован задачами по повышению эффективности оказания услуг населению. Оптимизация предполагает реальную экономию бюджетных средств на содержание аппарата управления и в то же время более рациональное перераспределение функций по решению вопросов местного значения⁵. Экономический эффект от укрупнения муниципальных образований на территории Саратовской области оценивается в 40 млн руб.⁶

Проводился экономический анализ состояния преобразуемых муниципальных образований. При этом выявлено, что в среднем преобразование позволяет перераспределить на решение актуальных для жителей вопросов местного значения (по каждому вновь образуемому муниципальному образованию) около 850 тыс. руб. в год, ранее расходовавшихся на содержание органов местного самоуправления⁷.

Вопрос доступности местной власти для жителей также решается путем сохранения специалистов, оказывающих необходимые муниципальные услуги в населенных пунктах, где ранее существовали администрации поселений.

В 2013–2014 гг. существенно изменилась территориальная организация местного само-

управления на территории области: 76 поселений из 17 муниципальных районов прошли процедуру преобразования, по итогам которой было образовано 33 укрупненных муниципальных образования. По состоянию на 1 января 2014 г. на территории Саратовской области действовало 402 муниципальных образования, из них 4 городских округа, 38 муниципальных районов, 360 поселений (39 – городских, 321 – сельских)⁸.

В течение 2014 г. в соответствии с региональными законами было преобразовано 10 муниципальных образований на территории Аткарского и Красноармейского муниципальных районов. После выборов 14 сентября 2014 г. на территории области действовало 396 муниципальных образований, из них 4 городских округа, 38 муниципальных районов, 354 поселения (39 – городских, 315 – сельских).

Тенденция укрупнения муниципальных образований и при этом сокращение сельских поселений⁹ продолжалась и в дальнейшем (2015–2017 гг.), что отражено в табл. 1.

В Саратовской области процесс укрупнения происходил наиболее интенсивно в 2013 г. и затронул 9 правобережных и 9 левобережных районов¹⁰. Среди них Красноармейский, Краснопартизанский, Новобураский, Татищевский и другие районы (табл. 2).

При этом наблюдался процесс сокращения числа сельских поселений с численностью до 500 человек. Стали появляться крупные поселения с численностью более 7000 человек¹¹.

Основная причина укрупнения администраций муниципальных образований была связана в первую очередь с экономией бюджетных средств и повышением качества управления муниципалитетами. Первыми реализовали такой проект представительные органы в г. Аркадаке и Аркадакском муниципальном районе, принявшие изменения в уставы летом 2012 г. После избрания нового депутатского корпуса городского Совета изменения вступили в силу, и городская администрация была ликвидирована. В настоящее время в Аркадакском районе 58 населенных пунктов, которые сосредоточены в 6 сельских и 1 городском поселении¹².

Процесс укрупнения муниципальных образований нашел отражение в динамике общего числа сельских поселений. В 2002 г. количество сельских поселений составляло 614, в 2015 г. – 315, в 2017 г. уже 288¹³. За данный период количество поселений уменьшилось на 306.

Процесс укрупнения муниципальных образований приводит к трансформации сельской поселенческой структуры области, сокращению сельских населенных пунктов, снижению плотности расселения жителей села, увеличению оттока населения из сельской местности¹⁴. Это в свою очередь снижает долю работоспособного населения и ослабляет трудовые ресурсы на селе, негативно сказывается на экономическом развитии области (табл. 3).

Таблица 1

Динамика изменения общего числа муниципальных образований в Саратовской области за период 2010–2017 гг.

Муниципальное деление	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Общее число муниципальных образований	442	439	402	396	385	369
Муниципальные районы	38	38	38	38	38	38
Городские округа	4	4	4	4	4	4
Городские поселения	45	40	39	39	39	39
Сельские поселения	355	357	321	315	304	288

Рассчитано по: [9].

Таблица 2

Динамика укрупнения муниципальных образований Саратовской области за период 2013–2016 гг.

Муниципальный район	Количество объединённых муниципальных образований			
	2013	2014	2015	2016
Александрово-Гайский	–	–	–	6
Балаковский	7	–	11	–
Дергачевский	–	–	–	6
Ершовский	2	–	–	5
Екатериновский	4	–	–	–
Калининский	4	–	–	–
Красноармейский	6	6	2	–
Краснокутский	2	–	–	–
Краснопартизанский	8	–	–	–
Лысогорский	2	–	–	–
Новобурасский	6	–	–	–
Новоузенский	2	–	–	–
Пугачевский	2	–	–	–
Татищевский	8	–	–	–
Турковский	4	–	–	–
Федоровский	–	–	–	7
Хвалынский	2	–	–	2
Энгельский	2	–	–	–
Итого:	61	6	13	26

Рассчитано по: [10].

Таблица 3

Динамика общей численности сельских населенных пунктов Саратовской области по переписям населения по годам (тыс. чел.)

Года	1970	1979	1989	2002	2010	2018
Общая численность СНП	2697	1964	1768	1752	1778	1788

Рассчитано по: [14].

Один из крупных исследователей в области исторической демографии С. В. Уставщикова, проводя анализ группировки административных районов по числу сельских поселений, выявила тенденцию роста числа районов в области со средним количеством сельских муниципалитетов от 6 до 10. На 2015 г. таких районов было 22, в 2018 г. – 21¹⁵.

За период 1979–1989 гг. значительно сократилось количество поселений с людностью от 101 до 200 человек. Они оказались самыми неустойчивыми в структуре расселения области и либо перешли в разряд более мелких (от 50 до 100 человек), что было типично для Правобережья, либо произошло их укрупнение, что было

характерно для Левобережья в годы мелиоративного строительства¹⁶.

К 1989 г. возросла доля крупных населенных пунктов, как центров, сохранения учреждений и предприятий социальной и производственной инфраструктуры. В 1990-е гг. менялись формы организационной хозяйственной деятельности. Аграрная реформа в области способствовала созданию многоукладной экономики сельского хозяйства. Активизировался процесс развития индивидуального сектора в сельском хозяйстве, в том числе создание фермерских хозяйств. Сельское население проживало в 1697 СНП, кроме того 51 населенный пункт числился без населения¹⁷. За период 1989–2002 гг. были

«списаны» 76 поселений по причине отъезда всех жителей.

Возрастание к 2010 г. доли сельских населенных пунктов было связано, во-первых, с переводом рабочих поселков в разряд сел; во-вторых, развитие фермерства способствовало увеличению числа хуторов с постоянно проживающими там жителями. При этом в области преобладали мельчайшие и мелкие населенные пункты.

По данным на 2018 г. в Саратовской области насчитывается 953 села, 399 посёлков, 220 деревень, 161 хутор, 55 железнодорожных станций и разъездов, 25 рабочих поселков¹⁸.

Наибольшее количество сёл в Вольском районе – 50, среди правобережных районов также можно отметить Базарно-Карабулакский (39), Балашовский (34), Красноармейский (34), Ртищевский (36) районы. Среди левобережных районов преобладает по числу сёл Марковский район – 47, Пугачёвский – 36, Ершовский – 36. По людности преобладают сёла с численностью населения до 500 человек (например, в Ртищевском районе таких сёл – 21, Марковском районе – 16, Пугачёвском – 15)¹⁹.

При этом наблюдается стремление сельских жителей переехать в крупные населённые пункты с развитой инфраструктурой, более близким расположением муниципальных властей. Это в свою очередь приводит к появлению сёл и деревень с количеством жителей до 10 человек. Например, в Марковском районе насчитывается 5 сёл. По этому показателю людности можно проследить и деревни в отдельных районах области. Например, в Петровском районе – 7, Ртищевском районе – 6, Саратовском районе – 5.

Посёлки преобладают в левобережных районах области. Наибольшее их количество сосредоточено в Дергачёвском (28), Энгельском (26), Пугачёвском (23), Ершовском (22) районах. Среди Правобережных районов по числу посёлков лидирует Балашовский (21), Ртищевский (26), Саратовский (20). В среднем количество жителей в посёлках области от 200 до 500 человек. При этом значительное количество посёлков можно причислить к мелким населённым пунктам с численностью до 50 человек (например, в Энгельском районе – 5, Пугачёвском – 6, Ртищевском – 13)²⁰.

Деревни преобладают в Правобережье области – Аркадакский, Аткарский, Екатериновский, Калининский, Петровский, Ртищевский, Саратовский районы. По показателю людности саратовские деревни относятся к мелким населённым пунктам: на первом месте деревни, с численностью жителей до 50 человек (в Петровском районе 11 деревень, Ртищевском – 10, Саратовском – 9).

Хутора как тип мелких населённых пунктов распространены преимущественно в левобережных районах Саратовской области. В их числе традиционно Александрово-Гайский (46), Новоузенский (53), Перелюбский (15), Питерский (16). Численность населения в хуторах в среднем

50 человек²¹. Данные районы всегда отличались спецификой сельского расселения, которая характеризовалась на юго-востоке области разреженной сетью основных посёлков, дополняемых сетью более многочисленных малых и мельчайших посёлков – хуторов.

Возможно, экономическая целесообразность сохранения мелких населённых пунктов при очевидном сокращении их населения связана с необходимостью сохранения административных границ муниципальных районов и бюджета территории. Наблюдается «искусственное» сдерживание процесса урбанизации и расширения границ городских поселений, так как это потребует дополнительные финансовые средства от городских властей на благоустройство и заселение территории, развитие социальной инфраструктуры.

Как справедливо отмечено в статье А. А. Позаменко, «специфика российской сельской местности такова, что для эффективного управления весьма желательно, чтобы глава лично знал всех по своей территории и, соответственно, все знали главу. Однако при численности населения в несколько тысяч человек это ещё возможно, если все собраны в малом городе, но практически нереально, когда жители десятков или сотен населённых пунктов расселены по сотням или тысячам квадратных километров»²².

Процесс слияния сельских поселений не учитывает принцип «шаговой доступности» местной власти, территориальную площадь муниципальных районов. Это в свою очередь влечет за собой сокращение численности сельского населения области. Так, например, в Балаковском муниципальном районе 48 населённых пунктов объединены в составе одного городского и двух сельских поселений: муниципальное образование город Балаково, Быково-Острогское муниципальное образование, которое объединило ещё 10 сельских поселений – общее число сельских населённых пунктов 34 с населением 13641 человек, Натальинское муниципальное образование объединило ещё 5 сельских поселений, общее число сельских населённых пунктов – 13 с населением 7201 человек. Площадь района 3,2 тыс. кв. км²³. Другой пример – Краснопартизанский район, в котором 30 населённых пунктов объединены в составе одного городского и одного сельского поселения: Горновское муниципальное образование (13 сельских населённых пунктов, 7991 тыс. человек) и Рукопольское – 17 сельских населённых пунктов, 3556 человек. Площадь района 2,4 тыс. кв. км²⁴. Район с наибольшим количеством населённых пунктов Ртищевский – 93 СНП, группируется в 6 сельских и 1 городское поселение, его площадь составляет 2,3 тыс. кв. км. Аналогичное количество городских и сельских поселений в Романовском районе, где всего 20 СНП с площадью 1,2 тыс. кв. км²⁵.

Таким образом, Саратовская область следует всероссийской тенденции укрупнения муниципа-

литетов. Процесс укрупнения муниципальных образований за период 2010–2018 гг. оказал прямое и непосредственное влияние на поселенческую структуру области. Количество сельских населенных пунктов неуклонно сокращается, растёт число мелких и мельчайших пунктов.

Районы, особенно левобережные, имеющие обширную площадь, будут испытывать недостаток в трудовых ресурсах, что может привести к затруднениям развития социальной инфраструктуры. Это в свою очередь повлияет на внутри-областное миграционное движение сельского населения в города и районные центры.

В качестве положительных эффектов от укрупнения муниципальных образований отмечаются создание условий для более качественного решения вопросов местного значения, совершенствования социальной инфраструктуры муниципальных образований; повышение управляемости территории муниципального района и эффективности принятия управленческих решений.

Процесс укрупнения муниципалитетов при всей его экономической эффективности вызывает немало беспокойства у населения на местах. Жители населенных пунктов обеспокоены возможной «деградацией» территории, гибелью населенных пунктов, оказавшихся на периферии объединенных поселений. В одном из интервью министр по делам территориальных образований Саратовской области Л. Жуковская, упоминая об опасениях жителей, отмечала основные задачи и пути решения проблем объединения. «Ставка была сделана на эффективную организацию работы органов местного самоуправления во вновь образованных муниципальных образованиях. Нам было важно, чтобы у людей не создавалось ощущение, что местная власть их «бросает», территориально перебираясь из одного административного центра в другой. Наоборот, была поставлена задача – перенаправить получаемые преимущества и экономический эффект от объединений поселений на оказание реальной помощи жителям»²⁶. Поэтому областным Правительством в муниципальных образованиях были направлены конкретные методические рекомендации, касающиеся вопросов преобразований. «...Муниципальные образования находят свои варианты взаимодействия с населением. Например, в Татищевском районе организована «горячая линия». В Натальинском муниципальном образовании Балаковского района для удобства жителей поселения в нынешнем году планируется в работе администрации активно использовать информационно-коммуникативные технологии»²⁷.

Тревога жителей связана в первую очередь с дальнейшим измельчением сельских населенных пунктов. В интервью пояснено, что «объективно существуют такие процессы, как естественная убыль населения, внутренняя миграция, имеющая самые разнообразные причины, при этом не всегда экономического характера. Эти процессы были и будут всегда, хотим мы этого или нет»²⁸.

В результате укрупнения сельских поселений формально норма, согласно которой местное самоуправление должно осуществляться на всей территории страны, не нарушается. Но фактически оно стягивается в отдельные точки. Территории упраздняемых сельских поселений остаются практически без внимания со стороны новой центральной администрации. Более того, если у людей нет возможности добраться до администрации, они оказываются отрезанными от получения многих государственных и муниципальных услуг. Далеко не все население владеет информационно-компьютерными технологиями, что затрудняет процесс взаимодействия с властями. Также становится невозможным или ввиду дороговизны пути бессмысленным оформление некоторых льгот и пособий. Ослабевают прямая связь с районной властью. При этом вертикаль власти укрепляется. Подконтрольность поселенческой власти со стороны населения падает.

Примечания

- 1 См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Закон : принят Гос. Думой 6 отк. 2003 г. Текст с изменениями и дополнениями от 06.02.2019. М. : Актуальное законодательство, 2019.
- 2 См.: *Баженова О. И.* Преобразование муниципальных образований – условие выхода из экономического кризиса сельских территорий : заблуждение или реальность? // *Муниципальная экономика*. 2013. № 2. С. 2–10.
- 3 См.: Бюллетени «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» за 2007–2014 гг. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect> (дата обращения: 20.02.2018).
- 4 *Путин В. В.* Демократия и качество государства. СМИ о Путине URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/> (дата обращения: 20.02.2018).
- 5 См.: *Уставщикова С. В.* Основные черты трансформации сельского расселения Саратовской области в 1959–2015 годах. // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. Сер. Сер. Науки о Земле*. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 91.
- 6 См.: *Жуковская Л.* Самоуправленческие начала местной власти должны быть сохранены : интервью министра по делам территориальных образований «Саратовской областной газете». URL: <http://saratov-news.net/society/2014/02/18/6729.html> (дата обращения: 20.02.2018).
- 7 См.: Опыт преобразования муниципальных образований : объединение сельских поселений Саратовской области. URL: <http://smosar.sarmu.ru/luchshie-munitsipalnye-praktiki/%> (дата обращения: 20.02.2018).
- 8 Там же.
- 9 Численность и размещение населения Саратовской области : Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики

- по Саратовской области. Саратов, 2012. 104 с. С. 7, 24, 26 ; Саратовская область в цифрах – 2016 : Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2017. С. 6.
- ¹⁰ См.: Административно-территориальное деление Саратовской области URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹¹ См.: Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 90–91.
- ¹² См.: Опыт преобразования муниципальных образований : объединение сельских поселений Саратовской области. URL: <http://smosar.sarom.ru/luchshie-munitsipalnye-praktiki/> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹³ См.: Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 91–92 ; Саратовская область в цифрах – 2016 : Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2017. С. 6.
- ¹⁴ Численность и размещение населения Саратовской области : Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. 104 с. С. 6. За 2018 год данные рассчитаны на основе : Административно-территориальное деление Саратовской области. URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Административно-территориальное деление Саратовской области URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title> (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Позаменко А. А. Последствия укрупнения сельских поселений : взгляд снизу // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 168–181.
- ²³ См.: Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 89.
- ²⁴ См.: Административно-территориальное деление Саратовской области URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title> (дата обращения: 20.02.2018).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Жуковская Л. Указ. соч.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.

Образец для цитирования:

Сушко М. Ю. Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 259–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-259-264>

Cite this article as:

Sushko M. Yu. The Process of Municipalities Enlargement in Saratov Region as a Factor of Alteration of the Rural Settlement Structure at the Present Stage. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 259–264 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-259-264>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Прерванный дебют

Ю. Г. Степанов

Рецензия на книгу: *Тотфалушин В. П.* «Детские годы» саратовского спорта. Саратов : ООО «Волга», 2015. 96 с.

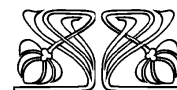
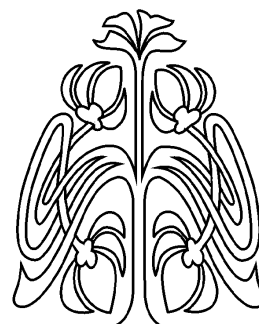
Допинговые расследования, беснования так называемых «ультрас», контракты и купля-продажа футбольных и прочих «мега-звезд», с общей суммой контрактов, превышающей годовую бюджет некоторых стран ЕЭС, вновь допинг и деньги, погромные выходы фанатов и скандальные разоблачения. Такова в XXI столетии повседневность мира большого спорта, который прочно усвоил худшие черты массовой культуры и бизнеса, политики и зрелища, где от любви до ненависти, от обожания до проклятий и призыва к «аутодафе» - один пропущенный в ринге удар или незабитый пенальти...

Сейчас уже трудно сказать, как и почему борьба за голы, очки, секунды стала сублимированной формой войны за утверждение национального превосходства, перебравшейся с полей сражений на стадионы. «О спорт, ты мир?». Вероятно, именно так, иронически и с вопросительной интонацией, должен теперь звучать призыв прославленного гуманиста и родоначальника современного олимпийского движения Пьера де Кубертена.

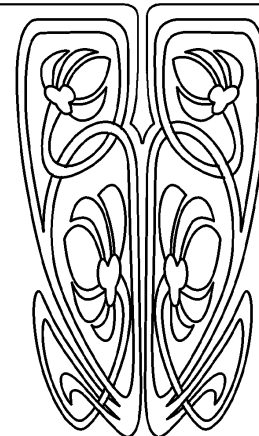
В отличие от ристалищ профессионалов физическая культура – это страстное увлечение миллионов и миллионов людей на всех континентах, является «городу и миру» очень скромно: без ажиотажа в СМИ, пафосных речей мэров, пэров, министров и президентов. Массовый спорт остается пасынком постиндустриальной цивилизации. Он вынужден довольствоваться мизерными бюджетными ассигнованиями и разовыми пожертвованиями бизнесменов, напоминая о себе, главным образом, заплывами и забегами, приуроченными к началу очередной избирательной кампании. К сожалению, заявления властей о здоровом образе жизни как приоритете государственной политики остаются лишь декларациями. Так, компания Газпром, главным акционером которой является государство, объявило о скором начале строительства в Санкт-Петербурге «самого крупного в мире» ледового дворца спорта. На реализацию этого помпезного проекта предполагается затратить 20 млрд руб. в течение 5 лет¹. Для сравнения: на «развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации в 2016–2020 годы» выделяется 3,6 млрд руб., то есть в 5,5 раз меньше...².

К сожалению, среди историков-профессионалов не востребовано изучение триумфальной шествия идеи «в здоровом теле – здоровый дух» по городам и весям империи последних Романовых. Между тем этот феномен, явно обделенный вниманием исследователей, не менее интересен, чем, к примеру, энное по счету описание не столь уж давних по времени, а главное хорошо известных подвигов советских ледовых дружин.

Парадокс, но Россия с ее культом прошлого, богатой историографией и мощной индустрией спортивной журналистики почти не имеет серьезных традиций изучения физической культуры и спорта в так называемый «досоветский период». Порой авторы даже весьма солидных специальных изданий, пухлых энциклопедий и всякого рода справочной литературы путаются в цифрах, ошибаются в датах, а конкретным фактам предпочитают неопределенные «сведения» о том, как некий имярек во «времена оны» оказался «быстрее, выше, сильнее» всех прочих. И если спортивные Москва и Санкт-Петербург все же

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

помнят, путь и туманно, «как все начиналось», то провинция в этом отношении остается terra incognita даже для самых эрудированных знатоков родного края. Конечно, историкам необходимо изжить подобную аномалию. Без твердых знаний об истоках организованного физкультурного движения, особенно в провинции, история нашего Отечества останется неполной. Это относится и к изучению прошлого Саратовского края. Город на Волге до сего дня имеет лишь фрагментарную картину эволюции спорта в области. В частности, до выхода в свет рецензируемого издания единственным опытом обращения к началу саратовского спорта оставалась написанная 50 лет назад (!) книга Г. П. Липина³. В последние годы местные историки все же обратили внимание на генезис физической культуры на своей «малой родине»⁴. Однако этих скупых сведений, изложенных в обобщающих трудах по истории Саратовского Поволжья, явно недостаточно для понимания спорта как социокультурного феномена XX в.⁵

Монография В. П. Тотфалушина – достойный вклад в изучение генезиса спорта и в Саратовской губернии и в нашей стране в целом. Над указанной в заглавии проблематикой автор работает давно и предметно, что отразилось в целой серии опубликованных им статей и очерков⁶. Так что рецензируемое издание можно считать вехой, своеобразным подведением итогов (будем надеяться, промежуточных) в работе саратовского историка.

В книге 15 очерков, каждый из которых посвящен как исстари известным в России верховой езде, стрельбе, плаванию, лыжным гонкам, так и диковинным заморским играм в футбол и лаун-теннис, экзотическому воздухоплаванию и др.

Труд В. П. Тотфалушина основан на разнообразных по содержанию и характеру источников: впервые введенных в научный оборот данных из фондов Государственного архива Саратовской области и Саратовского областного музея краеведения, материалах губернской и уездной прессы, официальных документах, воспоминаниях современников. Историк скрупулезно изучил уставы местных спортивных обществ, проанализировал историю их возникновения, цели и задачи, перспективы развития. Учтены в книге и сведения из научно-популярных, а также немногих специальных изданий.

Большую работу провел автор, выясняя обстоятельства, точное название и время учреждения в городе на Волге различных объединений любителей физической культуры. В частности, он доказал, что вопреки бытующему в краеведческой литературе мнению, «Саратовское общество охотников конского бега» возникло почти на 20 лет раньше яхт-клуба (с. 8). Саратовский историк установил или уточнил имена и статус учредителей, состав правления, численность местных спортивных обществ, источники их финансирования и многие другие факты.

Статистика, как известно, знает все, однако сухой калейдоскоп цифр порой рассеивает внимание читателя, уводит в сторону от главного, от того, ради чего, собственно, написана книга. К счастью, у саратовского исследователя на первом плане стоят люди, а весь свод цифр и фактов по сути – только необходимый комментарий к тексту.

Специфика «столицы Поволжья» мастерски вписана историком в общероссийский контекст. В. П. Тотфалушину удалось без суесловия и лишних подробностей, сжато и глубоко проанализировать эволюцию спортивной культуры Российской империи от хобби дворян, от забавы кадетов и гимназистов, к первому опыту осуществления идеи доступности, бессловности и массовости национального спорта.

Многие из приведенных автором фактов малоизвестны или вовсе неизвестны широкой публике. Так, например, первенство мира по фигурному катанию впервые было проведено в Санкт-Петербурге в 1896 г., правда, по существенно иному, нежели сейчас, образцам и правилам. А блистательная карьера знаменитого русского борца и авиатора Ивана Заикина вплотную связана с Саратовом, на аренах которого он выступал долгие 6 лет. Эти и многие другие сюжеты, приведенные В. П. Тотфалушиным, украшают книгу, делают ее интересной для широкого круга читателей.

Спорт был одной из явных примет неуклонно наступающих новых времен. Вот, например, как в начале прошлого столетия историк-краевед А. А. Гераклитов (1867 г. рождения) вспоминал Саратов своего детства: тогда «не было заморской игры в футбол (так!), а безраздельно господствовала родная лапта». Увы, лапту безжалостно «приговорили» к забвению «бицеклеты», автомобили, аэропланы...

Город на Волге периодически фигурировал даже на страницах центральных спортивных изданий. Например, в июне 1911 г. «Русский спорт» буднично сообщал об открывшемся в Саратове «дамском чемпионате французской борьбы». Активно поддерживала интерес саратовцев к различным состязаниям и местная печать. «Саратовская копеечка» 17 сентября 1912 г. информировала публику в том, что матч «черных» и «белых» (по цвету формы футболистов), «в котором участвовало более 20 человек, продолжался более 4 часов» (с. 69). Почему единоборство «черных» с «белыми» затянулось аж на четыре часа, вместо положенных полутора, корреспондент не уточнял. О том же, что в каждой команде должно быть по 11 спортсменов, вероятно, вовсе не знал: отсюда и туманное «более двадцати». Впрочем, тогда футбол не вызывал того безумного ажиотажа, что стал нормой для наших дней. Гораздо больший интерес публики вызывали регулярные поединки борцов и полеты авиаторов.

В. П. Тотфалушин аргументированно доказывает, что к началу XX в. Саратов не входил в число ведущих спортивных центров Российской

империи, уступая в масштабах физкультурного движения не только соседней Самаре, но и некогда уездной Пензе. Однако энтузиазму и энергии местных подвижников здорового образа жизни могли бы удивиться и в столицах. Так, саратовский крестьянин Альвиан Ховричев на своем «бициклете» (двухколесном велосипеде) совершил велопробег протяженностью в 527 км из Уфы в Москву. Владелец местного фотоателье С. В. Глущенко заявлял, что ради мечты стать пилотом и пролететь над родным городом готов «бросить семью и торговлю». Примеры подобной искренней, в чем-то даже наивной, увлеченности горожан «новым общественным делом» можно обнаружить практически на каждой странице книги.

Впрочем, в дореволюционном Саратове были свои знаменитости, такие как чемпион Поволжья 1912 г. по бегу на коньках Г. И. Голубчиков. На свой последний чемпионат, проходивший в разгар Первой мировой войны, он приехал в 1916 г. прямо с фронта. На весь мир прославился составлением шахматных задач земский врач Саратовского уезда А. В. Галицкий.

«Спорт вне политики». Такова была нравственная установка спортсменов дореволюционной России, которой они твердо придерживались, несмотря на все попытки втянуть их в гражданские распри. Саратовский большевик Б. И. Залетов вспоминал, что подпольную организацию ему «пришлось замаскировать тяжелой атлетикой» (с. 65). Правда, как замечает автор, по документам Залетов среди учредителей общества «Спорт» не числился.

И все же большая политика вмешалась в спортивную жизнь. Автор монографии совершенно прав: начало организованного физкультурного движения произошло в конце XIX – начале XX столетия. После 1917 г. пришлось в сущности восстанавливать утраченные позиции. Во второй половине 1920-х гг. спорт стал заметным явлением и в Советской России, и в других развитых странах. Это, однако, была уже иная эпоха, когда идея физического здоровья нации стала составной частью государственной политики и пропаганды.

Умелый синтез оригинальных фотографий и текста источников способствует воссозданию неповторимого колорита Саратова эпохи модерна, эпохи стремительно уходящей в прошлое патриархальной старины. Наглядный пример – фото «Женщина-борец» (с. 50) и авторские комментарии к ней, свидетельствующие, что российские

дамы в начале XX в. увлекались не только салонными беседами и призранием «калик переходящих».

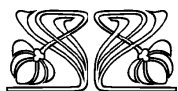
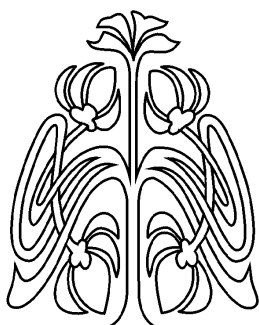
Стоит отметить и некоторые спорные положения рецензируемого издания. Думается, что автор необоснованно использует термин «массовость» в отношении «детских лет» саратовского спорта. Массовым отечественный спорт стал значительно позже, но никак не в начале прошлого столетия, когда для этого еще не появились необходимые общественные и культурные предпосылки. Этот факт отмечался в нашей литературе⁷. Справедливости ради, стоило бы указать, что многие из героев книги не были коренными саратовцами и приехали в наш край уже сложившимися людьми и спортсменами, как например, знаменитый А. И. Галицкий. И все же, это лишь частности, которые не влияют на общее положительное восприятие монографии саратовского историка.

Завершая обзор, отмечу, что книга В. П. Тотфалушина написана хорошим литературным языком и, без сомнения, будет интересна и специалистам, и любителям родной старины.

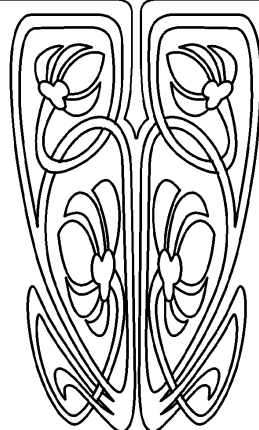
Примечания

- 1 Тимченко Г. «Мы построим самый большой дворец в мире» // Спорт-экспресс. 2018. 27 авг.
- 2 Как устроено бюджетное финансирование спорта в России. URL:// <http://www.sportdiplom.ru> (дата обращения: 22.08.2018).
- 3 См.: *Литин Г. П.* Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968.
- 4 Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. С. 341.
- 5 См.: *Булычёв М. В., Воронежцев А. В., Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: учеб. пособие для средних и старших классов школ всех типов. Саратов, 2000. С. 401–402.
- 6 См.: *Тотфалушин В. П.* «Детские годы» саратовского спорта. Саратов, 2015. С. 91.
- 7 *Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю.* История физической культуры и спорта. М., 2000. С. 64.

Ю. Г. Степанов,
кандидат исторических наук,
главный архивист отдела
научного использования документов
Государственный архив Саратовской области
(ГАСО)

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>